

и престоуцими. и хже андоу сѣло стрѣ
шенъ. а сѣ же мовкъ аще и хже зрѣци
грѣшна а дѣла мовма пѣше сѣ сѣло а се
сѣ. страшци сѣ. престоуци оу же мн
тлко а сѣ страшны сѣ фюпѣ. по зрѣ ни
дѣ ра лоуноши а сѣ блѣ рѣ сѣ. сѣ ло крен
селми. и а сѣ кочни дѣла мовма прѣци мов

**Боящемуся Господа благо будет напоследок,
и в день смерти своей он получит благословение.
Страх Господень – дар от Господа
и поставляет на стезях любви.**

Сирах. 1: 13

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ**

Л.П. НАЙДЕНОВА

**ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ
РЕГУЛИРОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ
В РОССИИ XV–XVI ВЕКОВ**

**Москва
2013**

Б042(02)1

Книга посвящена проблеме влияния религиозных представлений, прежде всего, таких «пограничий», как жизнь и смерть, Страшный Суд, на социальную жизнь средневековой Руси. В книге впервые в новейшей исторической литературе рассматривается соотношение мотивации поведения с христианскими понятиями средневековой России.

Адресована как историкам, так и широкому кругу читателей.

Рецензенты:

д-р ист. наук Е.В. Белякова,

д-р ист. наук Н.М. Рогожин

В оформлении обложки использована миниатюра
«Хождение Феодоры по мытарствам» (Лицевой свод, XVI век).

ISBN 978-5-8055-0249-2

© Институт российской
истории РАН, 2013 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нам со школьной скамьи известно, что история нужна. Нужна для того, чтобы лучше понять настоящее. При всей справедливости этого высказывания нельзя не заметить, что именно современные реалии заставляют нас обращаться к вроде бы давно изученным явлениям прошлого, но интересуют нас не те аспекты, которые были в центре внимания историков-предшественников. Подобное произошло и с той проблемой, которая рассматривается в предлагаемой вниманию читателей книге. Роль церкви за последние десятилетия (собственно, после празднования тысячелетия крещения Руси, а потом и вследствие происходящих в современной России социально-политических процессов) сильно изменилась. Теперь церковь оказывает гораздо большее влияние на общество, чем это было еще лет двадцать назад. И сейчас писать о церкви и религии – не конъюнктура, а насущная необходимость.

Нельзя сказать, что в советское время историей церкви совсем не занимались. Занимались, и плодотворно, Я.Н. Шапов, А.А. Зимин, Р.Г. Скрынников, но взаимоотношения церкви как института и государства как института, А.И. Клибанов, Я.С. Лурье, Н.А. Казакова, но либо ересями, т.е. отклонениями от вероучения, либо политическими, экономическими и другими аспек-

тами русской средневековой мысли, скрывавшейся под религиозными покровами. К самим «покровам» в светской российской науке обращаться было трудно, да и не актуально – слишком малозаметна была тогда роль церкви. В последние годы появилась и потребность, и возможность обратиться к тем аспектам мировоззрения человека русского средневековья, о которых практически не писалось раньше, хотя на Западе подобная традиция существует, не прерываясь. Речь не идет о том, чтобы с высот атеизма столь же стремительно броситься в недра православия, а о том, чтобы по возможности свободно и объективно искать подходы к таким непривычным для нас явлениям, как, например, русская средневековая религиозность, причем (хотелось бы подчеркнуть) не высот теологической мысли, а веры неграмотного или малограмотного большинства, к которому относились не только землепашцы и ремесленники, но и представители более высоких социальных групп, тем не менее, не входивших в христианскую элиту.

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга носит очерковый характер, что неизбежно в связи с состоянием историографической и источниковой базы данной темы, которую можно было бы назвать «история религиозности и ее влияние на социальное поведение».

Прежде всего хотелось бы *напомнить* на сегодняшний день кажущееся самоочевидным положение о том, что религия выполняет в обществе ряд важных социокультурных функций, одной из которых является мировоззренческая смысло- и ценностно-полагающая. Религия – это форма духовного познания мира и формулирования основных жизненных ценностей. Именно она выстраивает аксеологическую шкалу, позволяющую человеку решать, что хорошо, а что плохо. Она не только формирует мирозерцание человека, но и воспитывает нормы поведения человека в реальном мире, как природном, так и социальном, т.е. выступает в роли ориентира и регулятора поведения. Кроме того, религия формирует правосознание человека, и, как показывает современность, попытка полностью реализовать усвоение социумом нигилистическое отношение к религии разрушает и основы правосознания. Церковь, как мощный социальный институт, способствует выполнению ре-

лигией своих функций, но она способна изменить или, напротив, сохранить что-то в мировоззрении, только если социальные структуры и общественное сознание в целом готовы принять это. В качестве примера можно привести крещение княгини Ольги, которая, вполне возможно, хотела сделать христианство восточнославянской религией, но это удалось лишь князю Владимиру менее чем через полвека. И произошло крещение Руси потому, что менталитет древнерусских людей был готов к такой перемене. На полную христианизацию ушло несколько столетий, но начало массовой христианизации было положено именно в X веке. Православная церковь, играющая роль регулятора социальных отношений, действовала не только через пропаганду прямых предписаний и заповедей: «не убий», «не укради», но и через создание умонастроения в обществе, когда такие поступки были если не невозможны, то осуждаемы.

В обществе постепенно усваиваются такие, более тонкие и высокие понятия, как любовь к Богу и ближнему, боязнь греха, т.е. поступка, противоречащего Божественным заповедям, да и само понимание этих заповедей становится более чутким и связанным с конкретными поступками и поведением человека в мире, в котором он живет.

Христианство, как всеобъемлющая религия, дает основание и для оптимизма, и для пессимизма. Но хотелось бы отметить, что для православных главный христианский праздник – Пасха, лейтмотивом церковной службы на Пасху является тема: «Христос воскрес из мертвых, смертью смертью поправил и сущим во гробех живот даровал». Таким образом, вера во всеблагого и всемилостивого Бога, даровавшего людям вечную жизнь, составляет, учитывая всю условность этого утверждения, сердцевину православной веры, что и является оптимистической стороной мирозерцания православного христианина. Пессимизм же содержится в том, что всех смертных ждет неминуемая смерть, и два Божьих суда – после смерти первый, и главный – второй, Страшный суд над всеми и каждым, и этот суд может обречь человека на вечные муки. Правда, у православных и католиков есть возможность искупить грех, покайся в нем при жизни или перед смертью. Раскаявшийся очи-

щается от греха, ведущего к вечным мукам. Труднее протестантам, не имеющим такой исповеди, а потому и лишенных возможности быть прощенным за грехи при жизни. По крайней мере, три постулата помогают верующему человеку вести нравственную жизнь при жизни: Страх Божий, память смертная и вера во второе Христово пришествие и Страшный суд.

Увещевая читателя вести праведную жизнь, автор Домостроя наставляет: «Страх Божий всегда имей в сердце своем и память смертную»¹.

Соотношение страха и любви к Богу хорошо объясняет эпизод старинной легенды, передаваемой в изложении Ф.Д. Батюшкова: когда душа праведника предстала после смерти в Божественном свете, она спросила, за что ей такое счастье, и получила ответ: «В тебе больше любви к Богу, чем страха перед посмертными муками»². Это вполне согласуется со словами ап. Иоанна «совершенная любовь изгоняет страх» [I Ин. 4: 18]. Но, как справедливо заметил в одной из своих статей С.С. Аверинцев, кто из нас может сказать о том, что обладает совершенной любовью? И тем не менее, именно любовь составляет нравственную сердцевину и ориентир в поведении православного человека при жизни.

Не случайно 4-я глава Домостроя, адресованного, как известно, широкому кругу разных по своему социальному положению людей, а отнюдь не монахов, начинается словами: «Как любить Господа от всей души, тако ж и брата своего...». Любовь к Богу, и, как следствие ее, любовь к ближнему, понуждает человека следовать Божественным заповедям. А там, где не хватает любви, помогает страх Божьего гнева и воздаяния. Воздаяние может настичь человека при жизни, обязательно – после смерти. Это представление о наказании за грехи при жизни очень полно отражено, например, в летописях, и часто воспринимаемых современным читателем как топос, так ли это было для летописца, судить трудно.

И если Страх Божий в человеке нужно воспитывать, то страх смерти – инстинктивен, присущ не только человеку, а каждому живому существу. Задача христианства – приучить человека не бояться смерти, а помнить о ее неизбежности.

«При всей своей поглощенности повседневными заботами и делами человек средневековой эпохи (*homo viator*, «странник», «путник») не мог упускать из виду конечного пункта своего жизненного странствия и забыть о том, что ведется точный счет его грехам и добрым делам, за кои в момент кончины либо на Страшном суде он должен будет полностью дать отчет Творцу. Смерть была великим компонентом культуры, «экраном», на который проецировались все жизненные ценности³. Страх посмертного воздаяния более понятен, чем «страх Божий», включающий в себя не только и не столько страх перед наказанием Господним, но и любовь к Господу.

Атеисту трудно поверить, что отлучение от причастия кому-то может показаться тяжелым наказанием. Тем не менее, для верующего, чье мирозерцание основой имеет уверенность, что Бог существует, это так.

Мощным регулятором социального поведения является право, но оно само исторически базируется на постулатах традиционных религий. И если правосознание и мораль – мощные регуляторы социального поведения, то «можно представить себе, конечно правосознание вне религии и вне совести, но это будет что-то вроде воли, лишенной неба и земли, это будет дисциплина влечений, а не качественное и не творческое начало жизни, черствая форма, лишенная дара любви и дара созерцания»⁴.

Можно согласиться с мнением А.И. Алексеева, что в изучаемом периоде «несравненно ярче проявилось воздействие факторов духовного порядка на социальную практику»⁵, чем наоборот.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

В конце XIX века появился ряд исследований, некоторым образом связанных с изучением религиозности, например, книга А. Попова «Влияние церковного учения древне-русской духовной письменности на мирозерцание русского народа»⁶. Сам Попов считал, что он пишет о допетровских временах, но те источники, которыми он пользовался (Даль и Снегирев)⁷, не позволяют утверждать это однозначно, поскольку неизвестно, в какое время появились те пословицы и поговорки, которые он приводит в своей работе как существующие уже на протяжении длительного времени.

Вопрос о том, что такое религиозность, в православной до-революционной Российской империи мало интересовал ученых как научная проблема. Это было важно, скорее, для публицистов и сводилось к двум утверждениям. Славянофильское – русский народ богобоязнен, и западническое – русский народ невежествен и равнодушен к религии, тем более эта проблема была неактуальна в советской атеистической России.

Историей православия советские историки занимались, но проблематика была известна: социально-экономическое положение, взаимоотношение церкви и государства, антицерковные

движения, «двоеверие». Причем некоторые вопросы, например, положение крестьянства, изучались на монастырских архивах как лучше сохранившихся, а результаты исследования переносились на все крестьянство, включая и помещичье. Можно сказать, что изучалась, в той или иной мере, церковь как институт, причем до известной степени противостоящий «народу». Проблема же состоит в том, что представляла собой народная религиозность, если оставить в стороне вопрос о «двоеверии».

Впервые в исторической литературе эта проблема была сформулирована Л.П. Карсавиным, но, к сожалению, на итальянском материале⁸. Впрочем, обращение русских авторов к западному материалу не удивительно, если вспомнить судьбу крупного историка Русской православной церкви Е.Е. Голубинского. Его поддерживал митрополит Макарий (Булгаков), сам в это время работавший над сходным исследованием, но в ком счастливо уживались видный церковный деятель и выдающийся ученый, а Синод и близкие к нему круги раздражал слишком критический, с их точки зрения, подход Голубинского к источникам. В результате Е.Е. Голубинский был вынужден прервать свою работу на XVI веке. В начале XX века, когда времена стали более «либеральными», ему предложили продолжить работу над Историей русской церкви, Голубинский с энтузиазмом взялся за дело... но вскоре публично, в печати, извинился перед читателями за то, что не сможет закончить обещанный труд, поскольку – нет сил. Русские церковные власти не любили научного вмешательства мирского человека в историю церкви и православия. Легче было работать с западным материалом, тем более, что источников по западной истории сохранилось гораздо больше. Карсавина интересовала не церковь как институт и не смена богословских концепций, его интересовала специфическая форма социального сознания и мировидения средневекового общества, когда в Священном Писании, символах и обрядах христианства черпали свое выражение все участники исторического процесса, как господствующие слои, так и простонародье. Христианство, по мысли

Карсавина, было той знаковой системой, которую воспринимали все⁹.

Л.П. Карсавин первым почувствовал, по его выражению, «антиномичность религиозного сознания» человека, жаждущего Спасения и в то же время стремящегося к обретению единства «Божеского с человеческим во всех сферах жизни»¹⁰. Он разводит понятия «вера» и «религиозность». Вера у него выступает объективной стороной, а религиозность – субъективной. По мнению А.И. Алексеева, Карсавин видел в вере постоянную, а в религиозности – меняющуюся величину¹¹. Догматы веры не меняются в течение столетий, тогда как религиозное чувство может менять интенсивность и обращать внимание на ту или иную сторону постулатов. Чтобы говорить об истории религиозности, отмечает Алексеев, возражая А.Я. Гуревичу, нужно обращать внимание не только на то, что написано, но и в какое время и почему становится актуальным тот или иной давно написанный текст¹².

Но в целом в отечественной литературе изучение феномена религиозности еще только начинается, поэтому в данной книге раздел по историографии отсутствует. Хотя в последнее десятилетие появился ряд работ, связанных с изучением религиозности и в то же время не имеющих тех идеологических шор, которые были неизбежны в предшествующем столетии. Среди них можно назвать и уже упоминавшуюся работу А.И. Алексеева «Под знаком конца времен». Это серьезная заявка на то, чтобы пересмотреть давно известный в литературе спор между нестяжателями и иосифлянами не с точки зрения политических интересов церкви как института и не с точки зрения социально-экономических противоречий того времени, а с точки зрения того, чем, в первую очередь, и была эта полемика для своего времени – духовными исканиями и дебатами, выражающими религиозные умонастроения эпохи и выраженные в форме христианских понятий и символов. Для того, чтобы вернуть эту полемику на надлежащее ей место, Алексееву понадобилось рассмотреть, хотя бы в первом приближении, целый ряд вопросов, связанных с характером русской средневековой религиозности вообще и с

особенностями ее бытования и проявления на интересующем его отрезке времени. А значит, и вопросы, связанные с эсхатологией и представлением о смерти вообще, роли духовных наставников в жизни русского общества, особенностях развития духовной литературы и ряд других.

Монография А.В. Пигина¹³ посвящена потусторонним видениям в древнерусской письменности, автор в основу своего исследования положил Повесть Антония Галичанина, на связь которой с Иосифо-Волоколамским монастырем указывал еще И. Хрущов¹⁴. Правда, автор не отмечает, что отношение к видениям в средневековой России было неоднозначным: им и верили, потому что очень хотели знать о потустороннем мире больше, чем дано простому человеку, и побаивались, как бесовского наваждения. Кроме того, стремление получить максимальную информацию из источника, сравнивая его с максимально широким кругом в чем-то сходных явлений, приводит к тому, что источник как бы «размывается», утрачивая свою индивидуальность, и не встраивается в ряд типологически сходных явлений, а растворяется в них. Нужно учесть, что нас в данном случае интересуют не потусторонние видения как таковые, а их влияние на деятельность живых людей и их умонастроение.

Более корректно отношение к ассоциациям и сравнениям в очень интересной статье А.Л. Юрганова «Опричнина и Страшный Суд»¹⁵. В ней аналогии проводятся в рамках христианской традиции, в которой и размышляли и действовали русские люди XVI века, а потому она и более убедительна и аргументированна. Да и проблема, которую ставит перед собой автор статьи, очень интересна. А именно: что думал об опричнине сам ее создатель, Иван Грозный.

Действительно, историков больше интересовали последствия опричнины, ее политические и социально-экономические цели. Лишь В.Б. Кобрин, пожалуй, первым, писал об опричнине как о средстве установления неограниченной личной власти Ивана Васильевича¹⁶. Юрганов же оценивает позицию царя не только с мирской, но и религиозной точки зрения. И приходит к выводу, что речь шла не просто о личной, но Божественной

функции государя, т.е. находиться в семантическом поле не современного человека, а русского XVI века, что значительно расширяет наше представление не о современных исторических суждениях, а открывает мир понятий средневековья. Но и ему не удается быть последовательным до конца. Так, характеризуя учение Оригена, он отмечает, что его представления о временности загробных мучений «не стало всеобщим». С нашей точки зрения, можно было либо вообще не упоминать об Оригене, если же упоминать, то стоило сказать, что Ориген был осужден как еретик задолго до крещения Руси, и догмат о чистилище существует у католиков, но отрицается православными, а Иван Грозный был человеком не только религиозным, но и начитанным, и ему не знать о разнице между католическим чистилищем и православными мытарствами души после смерти тела было просто нельзя. В целом же автору статьи удалось дать масштабную характеристику незаурядному правителю русского средневековья, но, к сожалению для нас, именно правителю, а не народу того времени, да он такую задачу перед собой и не ставил. Достаточно убедительно прозвучало уже то, что если конец XV века в России многие ощущали как преддверие Страшного Суда, то опричнина и для самого царя и для тех, на кого она обрушилась, воспринималась как сам Страшный Суд, тем более, что была проведена во многом в символах Апокалипсиса.

Монография А.Л. Юрганова «Категории русской средневековой культуры»¹⁷, как бы не отрицал сам автор, вызывает ассоциации с книгой А.Я. Гуревича «Категории культуры средневековья», вышедшей в 1967 г. Ситуации, в которых появились эти труды, различны. А.Я. Гуревич писал тогда, когда, не отрицая общей установки, что культура средневековья религиозна, невозможно было серьезно и глубоко изучать характер и значение этой религиозности. Об этом Гуревич смог написать только в «Культуре и обществе средневековой Европы глазами современников» в 1989 г. А.Л. Юрганов писал свою монографию в более свободном обществе и с учетом того, что сделали медиевисты, в том числе и А.Я. Гуревич, на западном материале. Трудно отрицать тот факт, что «Категории» Гуревича про-

будили мысль ряда исследователей, по меньшей мере, указав направления изучения прошлого, остававшиеся вне внимания историков. Эти направления уже были намечены в трудах П.Н. Милюкова, о чем пишет и Юрганов, и в трудах Л.П. Карсавина, но по известным причинам до широкой исторической общественности в середине прошлого столетия они не дошли и открываются нам заново. Без этих уточнений остается непонятным, почему А.Я. Гуревич пишет о «материальных» категориях, таких как труд и богатство, а значительная часть монографии А.Л. Юрганова посвящена понятиям религиозным, при том, что очевидно, что религиозность средневековой культуры не является чем-то специфически русским. Исследователь вправе формулировать понятия, которыми он оперирует, по собственному усмотрению, но иногда согласиться с ним и перенять его формулировки трудно. Так, он пишет: «Категориальное описание средневековой культуры относится не ко всем сторонам духовной жизни людей, а лишь к тем, которые определяют ее как сущностный феномен ушедшего в небытие сознания»¹⁸, отмечая при этом, что понятие святости не является средневековой категорией, поскольку существует и сегодня. Но точно так же сегодня для миллионов людей существует и неизбежность Страшного суда, и жизнь души после смерти, однако о них Юрганов пишет, так же как о «вере» и «правде» – понятиях, отнюдь не вычеркнутых из современного сознания, как о категориях средневековой культуры. Таким образом, говорить приходится не об абсолютном уходе категорий в небытие, а о роли, которую они играют в разные исторические времена.

Что же касается соотношения между «верой» и «правдой», то не на высоком теологическом уровне, а на уровне повседневности это понятия для средневекового человека, видимо, соединялись в слове «праведник» – т.е. человек, ведающий правду», а именно – живущий в вере и по тем заповедям, которые ею продиктованы, в земной жизни.

Говоря об отношении человека к смерти, трудно не назвать исследование Филиппа Арьеса «Человек перед лицом смерти», вышедшее в 70-е годы XX века и тогда же впервые переведен-

ное на русский язык. Книга вызвала большой резонанс в западной литературе и была замечена в советской. Конечно, Арьес был не первым, кто затрагивал вопрос об отношении человека к смерти. Такие попытки осмысления в христианской литературе можно начать с ранней патристики, но Арьес рассматривает проблему не как богослов, а как историк, причем, делает это на огромном временном отрезе – от Раннего средневековья до XX века. Его исследование, при всей уязвимости отдельных положений, показывает, что отношение к смерти отражает отношение человека к жизни, а потому – стремление к расширению знаний о человеке.

Отношение к смерти, по Арьесу, относится к тем явлениям, которые изменяются очень медленно, и поэтому для человеческого взора незаметно, относясь к тем явлениям большой временной протяженности, о которых писал Бродель.

Говоря о «двоеверии» русского народа, нельзя не отметить, что характер религиозности «низов» общества связан с представлениями и знаниями духовной элиты, но связь эта часто «размыта» и низы понимают религиозные постулаты по своему, письменных источников о религиозной настроенности масс практически не сохранилось. Тем ценнее попытки все-таки найти подходы к народной религиозности. Очень интересна попытка американской исследовательницы Ив Левин использовать с этой целью новгородские берестяные грамоты. С их помощью ей удалось выяснить, что религиозная идентификация русских в XV веке была христианской¹⁹. Она отмечает, что наличие христианской идентичности проявляется еще более наглядно в том, какие термины используют, говоря о себе самих. И таким термином в русских летописных сводах с конца XIV века является термин «христиане».

Важным источником по изучению мировосприятия средневекового человека и связи мировосприятия с социальным поведением являются исповедные книги. Епитимийники, служившие своеобразными руководствами для священника на исповеди, в последние годы часто называют «покаянными кни-

гами», по аналогии с пенитенциалиями в Западной Европе, которые исследовал А.Я. Гуревич²⁰.

Русскими покаянными книгами как памятниками церковного права в XIX веке занимались А. Павлов, А. Алмазов, С.И. Смирнов²¹.

На епитимийники и «поновления»²² как источник для изучения народной культуры обратил внимание А.И. Клибанов в своей последней книге «Духовная культура средневековой Руси» (М., 1994), где покаянным книгам отведен специальный параграф.

Исследование А.И. Алмазова посвящено очень широкой теме: «тайная исповедь в Православной восточной церкви». Он рассматривает общий устав совершения исповеди как в Древней Восточной церкви (I–IX века), так и исповедь в Греческой церкви X–XIX веков и исповедную практику в Югославянской и Русской церквах. Для данной темы особенно интересна пятая глава тома 1, где речь идет о совершении исповеди и дополнительных статьях к Исповедному уставу по русским рукописным памятникам. Здесь характеризуются общие статьи исповедных (покаянных) книг, их редакции и соотношение с подобными греческими и юго-славянскими текстами.

Автор отмечает наличие трех редакций «поновлений»²³ – для мирян, монашествующих и священнослужителей. По мнению А.И. Алмазова, безусловная обязательность регулярной исповеди была признана к началу XV века²⁴. Тогда же началась более активная работа по составлению вопросников и поновлений, которые должны были помочь священнику и кающемуся в исполнении таинства исповеди.

Исповедные вопросы учитывали разные категории паствы, как по возрастному, так по половому и социальному признакам. Следует отметить, что вопросы были сформулированы очень конкретно – греховность и праведность имели вполне конкретные формы проявления. «Вопрос торговым людям», например, спрашивал о таких греховных поступках: «Не божился ли еси на криве в торговле», или не обманывал ли ближнего продажей некачественного товара, не получал ли больше-

го дохода от продажи, завышая цену на товар, не украл ли товар, не пытался ли избежать выплаты царской пошлины. Епитимийник, составленный для «вельмож», в числе грехов называет измену государю, несправедливый суд за взятку, осуждение невинного на смерть, избиение человека «без вины», казнь челяди без вины.

Исследование Алмазова основано на источниках, которые он разыскивал в целом ряде крупнейших библиотек, в том числе Афонского Пантелеймонова монастыря, Ватиканской библиотеки, Парижской национальной библиотеки и др., а также целом ряде на тот момент частных коллекций, в музейных собраниях и библиотеках крупнейших русских монастырей. Публикация многих из разысканных документов с указанием выходных данных (третий том исследования) имеет большое научное значение до сегодняшнего дня.

Ценные сведения о составе и значении покаянных книг содержатся в исследовании С.И. Смирнова «Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины», где опубликован целый ряд текстов, связанных с таинством исповеди. Особое внимание уделено «покаянным номоканонам». С.И. Смирнов считал свою работу предварительной, но важной как для церковной истории, так и для истории церковного быта. Основные изданные тексты представляют собой:

- 1) правила, состоящие из статей канонического или богослужебного характера, где епитимийные статьи иногда господствуют, иногда составляют лишь часть текста,
- 2) предписания духовникам о принятии исповеди и наложении епитимьи,
- 3) правила о постах,
- 4) послания и поучения духовных отцов духовным детям,
- 5) поучения попам.

Автор стремился установить происхождение, источники и взаимные отношения памятников, «степень их канонической авторитетности и практического значения в древней Руси»²⁵. Тексты приведены с учетом разночтений по трем–пяти спискам. Часто использовалась рукопись: ГИМ. Уваровское соб-

рание. № 559 (329). Номоканон XVI–XVII вв. (В частности, при публикации особой редакции «Вопрошания Кирика».)

В последние годы самым заметным исследованием и публикацией текстов стала монография М.В. Корогодиной, в которой она расширила источниковую базу для исследователей, значительно увеличив число текстов исповедального характера, разыскав их в архивах, прежде всего, петербургских²⁶. Она, проанализировав весь комплекс материалов, провела более точную классификацию разнообразных источников, составляющих корпус исповедальной литературы, утверждая, что значительная часть исповедальной литературы появилась в XIV веке и просуществовала в «живом» состоянии до появления печатных изданий в XVII веке. Она отмечает, что покаянные тексты – это синтез канонических установлений и жизненного опыта самих духовников, учитывающих потребности пасомых.

Для нашей темы епитимийники представляют интерес в двух аспектах: во-первых, несмотря на то, что они используют постановления церковных соборов, т.е. по истокам своего появления публичны и адресованы ко всем священникам, а во-вторых, по использованию своему – на таинстве исповеди – глубоко интимны и показывают стремление церкви «христианизировать» и эту сферу жизни.

Большое по объему и важное для изучения гендерной истории число источников издала Н.Л. Пушкарева²⁷.

Среди источников, использованных в исследовании, есть несколько греческих по своему происхождению. Это «Откровение Богородицы» (VII век), или, в русском варианте, Хождение Богородицы по мукам, Хождение преподобной Феодоры по мытарствам – отрывок из Жития Василия Нового (X век), встречающийся как в составе Жития, так и как отдельное произведение, и Рассказ Андрея Блаженного о смерти блудника (известен нам лишь в одном списке и приведен в Приложении). Хождение Богородицы по мукам – пожалуй, первое произведение из апокрифов, появившееся на Руси едва ли не вместе с известием о запрете на него. Известно как в списках XII–

XIII веков, где еще упоминаются восточнославянские языческие божества, так и в более поздних списках, в частности, XV века, сербского происхождения. Несмотря на запреты, текст был широко известен вплоть до XIX века, в позднее время особенно почитаем старообрядцами. Такая «живучесть» текста объясняется многими причинами. Среди них не последнее место занимают и его выразительность, и желание верующих заглянуть за ту грань, которая называется «ад». Текст публиковался несколько раз еще в XIX веке как памятник старинной русской литературы. Н.С. Тихонравов в своей публикации «Памятники отреченной русской литературы» (СПб., 1863. Т. 1–2) воспроизвел и древнейший русский текст, и текст сербской рукописи XV века с возможной для его времени палеографической точностью, понимая, что тексты эти могут просто погибнуть, как погиб список «Слова о полку Игореве».

Хождение Феодоры в славянской литературе к апокрифам не относилось, его влияние чувствуется и в духовных стихах. Этот текст ближе всего из известных нам источников XV–XVI веков подводит нас к представлениям средневекового человека о рае, но тем не менее предупреждает, что описанное в нем – еще не рай.

Рассказ Андрея Блаженного является противопоставлением смерти грешника и смерти праведника, описание которой дается уже в русском оригинальном тексте, рассказывающем о смерти Касьяна Босого. Рассказ о Касьяне Босом особенно интересен тем, что это – еще не житие, а рассказ очевидца и не носит тех чудесных черт, которые есть в описании смерти Ивана Казанского.

С конца XV века усиливается интерес к осознанию индивидуальной человеческой смерти, к той мысли, что она приходит и без конца света к каждому. Отражением этого интереса, в частности, стало появление теперь уже западных переводных произведений, таких, как Повесть о споре жизни со смертью с немецкого и Диалог магистра со смертью с польского языков. Появление этих переводов едва ли нужно объяснять усилением западного влияния уже потому, что, как показывает сравнение

польского и русского вариантов Диалога магистра со смертью, русский переводчик, достаточно точно следовавший польскому оригиналу в той части произведения, где оно совпадало с русскими реалиями, оставил без внимания тот фрагмент, который был больше связан с Западом (см. Приложение).

Отношению к смерти и представлению о посмертном воздаянии в тексте уделено так много внимания потому, что именно это представление производило большое впечатление на средневекового человека и способствовало его социализации. Но воздаяние могло настичь человека и при жизни. Это понимание ярче проявилось уже в XVII веке, о чем свидетельствует появление таких произведений, как, например, Повесть о Горе-Злочастии, но в рассматриваемый нами период мысль, что несчастья являются последствием греховных поступков, существовала и активно прокламировалась церковными деятелями.

Относительно мало изученным, но очень важным для изучения русской духовности является «Диоптра», или «Душезрительное зеркало», переведенное на русский в XIV или XV веке, написанное в вопросно-ответной форме для простых мирян, оно насчитывает более 180 только сохранившихся списков и дает ответы на многие вопросы, интересующие простых христиан. В том числе о мытарствах, аде и рае, праведной жизни и многие другие. Возможно, новый толчок к ее изучению даст публикация русского и греческого текстов, осуществленная недавно²⁸.

Все феномены, описанные в книге, такие, скажем, как «поле», опричина или ожидание конца света в 1492 г., имеют богатую историографию, но она слишком далека от проблемы, поставленной в этой книге перед собой автором. Что же касается источников в целом, то их круг сильно ограничен, что определяется как самим характером русских письменных памятников, зачастую очень немногословных именно в том предмете, который интересует нас, так и степенью изученности самого фонда источников церковного происхождения или связанных с религиозными сюжетами, что и составляет, пожалуй,

главную трудность при написании работ подобного рода на русском материале. Поэтому данная книга является лишь попыткой сформулировать проблему и найти подступы к ее решению. Но, как представляется, постановка подобных проблем в отечественной историографии давно назрела и настоятельно требует их изучения.

О РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ

О «двоеверии»

Слово «двоеверие» в русской культуре известно со времен Феодосия Печерского. Правда, св. Феодосий обозначал им смешение западного и восточного христианства. Особенно часто, как известно, этот термин стал употребляться с XIX века по отношению к русскому народному христианству в противопоставление более совершенному и «ученому» христианству, присущего некоторым представителям образованных и социально более высоких слоев русского общества. Смысл термина в целом кажется понятным – наличие элементов языческих верований в христианском сознании и быте. Призывы отказаться от его применения хотя бы в научной литературе звучали неоднократно. И кажутся правомерными хотя бы потому, что термин за время своего бытования, в том числе и в советской литературе, оброс мировоззренческими и эмоциональными «довесками», скорее, затемняющими суть проблемы, чем проясняющими ее. Кроме того, он предполагает существование в реальной земной жизни какого-то «чистого» христианства, которому противостоит опять же какое-то «чистое» язычество, в то время как человеческое созна-

ние и культурно-социальные реалии слишком сложны для того, чтобы выделить в них нечто абсолютно незамутненное другими «примесями». Многое зависит и от представлений и жизненного опыта наблюдателя. Так, поклонение иконам, с точки зрения ортодоксального православного, – не только нормальное, но и необходимое явление. Иностранцы же, приезжавшие в Россию в XVII веке, писали едва ли не об их идолопоклонстве, видя отношение русских к иконам. (Русское «идолопоклонство» станет понятным, если вспомним, что бóльшая часть этих иностранцев были протестантами, вообще не признающими икон.) И сколько бы не писалось о синкретизме, но и целостности русского народного мирозерцания, оттенок неполноценности, раздвоенности, а с эмоциональной позиции, ущербности, изначально заложенной в этом словосочетании, термин «двоеверие» сохраняет. А поскольку чаще он употребляется по отношению к русскому православному простонародному характеру веры зачастую как едва не основная его особенность, то вызывает, по крайней мере, у части читателей, желание не соглашаться даже и с очевидными фактами. Как отметила Ив Левин, «акцентирование внимания на конфликте привело к искажению фактов. Концепция двоеверия требовала от ученых отделить языческое от христианского, не допуская частичных совпадений между двумя системами или возможности развития верований, которые были близки и к языческим, и к христианским представлениям»²⁹. Если же поискать «чистое христианство», то, скажем, змеевики с изображением с одной стороны, образа Богородицы, а с другой – стилизованной головы Медузы Горгоны со змеями вместо волос, пришли к нам из православнейшей Византии³⁰.

Борьбу за чистоту христианства можно увидеть в «охоте на ведьм» католической церкви, но при этом нельзя не заметить, что Священное писание, основа христианства, ни ведьм, ни колдунов не упоминает. В нем говорится только о падшем ангеле – сатане и его слугах – бесах. Впустив ведьм и колдунов в сферу церковной жизни, католицизм, скорее, замутил чистоту христианских представлений, чем проявил ревность в борьбе за нее. Хотелось бы напомнить, что особенно массовыми рас-

правы над ведьмами стали во второй половине XV – XVI веке, т.е. во время зарождения и оформления Ренессанса и гуманизма, когда многие установления католической церкви стали считаться ложными, а представления – суевериями. Существование не только еретических взглядов, но и суеверий с раннего Нового времени признавала и церковь, причем и русская, и Синод судил не за ересь, а за суеверие, считавшееся тяжким грехом. За суеверия в России казнили редко, чаще ссылали в монастырь «для укрепления в вере», но следственный процесс и в это время сохранял свою жестокость, так что исправиться в вере имели возможность лишь те, кто выжил после следственных пыток. Несколько легче к «суевериям» в России стали относиться со времен Екатерины II.

Возвращаясь к термину «двоеверие», хотелось бы отметить, что его часто применяют по отношению ко всему народному православию России досинодального периода существования христианской веры в России – как минимум, семисотлетнему отрезку времени, на котором ни одно явление не могло остаться неизменным, в том числе и религиозные представления. И «остатки язычества» эпохи христианизации Руси не могут быть теми же и в XV–XVI веках³¹. И если в XI–XII веках язычество на Руси где-то активно и открыто противостояло христианству, то где-то оно образовывало, подчас причудливую, смесь с христианскими представлениями.

Пример и того, и другого содержится в летописном рассказе под одним и тем же 1071 годом. В нем описывается приход в Новгород волхва, объявившего себя богом и смутившего часть новгородцев настолько, что они решили убить епископа, отстаивавшего веру в Христа. Конфликт разрешил князь, убивший самопровозглашенного бога. Легкость, с какой князю удалось это сделать, убедила заколебавшихся было новгородцев, и вера в Христа, как истинного Бога, была восстановлена³².

В это время еще сохранялись языческие обряды и поклонение языческим богам, а кроме волхвов были еще и «бабы идолопоклонницы», не раз упоминающиеся в древнерусских текстах. Есть среди них и поясняющие, кому именно поклонялись «бабы богомерзкие»: «первый идол рожаницы... а второе вилам

и Мокоши», и их «не только худых, но и богатых людей жены» тайно призывают к себе и «творят идольские трапезы»³³. О причудливости представлений о божественном говорит тот самый инцидент в Ростовской земле, который часто называют восстанием волхвов. Многослойность этого сюжета заставляет отнестись к нему пристальнее.

Как это часто и бывало, основной причиной конфликта был недород, случившийся в 1071 г. в Ростовской земле. Волхвы (причем было их всего два) обвинили нескольких женщин, видимо, тоже имевших отношение к колдовству, в том, что они волхованием скрывают продовольствие, и стали их убивать, пытаясь таким образом заставить дать людям пищу. В это время в тех краях оказалась дружина Яна Вышатича, собиравшего княжескую дань. Родственники пострадавших пожаловались предводителю дружины на волхвов, и тот, узнав, что волхвы – «княжеские смерды» (а значит, люди, подсудные княжескому суду), приказал схватить их, что оказалось непросто, и привести к нему. Далее между ними происходит богословская дискуссия о сотворении человека. Волхвы утверждали, что Бог мылся в бане, отерся ветошкой и бросил ее с неба на землю. И между Богом и сатаной происходит спор о том, кому создать из этой ветошки человека. В результате человеческое тело создал сатана, а Бог вдохнул в него душу. Этот рассказ – пересказ апокрифического, но все-таки христианского произведения о сотворении Адама. Трудно сказать, когда этот рассказ был вложен в уста волхвов, но важен сам факт, что такое было возможно³⁴. Княжеский приближенный не стал казнить волхвов, это была прерогатива самого князя, но отдал их в руки мужей, отцов и братьев женщин убитых волхвами. Расправу совершили они.

Утверждение, что к волхованию и чародейству более склонны женщины, содержится в том же месте летописи, что и цитированный рассказ о Яне Вышатиче: «паче же женами бесовские волшвения бывают»³⁵. И объясняется это первородным грехом Евы, совратившей Адама. Ученые также отмечают, что магией и колдовством по преимуществу занимались женщины, объясняя этот факт более материалистически: женщины гораз-

до ближе стояли к практической магии, поскольку на них лежала ответственность за деторождение, здоровье членов семьи, эмоциональную атмосферу дома и т.д.

То, что болезни нужно и можно лечить не только молитвой, признавала и церковь. Не случайно среди «людей церковных» в Уставе Ярослава упоминается и «лечец», т.е. лекарь. Различие между «лечцом» и «знахарем», в первую очередь, состояло в том, что лечец исцелял от имени божественных сил, в то время как знахари не пренебрегали и природными. Собираением и приготовлением лечебных растений и отваров занимались женщины, по представлениям которых, коренящихся глубоко в подсознании, лечила не трава сама по себе, а заключенная в ней целебная сила. А поскольку весь мир, в том числе и природа, созданы Господом, то грань между божественным и природным оказывается совсем тонкой. Вера же не существует без ритуала, который с точки зрения психоаналитических представлений является «коллективной формулировкой изначального индивидуального опыта над-индивидуальной силы»³⁶.

Подобное объяснение значения ритуала позволяет заметить некоторые аспекты русской религиозной жизни более позднего времени. Г. Адлер писал: «Каждый обряд старается воздвигнуть как можно более высокую ограду вокруг божественного, но, в конце концов, он удушает то, что старался оберегать. Вместо того, чтобы служить инструментом постоянного обновления, ритуал может стать такой эффективной “защитой” против энергии непосредственного опыта “живого Бога”, что непосредственный опыт потеряется за этими защитными стенами. Он превращается в оружие против индивидуального опыта»³⁷. Это лишь частичное, но объяснение на уровне анализа бессознательного возникновения в Европе XVI века протестантизма, когда человеку стало узко в рамках католической церкви, и, как ни покажется парадоксальным, русского старообрядчества в XVII века.

Напомним, что уже в Домострое, возникшем не позднее середины XVI века, Сильвестр призывает «петь единогласно», т.е. выступает против появившейся манеры одновременно служить разные части службы, что свидетельствовало о том,

что ритуал в его полном виде для части прихожан был уже слишком долог. Тот факт, что и будущий патриарх-реформатор Никон, и вождь старообрядцев протопоп Аввакум начинали свою деятельность в одном и том же кружке «любителей древнего благочестия», не должен нас смущать. Большинство церковно-религиозных движений проходило под знаменем возвращения к ранним, апостольским временам. При этом Аввакуму не было тесно в сложившемся к тому времени собственном русском ритуале, а Никон чувствовал необходимость расширить его за счет обращения к греческому опыту. Высказывание Адлера помогает понять и тех людей XIX века, которые критиковали древнерусскую церковь за излишнюю «внешнюю» обрядность. Развитие индивидуальности, а значит, и другого религиозного опыта, шагнуло, по сравнению со средневековьем, вперед. И этой новой, индивидуальной личности было тесно в рамках прежнего религиозного обряда. Отметим лишь, что многие из этих «индивидуалистов» после приобретения большего духовного опыта вернулись в лоно церкви, но на ином уровне осмысления и восприятия церковных обрядов.

Понятие «коллективного бессознательного», сформулированное К. Юнгом, при всех различиях его понимания и применения, все же называет присущую всем членам сообщества психическую реальность, укорененную очень глубоко и выходящую на поверхность в виде явлений, которым можно подыскать рациональное объяснение, но не всегда есть уверенность, что это – не вариант рационализации иррационального, в разные времена выступающей по-разному.

По мнению ряда исследователей, А.Н. Веселовского, например, в средневековье рационализация происходила в виде, как это ни покажется странным современным формам осмысления, «особого склада мысли, никогда не отвлекавшегося от конкретных форм жизни и всякую абстракцию низводившую до их уровня»³⁸. (Добавим, что эти конкретные формы с современной точки зрения могут казаться вполне фантастическими.) Как отмечал Клайв К. Льюис, создатели псалмов – древние евреи еще не были торговцами, они были земледельцами, а по-

тому не знали «городского» чувства абстрактной «любви к природе», они воспевают ее и благодарят Бога за ее полезность для человека³⁹. Нечто подобное свойственно было и средневековому землепашцу, что вовсе не исключает того, что он ощущал величие и сложность природы, но не мог выразить свое отношение словами Ф.И. Тютчева: «Не то, что мните вы, природа: // Не слепок, не бездушный лик – // В ней есть душа, в ней есть свобода, // В ней есть любовь, в ней есть язык...». А во-вторых, не считал себя властелином природы и ее покорителем, скорее, он пытался сильнее укорениться в ней. «Договориться» с невидимыми силами природы мог не каждый, для этого нужны были особые способности и знания. Но отличить магическое от мистического средневековому крестьянину было, вероятно, непросто.

Если же более конкретно говорить о крестьянском «двоеврии» более позднего времени (XV–XVI века), то здесь следы «чистого язычества», примешавшегося к христианству, найти еще труднее. Нет упоминаний о Мокоши и Рожанице, зато в таких нехристианских текстах, как скажем, лунники, уже говорится о том, что второй лунный день – плохое время для начала важных дел, потому что в этот день «Каин родился»⁴⁰. А составитель Ономастикона русских заговоров А.В. Юдин не только отмечает, что противопоставление магический-религиозный к заговорам не всегда применимо, поскольку «вставные церковные молитвенные формулы» нередко присущи заговорам⁴¹, но и указывает, что самые часто встречающиеся имена в заговорах – это имена Иисуса Христа и Богородицы⁴². Несколько иначе обстояло дело с любовными заговорами, «приворотами». В этих заговорах гораздо чаще упоминается имя сатаны. Само влечение к человеку другого пола часто рассматривалось как чувство, наведенное извне сверхъестественной силой и напоминающее болезнь⁴³. В целом же магия зародилась раньше христианства и сохранилась до наших дней, что свидетельствует о том, что такой способ общения с «миром невидимым» нужен человеческому подсознанию и выражает малоизученные, но важные черты этого бессознательного.

В ворожбе, приносящей вред людям, могли быть заподозрены не только люди из простонародья, но и представители знати. Так, в Великом пожаре Москвы 1547 г. народ обвинил княгиню Анну Глинскую и ее людей, которые «ворожбою» вынимали человеческие сердца, вымачивали их в воде и той окровавленной водою кропили дома, отчего и занимался пожар. Причем Анна Глинская делала это «оборотясь сорокою»⁴⁴.

В существование ведьм и колдунов верили и православные, и католики, но относились к ним по-разному. В католических странах с ними боролись вплоть до уничтожения. В православной России призывы наказывать ведьм тоже раздавались, но призывов убивать их практически не было. Известен, например, призыв изгонять ведьм, кстати, вместе со скоморохами, предварительно ограбив⁴⁵. Это предписание относится к тому же XVI веку.

Расправы над волхвами и «лихими бабами» в средневековой России были⁴⁶. Так, в Новгороде в 1227 г. «сожгоша волхвов 4, творяху их потворы деюще, а то Бог весть»⁴⁷. Чаще же расправы над колдунами и ведьмами были связаны с каким-то конкретным вредом, ими причиненным. В Пскове в 1411 г. «псковичи сожгоша 12 жонок вещей»⁴⁸. Если учесть, что в этом году во Пскове был недород, то, видимо, ведуньи были в нем обвинены. Думается, нередко ведьмы страдали и от самосуда, что вполне понятно, если учесть, какой вред они могли принести людям. Например, для того, чтобы приворожить человека, его ворожбой надо было довести до такого состояния, что он становился никому не нужен, кроме женщины, его «присушившей». Понятно, что в таком случае он становился скоро не нужен и ей. Тогда она могла пойти к ворожее с тем, чтобы наворожить ему смерть⁴⁹.

В целом же за ведьмами признавалось право на существование, вплоть до того, что охрану их чести взяло на себя государство. В Судебнике 1589 г., в статье, охраняющей честь поданных денежными штрафами, записано: «...а ведьмам... за бещестье 2 деньги ради их промыслов (из-за характера их занятий. – Л.Н.)». Это – низшая ступень социальной лестницы. Скажем, жене пашенного крестьянина в этой же статье за

«бесчестье» полагалось 2 рубля, но тем не менее, это факт признания государством и этой категории людей.

Хотелось отметить, что по отношению к первым векам существования христианства на Руси еще можно проследить «двоеверие» как некий реальный феномен, по отношению к более позднему времени этот термин применим с большими оговорками, и лучше говорить о «народном христианстве», «бытовом православии», как точнее выражающим истинное состояние веры русского человека средневековья. При этом не стоило бы забывать, что Россия до самого последнего времени оставалась аграрной страной, и глубинная связь с землей и сельскохозяйственными природными условиями порождала то отношение к миру, которое не стоит спешить называть пантеизмом в смысле языческого многобожия, а, скорее, следует говорить о пантеизме как ощущении могущества и важности для человеческой жизни сил природы. В исследованиях о средневековом, особенно крестьянском, мировосприятии часто пишется о том, что грань между естественным и сверхъестественным у человека того времени очень тонка. Полемически заостря постановку вопроса, можно отметить, что часть явлений и объяснений, воспринимаемых нами как сверхъестественные и фантастические, средневековым крестьянином осознавалась как повседневная реальность. В.М. Живов справедливо замечает, что «Синхронно в любой христианской культуре языческое наследие фрагментировано, и каждый из фрагментов может быть определен как языческий лишь генетически, в диахронической перспективе. Один из фрагментов становится ядром системы антиповедения (нечестивой магии и т.п.); это ядро не есть реликт в чистом виде, оно переживает изменения и трансформации. Другие фрагменты подвергаются десемантизации. Десемантизация может быть результатом одного из двух процессов: сознательной (миссионерской) ассимиляции элементов языческих обычаев и представлений в локальную систему христианских верований (ср. перенос языческих патрональных отношений на христианских святых) и постепенной утраты этими элементами прямой связи с системой антиповедения, их растворения в христианизированном быте»⁵⁰.

А.И. Алексеев XIV век считает веком «вторичной христианизации»⁵¹. Точнее, это время можно бы назвать веком завершившейся на Руси христианизации, когда большинство русского населения было не только крещеным, но и усвоило основные христианские представления, а такие таинства, как венчание и ежегодная исповедь, стали обязательными.

Больше оснований считать в России «временем вторичной христианизации» первую половину XVI века, когда религиозные представления пытаются распространить на максимальную широту явлений повседневности, включая чистоту в доме, своевременное мытье посуды. Наиболее ярко это тенденция проявилась в Домострое.

Русская религиозность конца XV – середины XVI века

Представление о необходимости самопознания и уважения к другому человеку изначально заложены в христианском учении. Но требовалось время и условия для осмысления этих понятий и превращения их из поучений и наставлений в человеческое мироощущение. Большой шаг в этом направлении в России был сделан в первую половину – середину XVI века.

Фигура митрополита Даниила (умер в 1547 г.) не привлекала такого внимания исследователей и деятелей культуры и церкви, как, скажем, его младшего современника митрополита Макария (1481–1563). Произошло это, вероятно, в частности, и потому, что митрополит Даниил часто выступал как политик, ставя на первое место не верность канонам, а интересы государства. Так было, в том числе и с разводом великого князя Василия III с его бесплодной женой Соломонией Сабуровой, который по церковным правилам был невозможен. Еще одно из «прегрешений» митрополита Даниила состоит в том, что при нем происходили суды 1525 и 1531 гг. над Максимом Греком (сам Даниил был вынужден покинуть митрополичий стол в 1539 г. и окончил свою жизнь в Иосифо-Волоколамском мо-

настыре, постриженником которого был). Отметим, что сам Максим Грек уже опальному митрополиту написал дружественное послание, в котором пытается объяснить недоразумения, возникшие между ними в годы, когда Даниил был митрополитом⁵². Главным же недоразумением сам Максим считал отказ Даниилу в переводе сочинений Феодорита, объясняя Даниилу, что Феодорит очень сложен для понимания и может быть истолкован неверно. Если такой аргумент был высказан митрополиту, к тому же считавшему себя человеком образованным, то его негодование может быть вполне объяснимо.

В то же время, митрополит Даниил внес заметный вклад в историю русской культуры уже тем, что составил одну из самых известных и важных для исследователей летописей, т.н. «Никоновскую», содержащую ряд уникальных свидетельств по русской истории и исследующую со времен Карамзина. Кроме того, есть основания полагать, что Даниил принимал участие в работе над другими летописными сводами.

Если бы митрополит Даниил сделал только это, его имя уже должно было остаться в истории русской культуры. Но он внес значительный вклад в то, что можно назвать развитием культуры личности. Он – автор целого ряда «Слов» и «Наказаний», которые пользовались популярностью в России XVI–XVII веков, о чем свидетельствуют многочисленные сохранившиеся списки его произведений.

Первым на митрополита Даниила как на церковного писателя обратил внимание преосвященный митрополит Макарий (Булгаков) в статье, опубликованной в журнале «Христианское чтение» в 1872 г.

Монументальный труд по писаниям Даниила с публикацией некоторых из них оставил В. Жмакин в 1881 г.⁵³

Однако неожиданность положений, содержащихся в ряде посланий (по сути дела, проповедей), обращенных к пастве, до сих пор не оценена по достоинству. В качестве обращения монаха к инокам написанное Даниилом вполне укладывается в сложившееся представление о монашеской аскезе. Верный ученик Иосифа Волоцкого, он, по сравнению со своим наставником, даже усиливает строгость требований к монашескому об-

щежительству и личной бедности иноков. В посланиях же к мирянам предлагает несколько иной путь спасения – исходя из понимания всех тягот мирской жизни, о которой он пишет: «Оба жития (целомудренное и семейное. – *Л.Н.*) требуют внимания и трезвления много к спасению и паче же супружную тяготу многу сугубу имать от молвы и плища, и попечения суетнаго. Девствующаго бо ум имат любомудрие молчальное; на приплетшагося союзу брака колико омрачения, и молвы, и смущения востают. Сугубый бо мятеж и попечение примет: без детей ему сушу, детей желание, егдаже родятся дети, о вскармлении детей попечение, жены хранение, дому прилежание, рабом управление, и иже поприлучают бывающа болезни рабом, жене, детем, и иже в скотех испадение, и житейских вещей неполучение, и отсюду молвы и сверепства, и еже судом проторы, и на судищех стязания, и на путех беды, и в домех беды, ораня и сеянна неполучение, и всяк день приходит особно, принося души омрачение, в нощи же дневныя печали приемше, сих же всех едино избавление есть еже бежати от всего мира».

Даниил предлагает не только вполне ожидаемого от монаха требования «страха Божьего» и покаяния, т.е. искоренение греха, он обращается к лучшим сторонам человеческой личности: «Положи начало: восприими себе перва день един еже ничтоже съгрешити в нем, таже сей претерпев и другий приложи к нему, таже третий...», «и тако прохладжаа прохладишися и радости многиа исполнишися в настоящих, в будущем же вечных благ получиши, яже уготова любящим Его». По сути дела, это новое видение человека и его места в мире, который не только труден, но и прекрасен, как всякое Божественное творение. «Умом вспять пути своего, сиреч от чрева матери своя, разсмотри лета, и месяци, и дни... и яже в сих что благо сотворил еси, утверди смирением кротостию, да не рассыплет враг добродетели твоя...». Кроме всего прочего, мы встречаем в посланиях митрополита Даниила едва ли не первое в древнерусской литературе описание пейзажа. «Аще хочеши прохладитися, изыди на преддверие храмины твоя и виждь небо, солнце, луну, звезды, облака ови высоци, ови же низайще, и в сих прохладж-

дайся, смотря их доброту, и прослави тех творца Христа Бога. Се бо есть истинное любомудрие». Это описание чем-то напоминает знаменитое начало «Слова о погибели Русской земли» XIII века: «О светло светлая и украсно украшенная земля Русская», но в нем не столько описание, сколько перечисление красот Русской земли. Написанное Даниилом гораздо ближе к тому, что можно считать описанием красоты природы.

Неожиданен подход митрополита Даниила и к труду. Митрополит не опровергает точки зрения, выраженной римским папой Иннокентием III, что человек рождается для работы, как птица для полета, но, в отличие от него, видит возможность получения удовольствия от улучшения условий бытия и созерцания плодов своего труда в созданном Богом мире: если хочешь еще получить удовольствие – выйди в свой двор и обойди кругом дом свой, и если что рассыпалось или накренилось – поправь, ветхое – обнови, некрепкое – укрепи, мусор и гнилье – сгребь, и будут вещи, годные к дальнейшему плодоносию. («И аще хочещи и еще прохладися: изыди на двор твой и обойди кругом храмин твоя, сице же и другую и прочаа, такоже и двор твой, и ащи что разсыпая, или пастися хочет, созидай, ветхаа поновляй, неутвержденаа укрепи, прах и гной згребай да ти к плодоносию вещь угодна будет».)

При этом он с большим уважением относится к любому виду труда: «...властель, судия, воин, послушник, купец, рукодельник, земледельца, ловец, бортник, каменосечец, кузнец, швец, древодел, писец, зодчий, философ и прочии вси, приемшии от Господа художество, тружайтеся, делайте не яко рукоделию и Мамоне, но яко Богу работающе и внимающе, и еще от труда своего по силе Божественей церкви и нищим, и страным, и на все потребы и проторы издающе».

Это соединение в одном перечислении труда философа и труда крестьянина для русского XVI века уникально. Дальше пошел только великолепный писатель 40–60-х годов того же XVI века Ермолай (в иноках Еразм), наиболее известный как автор «Повести о Петре и Февронии», который в своих сочинениях не только заступался за угнетаемых крестьян, но видел в крестьянском труде сакральный смысл: именно крестьяне

растят то зерно, из которого делается хлеб для свершения таинства евхаристии: «В начале же всего потребни суть ратаеве; от их бо трудов есть хлеб, от сего же всех благих главизна: Богови в службу безкровная жертва хлеб приносится и в тело Христово претворяется...»⁵⁴

Ту же культуру чувств и уважения, если не любви в отношениях к другому человеку в середине XVI века стремился привить своему читателю и составитель знаменитого «Домостроя» священник Сильвестр, участник т.н. «Избранной рады». Он предлагает своему сыну жить по призыву апостолов: не делать другим того, чего себе не хотят» [Деян. 15: 29]. Это выражение часто путают с «золотым правилом нравственности»: «Поступай с другими так, как тебе хотелось, чтобы поступали с тобой». Сильвестр более точен в понимании Нового завета, он не предлагает считать себя мериллом хорошего для другого, он призывает к не деянию плохого, он пишет Анфиму: «...чево самъ не любишь того и другу не твори»⁵⁵. К морали Домостроя относились по-разному, но несомненно то, что в целом он побуждает читателей – своих современников к тому, что можно назвать, может быть, не очень удачно, «смягчением нравов», помогает осознанию того, что присутствие любви и взаимного уважения в доме и семье есть важное условие на пути к спасению для мирянина.

Истинно христианская жизнь для мирянина, по Домострою, составляет не отречение от жизни, а умеренность во всех жизненных проявлениях. В нем несколько раз звучит тема осуждения тех, кто «ест и пьет без воздержания, и во объядении и в пьянстве и не в подобно время и чрез естество и чрез закон или от жены блудят». «Не реку не пити, не буди то, но реку не упиватися в пианство злое, аз дара божия не похуюлю, но похуюлю тех, иже пиющих без воздержания» (т.е. в данном отрывке речь идет об излишестве, являющемся преступлением перед Богом и «естеством»). Домострой требует умеренности в общем стиле жизни: «Всякому человеку богату и убогу велику и малу рассудити себе и сметити по промыслу и по добытку по своему имению и приказному человеку сметя собя по государьскому жалованью и по доходу и поместью и таковъ дворъ себе дер-

жати и всякое стяжание и всякои запась». В противном случае – «от Бога грех от людей посмех».

Основной жизненный принцип, предлагаемый митрополитом Даниилом мирянам, тот же, что и у Сильвестра: «...во всем меру уставимъ: в пици и в питии, и въ ризахъ, и в сапозехъ, и в беседахъ, и въ прочихъ вещахъ...»⁵⁶.

Много раз отмечавшаяся в литературе бережливость в Домострое следствие не жадности или скупости – это бережное отношение к Божьим дарам, требующее от человека не только умеренного потребления, но и расчета. Сам Сильвестр был человеком состоятельным⁵⁷. Но его состоятельность, по его собственным признаниям, базировалась на трудолюбии, расчете и умении обходиться с людьми и не мешала ему считать себя служащим Богу не только в церкви или дома, но и в миру. Конечно, Сильвестр находился в несколько особом положении, он действительно своей мирской деятельностью служил Богу, поскольку занимался устройением церквей и в Новгороде, и в Москве. Но деятельностью по устройению земного мира, вытекающего из мира христианских представлений, занимался не только он.

Эту же заботу о земном устройении Г. Федотов отмечал у Иосифа Волоцкого: «Эстетика быта и обряда прекрасно уживаются у Иосифа с практическим умом, с зоркостью к окружающему, с большим талантом хозяина и строителя. Он не только принимает пожертвования, но умеет и заставить их притекать в монастырь... Для чего ему было это богатство?» – «Надобно церковные вещи строити, св. иконы и св. сосуды и книги, и ризы, и братство кормити... нищим и странным и мимоходящим давати и кормити»⁵⁸. Но зато во времена голода Иосиф кормит более семисот человек, даже если приходится для этого продавать монастырские книги, устраивает богадельню, помогает соседям-крестьянам.

Г. Федотов так объясняет мотивы поведения Иосифа: «В основе его социальной тревоги лежит все та же забота о единой человеческой душе – “ее же весь мир не стоит”». Мысль о душе скупого богача или собственной братии выступает рельеф-

нее, чем сострадание к бедняку. Не из сострадания, а из христианского долга проистекает общественное служение Иосифа.

Редактор Домостроя Сильвестр в своем Письме к сыну сформулировал даже правила торговли, которые позволяют купцу оставаться истинным христианином.

Главным правилом можно назвать честность: «А кому што продаывал, все в любовь, а не в о[б]ман. Не полюбит хто моего товару, и аз назад возьму, а денги отдам». «А сам у кого купливал, ино ему без волокиты платеж, да еще хлеб да соль сверх, ино дружба в век, ино всегда мимо мене не продаст и худого товару не даст», «добрые люди во всем верили, и zde, и иноземцы – никому ни в чем не сълыгивано, не манено, ни пересрочено, ни в рукоделии, ни в торговли, ни кабалы, ни записи на себя ни в чем не даывал, а ложь никому ни в чем не бывала»⁵⁹.

Второе правило – вовремя платить долги: «А лучитца кому у кого денег заняти или хлеба ино бы на срок платити, ино вперед добро и люди верят», «А хто на срок не платит ино с убытком и с остудою платити ж, и вперед никто не верит» (глава «Как дворовая тягл платити»).

Правило третье – самому жить и слуг держать «сметя свой живот» и «обиход держати по приходу и расходу» (глава «Аще кто неразсудя себя живет»). И если кто «учнет на люди глядя жити не по силе, заимуя или неправедным имением», то «в злое время никто ему не поможет».

Правило четвертое – вести во всех делах постоянный письменный контроль и учет: «А што весовое, то взвесити и всякои ссуде цена поставлена. Но грехом какова притчя станетца, ино на обеи стороны хлопотов и остуды нет, и тому платеж, у кого взято», иначе «остуда впрок, в убыток и продажа в том живет, и вперед никто ни в чем не верит» (глава «Всякая порядня домашняя держати или чего прилучитца»).

Правило пятое – покупать, когда дешево; продавать, когда дорого: «А коли чего изобилу запасено в дешевую пору, ино в дороговлю и продаст» (глава «О запасной прибыли вперед»).

Правило шестое – постоянно контролировать своих «торговых и лавочных людей». Каждое воскресенье («неделю») прове-

рять их доходы и расходы. Поощрять честных, а «крадливых и ленивых» да «упьяньчивых можно и со двора согнать, чтобы другим неповадно было» (глава «О торговых и лавочных людех»).

В ситуации практически отсутствующего рынка для «предпринимателя» становится жизненно важным вопрос его деловой и личной репутации, снижение которой вело к разорению и «от суда продажам». Вероятно, жизнь с постоянной оглядкой не только на Божий суд, но и пересуды соседей отчасти объясняется деловыми интересами, а не только архаичной традицией жизни в коллективе и коллективными представлениями.

Свою роль играло и то, что в XVI веке представление о богоугодности или греховности было распространено на очень широкий круг явлений социальной действительности, с одной стороны, как и стремление жить с постоянным «Страхом Божиим», т.е. соотносить проявления обыденности с высоким духовным идеалом, с другой. В таком случае набожность, скорее, способствовала деловому преуспеянию, нежели мешала ему. В сознании современного человека обычно соединены либо причинно-следственной связью – упорный труд приносит богатство, либо противопоставлением – для создания богатства одного упорного труда мало.

В средневековом сознании эти категории часто выступают как самостоятельные, и Домострой фиксирует начальную стадию соединения понятий «труд-богатство». «Труд» в Домострое приносит не богатство, но «имение» и «стяжание». «Богатство» рассматривается как соблазн (с православной точки зрения) и признает право на существование только богатства, доставшегося по наследству.

Необходимость отказа от земных благ ради стяжания «жизни вечной», с одной стороны, и реальные условия жизни порождали сложные коллизии, разрешение которых было найдено, в частности, в принципе умеренности потребления. Отказ от богатства не означал отказа от труда, ибо каждый должен нести свой крест, в наказание за свои личные грехи и первородный грех. Это отношение к труду нашло отражение в словах «работа», «роба», которые, во всяком случае, в XVI веке носили оттенок характеристики несвободного, или постыдного труда. И

если для мирян «работа» – наказание за грехи, то для монахов – скорее, средство духовного восхождения.

Однако ни в том, ни в другом случае богатство не было целью труда, труд – скорее, упражнение для смирения плоти и средство, обеспечивающее жизнь. Существование понятий социальной престижности того или иного вида труда делало труд еще и средством душевного смирения. Нельзя при этом не заметить, что за трудом в изучаемое время признавалась и возможность доставлять удовольствие, во всяком случае, удовольствие мирскому человеку могло доставлять созерцание плодов своего труда.

С развитием представлений о труде как средстве создания необходимого для социального статуса уровня жизни, возникает и представление о труде не только на собственное благо, но и на благо созданного Богом, а потому и достойного устройства и украшения мира. «Труд» Домостроя чаще не физический, а, скорее, организационно-хозяйственная деятельность, для обозначения физического труда в нем существуют слова «мастерство» и «рукоделие». Домострой интересен тем, что слова «труд» и «работа» присутствуют на пространстве текста одного памятника, но в разных контекстах: «труд» – праведный, а работа – «видомая миру», т.е. публично унижающая.

Перечисленный круг литературы можно охарактеризовать одним определением – попытка «вторичной христианизации», которая требовала от человека не только участия в церковном богослужении и молитвах дома, но соотнесение с высокой нравственностью и духовностью каждого своего желания и поступка, а мирской труд рассматривала как труд во славу Господа. Можно предположить, что расширение сферы религиозных представлений на все большее число сторон жизни со временем привело к тому, что и хозяйственно-трудовая деятельность была включена в нее.

Довольно распространено мнение, что человек состоит из души и тела, причем душа тянется к Богу, а грешное тело – к земле. Для человека русского средневековья строение человека было сложнее. Достаточно напомнить, что у того же Максима Грека есть сочинение – диалог между Умом и Душой, где Ум

(мы бы сейчас, скорее, сказали «дух») наставляет отнюдь не во всем праведную Душу. В то же время в уже упоминавшейся «Диоптре» Филиппа Пустынника, очень популярной в XV веке, диалог ведут госпожа-Душа и ее рабыня-Тело. И тело оказывается и необходимым для души, и не таким грешным, как можно было бы подумать. В частности, тело призывает Душу: «Ты слышала, о, душа, о любви совершенной которую показали слова премудрого Павла, – и к Богу, и к нам, говорю я, ближним ко всем. Поревнуй, душа, и постарайся стяжать любовь, ибо без нее никак никому не спастись»⁶⁰. Таким образом, тело обладает знанием того, что важнее всего для души, и даже пытается помочь ей достичь своей цели.

Когда же душа пытается заговорить с телом высокомерно, то раба-тело напоминает ей: «Что ты такое без меня и какая, скажи-ка? Невидима, неведома для всех ты вся, и никто не знает тебя, никто не видит тебя, добра ли ты или же зла, никто не распознает, какая ты – мудра или безумна, или смышлена, или разумна и при том простодушна?»⁶¹

ЛЮБОВЬ ИЛИ СТРАХ

Любовь к Богу и «Страх Божий»

«**С**трах Божий» или «Страх Господний» – выражения, встречающиеся в Священном Писании многократно. Довольно распространено представление, что речь идет о чувстве страха и встречается чаще в Ветхом Завете, но это не так. В славянский канон Библии, причем в Ветхий Завет, входит несколько книг, одна из которых – «Книга Иисуса сына Сирахова». Книга эта интересна гуманитарному человеку уже тем, что ее автор, предваряя текст, отмечает, как трудно переводить сложные мысли с одного языка на другой⁶², с чем согласится любой современный переводчик. В этой Книге так говорится о Страхе Божьем: «Страх Господень – слава и честь, и веселие и венец радости. Страх Господень усладит сердце и даст веселие и радость и долгоденствие. Боящемуся Господа благо будет напоследок, и в день смерти своей он получит благословение. Страх Господень – дар от Господа и поставляет на стезях любви» [Ис. Сирах. 1: 12–14]. В то же время в Новом Завете апостол Павел, например, говорит об апостолах: «Итак, зная страх Господень, мы вразумляем людей» [2-е Кор. 5: 12]. В «Диопре» сказано: «А где есть любовь к Богу, там и вера обязательно, а где вера то души, там и любовь также, а где есть любовь и будет вера, там по необхо-

димости появятся и дела. А где нет любви, там нет ни веры, ни дел. Там произрастут все дурные деяния»⁶³.

Пожалуй, непосредственно о «страхе Божьем» из книжников XVI века обстоятельнее всех писал преп. Максим Грек. «Царство Божие несть брашно и питье, но правда, мир и радость о Дусе Святем» [Рим. 14: 17] – это апостольское выражение можно считать главным смыслом жизни Максима Грека и его творчества. Для мыслителя Максима: «Начало премудрости – страх Господень» [Пс. 110: 10] – и разъяснение: «истинным же страхом почитай, душа, прилежное исполнение божественных заповедей»⁶⁴.

Вероятно, самое подробное объяснение того, что Максим Грек понимает под «страхом Божьим», содержится в его «Слове, в котором пространне и с жалостию излагаются нестроения и безчиния царей и властей последнего времени». Это – одно из самых известных сочинений преп. Максима, где устами женщины, одетой во вдовьи одежды по имени Василия, говорится о пороках власти. Объясняя, что значит страх Божий и как он соотносится с принципом божественной любви и любви к Богу, Максим пишет: «Но прошу тебя я, раб твой, объясни мне: как может тот, кто работает Вышнему со страхом, в то же время и радоваться ему с трепетом? Ведь где живет истинный страх Божий, оттуда удаляется радость... <...> На это она мне ответила: “Не слышал ли ты, о страннике, божественного евангелиста, который говорил: *страха несть в любви, но совершенна любви вон изгоняет страх* (1 Иоан. 4, 18), то есть, изгоняет страх рабский, а не сыновний. Ибо когда человек усовершенствуется в любви к Создателю своему посредством прилежного исполнения всех святых Его заповедей, из которых первая есть... *возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всей душою твоею и всем умом твоим, и всю крепостию твоею* (Марк. 12, 30): тогда он истинно работает Создателю своему со страхом, то есть, исполнением святых Его заповедей, слушаясь Его во всем, как сын отца своего, со всякою радостью и благоговением. Тогда он и радуется с трепетом, то есть, исполняется радости духовной, а не плотской. Говоря – *радуитесь Ему с трепетом*, пророк понимает именно радость духовную, кото-

рая рождается от исполнения святых Его заповедей»⁶⁵. Страх Божий Максим Грек не раз называет «чистым страхом Божиим». Можно, пишет Максим Грек, «радуйтесь с трепетом» понимать и в другом смысле: Господь Бог, зная слабость людскую, не возбраняет им и житейские увеселения (вероятно, подобно «пиру с благодарением» Домостроя), но «еще ясте и пиете, еще ино что творите, все во славу Божию творите [1 Кор. 10: 31]». Осторожность здесь необходима, поскольку, по словам пророка Исая, «с гуслими бо и певицами, и тимпанами и свирельми вино пият, на дела же Господа не взирают и дел рук его не помышляют» [Исайя, 5: 11, 12]. Смех, на минуту веселящий сердце, потом наказывается вечными муками и преисподней. Душа же создана на страдания и подвиги всевышним, чтобы бороться против врагов, и ей уготована честь или наказание в зависимости от того, будет ли она мужественно вести борьбу или сдастся. В случае поражения душу ждет преисподняя, которую Максим Грек описывает так: «Страшные мучения и болезни уготованы тебе и огонь, беспрестанно палящий нечестивых людей, где непрестанный плач и скрежет зубов, где ужасный червь непрестанно грызет, где только мрак и одна не перестояющая ночь, в самом дне преисподней, откуда выйти, осужденному туда праведным судом Божиим, нет никакой надежды». Максим Грек несколько раз описывает преисподнюю, но все его описания в целом похожи: «страшная тьма, где ужасный скрежет зубов и непрестанные слезы», «безчеловечные казни и мучения в пламени», «снизу же земля, отверзши широкие свои уста, показывает нам дно адское и грозит негасимым огнем геенским», «огонь неугасимый, тьма кромешная, скрежет зубов и непрестанный плач по причине нестерпимых мук», «бесконечные муки в преисподнем огне и на всегдашнее поядение червями».

В одном из своих произведений преподобный Максим перечисляет страх Божий, память смертную и память об адских мучениях. Это свидетельствует о том что страх смерти для него существовал: «День Господень, душа, неизвестен и как тать, нападающим в нощи, предает смерти того, кого найдет спящим, так и для нас внезапно наступает смерть и изводит нас из

этой временной жалкой жизни»⁶⁶, вот почему необходима *память вечных благ* (выделено мной. – Л.Н.), Страшного Суда и горьких мучений, т.е. для преп. Максима необходимы все эти составляющие христианской веры. Для Максима Грека, как для православного, признание чистилища было ересью, а потому ему (грешнику. – Л.Н.) нет очищения огнем, «а вечная погибель»⁶⁷. И для астрологов: «...любители ея, как хворост, будут мучиться огнем вечным»⁶⁸.

В литературе много говорилось о нестяжательности Максима, которая для него была категорией духовной, ибо «душа, разгордившаяся по причине множества имений, мало-помалу извергает из своего сердца Страх Божий», а «отринув страх Божий и лишившись света... она зорко наблюдает только за внешней нечистотой, не имеющей никакого значения»⁶⁹. Для спасения от преисподней необходимо верное следование Иисусу Христу и его заповедям. «Неужели думаешь, что Он на это не обращает внимания и не потребует отчета на страшном суде?»⁷⁰. Грозя муками ада душе, преп. Максим оставляет надежду: «Да не прельщает тебя душепагубный змий, уверяя, что не будет испытания дел человеческих и что Господь нерадит о блудных падениях юности, и что невозможно от всех без исключения требовать безгрешия. Это, душа, душепагубный помысл, это прелесть злокозненного змия, который хочет низвести с собою и тебя, окаянная, на самое дно преисподней»⁷¹, в то время как «невозможно для Него – ни добродетель твою оставить без награды, ни злодеяния оставить без наказания»⁷².

Бессмертие души – и блаженство, и наказание: «Если бы ты, душа, по смерти обратилась в небытие... и не предстояло бы тебе дать ответ... о своих делах и замыслах; то не преступно было бы наслаждение временными благами, так как жизнь твоя продолжалась бы только до гроба. А как ты создана бессмертною, разумною и вечно нетленною, и, будучи образом Божиим, носишь в себе познание свойств своего Первообраза... поэтому должно тебе отвергнуть от себя все то, что после смерти не последует за тобой... и воспринять противоположные тому добродетели; имея же непогрешимым наставником страх Божий...»⁷³ В «Слове весьма душеполезном для вни-

мающих ему. Беседуют ум к душе, здесь же и против лихоимства» Максим Грек пишет, обращаясь к душе: «Вот ты прославилась, хорошо питалась, наслаждалась, одержала знаменитыя победы, прожила много десятков лет; а после этого что? – Червь и гниение, отвратительный смрад и безчисленные страшныя мучения в преисподней... Какую можем ожидать себе, душе, пользу по смерти от тех благ, когда ждет нас такая погибель?»⁷⁴ Эти рассуждения написаны ученым греком, они стройны и логичны.

Изложения Домостроя более безыскусны, но и в них говорится о страхе Божьем. Более того, этому посвящена одна из начальных глав Домостроя: «Как всею душою Господа возлюбить и близкого своего, страх Божий иметь и помнить о смертном часе». Уже из названия главы видно, что здесь связь смерти и страха Божьего тоже присутствует, как и у Максима Грека. Сама же глава гласит: «Возлюби же Господа Бога твоего всею душою своею и со всей твердостью духа своего, и стремись всеми своими делами привычками, нравом угодить Богу... Страх Божий всегда носи в сердце своем и любовь нелицемерную и помни о смерти. Всегда соблюдай волю Божию и живи по заповедям его. Сказал Господь: “На чем тебя застану, по тому и сужу”. Так что каждому христианину следует быть готовым к встрече с Господом – жить добрыми делами в покаянии и чистоте, всегда исповедовавшись, постоянно ожидая смертного часа. Возлюбишь Господа от всей души страх его да будет в сердце твоём... чадо евангелия, сын воскресенья, наследник вечной жизни во Иисусе Христе»⁷⁵.

Выражение «Страх Божий» встречается в Домострое еще несколько раз, но на вопрос, что означало это выражение для людей позднего русского Средневековья, однозначно ответить трудно. С одной стороны, как мы видим, это выражение эквивалентно «истиной вере», с другой – это широко распространенная формула, обозначающая неординарность и сакральность происходящего, что невозможно, по представлениям средневекового человека, пользуясь библейским выражением, воспринимать без «страха и трепета». Считать, что страх был основой веры, едва ли правомерно. Основу веры создавала все-

таки любовь к Богу и следование его заповедям, что уменьшало боязнь Страшного Суда и посмертных мучений, поскольку угодивший Богу человек будет «в радости Бога своего». «Страх Божий» в Домострое – не обязательно страх перед Страшным Судом, хотя, если верить анонимному предисловию к данному памятнику, именно он побуждает главу дома поучать и воспитывать своих домашних. Понятие «Страх Божий» шире, чем страх перед Судным днем, поскольку наказание Господне может постигнуть человека в любой момент, ибо веровать православный должен *«теплою верою»* (выделено мною. – Л.Н.) (т.е. с любовью) и от всей души и от всего помысла и от всех чувств.

По мысли православных подвижников, чувство страха имеет несколько разновидностей и степеней: есть человеческий страх, например, человек боится пауков или крыс. Есть «Страх вражий», когда человек боится бесов и вообще «нечистую силу», видя ее постоянно вокруг себя, такой страх возникает от малой веры и любви к Богу. «Вражеские страхования» испытывают все люди, решившие встать на путь любви к Богу и служения ему.

Слово «страх» для большинства людей имеет негативное значение и желание избавиться от этого чувства, поэтому им не понятно, как «страх Божий» может означать нечто позитивное, для верующих же это именно так, поскольку «страх Божий» также имеет несколько степеней, поскольку говоря о страхе Божьем, мы переходим уже в сферу сакрального. «Страх Божий» или «Страх Господень» часто упоминаются и в Ветхом, и в Новом Завете, но обобщенно означают любовь к Богу и стремление снискать божественную любовь. Как уже было процитировано выше, «Начало Премудрости – страх Господень» [Пс. 110: 10]. Это для тех людей, которые еще только вступают на путь веры, так сказать, «просыпаются для божественной любви». Человек начинает совершать поступки, соотнося их с осознанием того Добра, которое и есть Бог.

Мотивы поступков верующих людей также могут быть разделены на три ступени: начинающий совершает (или не совершает) поступки, боясь Божьего гнева и наказания, другой че-

ловек может совершать поступки, надеясь снискать им Божью милость, т.е. ради одобрения и награды, третьи же – ради самого чувства любви к Богу и ближнему, пробудившейся в них.

Но и человек, ощутивший благодать божественной любви, тоже чувствует «страх Божий», поскольку страшится из-за неосторожного слова или поступка лишиться этой благодатной любви. Но в принципе это уже та самая «совершенная любовь», которая «гонит страх» [1 Ин. 4: 18].

Но при этом, указывают старцы, рассчитывать на то, что путь к Богу начнется сразу с любви к нему, не следует. Люди, считающие, что им это доступно, одержимы гордыней. Нужно сначала научиться чувствовать тот, первоначальный страх Божий. С него начинается восхождение к божественной любви.

Истинно православный человек знает также и чувство ненависти, но единственная ненависть, допустимая для христианина, – это ненависть к греху, т.е. нарушению Божественных заповедей, которое уводит человека с пути божественной любви или даже лишает ее. Хотелось бы отметить, что понятие греха и его искупления у православных и католиков различное. Православный человек, совершающий грех, вредит тому, что заложено в него Богом, создавшим человека «по образу и подобию» своему. Поэтому искреннее раскаяние, а не наказание, хотя и оно бывает необходимо для того, чтобы человек лучше осознал греховность своего поступка, помогает человеку избавиться от греха и восстановить прервавшуюся было связь с Богом и исправить то нарушение божественного начала, заложенного в человеке, которое грех нанес самому человеку. Для католика же грех – это прежде всего обида и ущерб, причиненные Богу. Поэтому он должен «возместить» причиненный Богу вред путем несения наказания. Подобно тому, как это рассматривается в суде, т.е. подход католиков в данном случае более «юридичен» и не ожидает степени раскаяния, необходимого для православного для искупления греха.

Русская православная церковь в целом, духовные отцы и просто глубоко и искренне верующие родители на протяжении столетий воспитывали в своих чадах страх Божий, стремление

избежать греха, объясняли, что нужно стремиться «уклониться от зла и делать добро» [Пс. 33: 15, 36: 27], что «ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют» [1 Кор. 6: 9, 10]. И таким образом удерживали людей от социально опасных – «злых», греховных поступков и побуждали к социально полезным – «добрым», праведным.

Христиане хорошо знали, что наказание за совершенный грех может ждать человека не только в загробной, но и в земной жизни. Как выражение гнева Господня и наказание за грехи воспринимались природные катаклизмы и войны⁷⁶. Но не всякое бедствие или нападение врагов рассматривалось как наказание за грехи. Так, откликаясь на пожар в Твери, когда сгорело множество церквей, в том числе и соборный храм, Максим Грек писал, что это – наказание за грехи, когда тверичи, заботясь о благоустройстве и украшении храмов, о торжественности богослужения, забыли о главном для христианина – попечении сирот и вдов и содержании убогих⁷⁷. За грехи имущих и власть предержащих и ответили жители Твери, пострадавшие от пожара. В другом же слове, сочиненном по поводу победы над крымским ханом, о грехах русских, подвергшихся нападению, не говорится ничего. Более того, прославляется русское войско, находящееся под божественной защитой и возносится «Благодарственное слово Господу нашему Иисусу Христу»⁷⁸.

Страх – естественное человеческое чувство, присущее каждому человеку. Вероятно, наиболее силен и в то же время скрыт от сознания человека страх смерти – момент перехода в неизвестность, ничто. У одних людей он выражен сильнее, у других слабее, но так или иначе присутствует у каждого. Христианство уничтожает эту неизвестность, не-бытие, заменяя его известной альтернативой. Ад – за греховную жизнь, рай – за богоугодную, представляя самому человеку решать, каким путем он пойдет в этой жизни. Выражаясь словами психоаналитической психологии, «сублимирует» страх перед смертью в «страх Божий», где главное – любовь. Любовь к Богу, во-

первых, и любовь к ближнему, а в сущности, всему живому – во-вторых. Это превращение дается немногим, но важно, что цель поставлена. Грех – отступление от заповедей Господних и ведет в ад, но в Священном писании далеко не все греховные поступки перечислены так прямо как «не убий» и «не укради». Особенно в Новом завете, где Нагорная проповедь Иисуса Христа часто разъясняется притчами. Поэтому нужен наставник, истолковывающий христианский смысл всех поступков и оберегающий, таким образом, простецов и людей малосведущих от греха. В принципе же «Страх Божий» – это тот ориентир внутри человека, который должен помочь человеку самостоятельно выбрать правильный путь. В XV веке слово «совесть», имевшее несколько значений, все больше подходит к значению памяти о Боге внутри человека. Марк Эфесский, защитник православия на Ферраро-Флорентийском соборе, писал: «Совесть, продолжающая угрызать человека и после его смерти – самое страшное наказание для грешника. И посему мы не видим необходимости в ином наказании или в очищении огнем, ибо одних очищает страх, а других угрызения совести пожирают мучительнее всякого огня»⁷⁹.

В России до XVII века не было проповедей. Поэтому роль наставника должны были выполнять духовные отцы, книги и родители. В Домострое, одной из самых популярных наставнических книг, прямо говорится о том, что роль духовных наставников должны выполнять родители. Прежде всего, отец. Причем и «спасать» детей нужно страхом, даже если, в духе того времени, для этого понадобится «жезл»: «...и не ослабей, бя младенца, аще бо жезлом бьеши его, не умрет, но здравие будет. Ты бо бя его по телу, душу его избавиши от смерти». Любопытно, что это говорится именно о мальчиках, о воспитании дочерей сказано, что на них нужно «наложить грозу» (слово «грозный» в те времена значило строгий, но справедливый и сильный). Стараясь разъяснить читателю характер поступков и помочь им разобраться в том, что грешно, а что праведно, автор Домостроя пишет две главы: «О праведном житии» и «О неправедном житии», причем глава о неправедном житии в обеих редакциях Домостроя идет впереди.

Конечно, несправедливо не ходить в церковь на службу, не поститься, не поклоняться иконам и мощам и не слушаться своих духовных отцов, конечно, грешники разбойники, грабители и воры, грешно поступает тот, кто ложно клянется или обвиняет человека, кто дает взаймы в рост под проценты, но и тот, кто «волокитею уморит и молода человека во всем изобидит». Грешен и тот, кто «на соседстве недобр», при всей очевидности этого утверждения следует напомнить, что в те времена, о которых идет речь, не только земледельцы, но и горожане во многом жили за счет земли, а потому «недобрый» сосед – тот, кто пашню перепашет, ниву потопчет, чужой луг скосит или рыбный улов украдет, – все это, в принципе, можно квалифицировать как кражу, но среди греховных мы находим и поступки, которые в советской (и не только в ней) историографии рассматривались в качестве социально-экономических или классовых отношений: «если властелин», то он должен судить «справедливо и нелицемерно, всем равно, убогому и богатому, ближнему и дальнему, знаемому и незнаемому», более того, он должен быть доволен платой, положенной ему за труды и не искать большего, этого же он должен требовать от своих подчиненных. Приказчики должны не стремиться любой ценой получить подати, а учитывать положение крестьян и природные условия. Землевладельцы же должны не только не пытаться получить побольше податей со своих крестьян, но и помогать им в трудные годы и давать в долг «без росту»⁸⁰. Кабальное холопство в это время было довольно развито в России, автор Домостроя не осуждает его, но однозначно осуждает случаи, когда в холопство обращают обманом, ложью, подпоив, или за маленькую плату, пользуясь безвыходным положением должника. Все эти поступки – греховны. Еретик Матвей Башкин «изодрал» кабальные записи своих людей, вычитав в Священном писании мысль, что настоящий христианин не может иметь рабов, поскольку все люди перед Богом равны. Его современник священник Сильвестр не делал таких демонстративных жестов, но если верить его свидетельству в письме к сыну Анфиму, вел свое хозяйство так, что вся его челядь стала свободна и «теперь своими домами живут». Таким образом,

оказывается, что то, что в историографии рассматривается как социальные или юридические феномены, для их современников имели важную духовную составляющую, которая определяла судьбу человека не только при жизни, но и после смерти. И эта скрупулезность, в частности, автора Домостроя, – выражение стремления указать верный духовный путь и научить человека каждый свой поступок рассматривать не только с точки зрения материальной, но и духовной. Даже говоря о том, что человек должен жить «рассудя себя» (имея в виду материальное положение), он не забывает отметить, что в противном случае человека ждет «от Бога грех»⁸¹.

Отношение к смерти

Арьес рассматривает проблему отношения к смерти не как богослов, а как историк, причем делает это на огромном временном отрезе – от Раннего средневековья до XX в. Его исследование, при всей уязвимости отдельных положений, очень интересно.

Первый период относится ко времени, как назвал его Ариес, «прирученный смерти». В качестве примера таковой сам Арьес приводит смерть Роланда, т.е. пример, когда для человека существуют более значимые ценности, чем жизнь или физическое существование как таковое. Для Роланда, который «Лег лицом к стране испанских мавров // Чтob Карл сказал своей дружине славной, // Чтo граф Роланд погиб, но победил», такой ценностью оказывается воинская доблесть, доходящая до безрассудства.

Нечто подобное, если верить летописному рассказу, делал и князь Святослав, предупреждая своих врагов: «иду на вы», но хочется отметить, что Святослав, по той же летописной версии, не доходит до безрассудства графа Роланда, и понимая, что ему едва ли выдержать осаду императора Цимисхия, договаривается с ним и покидает цитадель, выводя оттуда свою дружину и отказываясь от завоеваний на Балканах. Приведенные примеры отражают не христианское, а воинское представление

о ценностях. Для христианина же заповедь «не убий» сохраняет свою силу. По отношению к военным деяниям компромисс в России был найден, пожалуй, лишь к XVI веку, сформулировавшему понятие «христолюбивого воинства». Оно включает, как минимум, два аспекта, к тому времени в России ее властитель уже был «помазанник Божий», «христолюбивый царь», которому и подчиняется воинство, а, главное, основной заслугой воина остается не то, что он убивает, а то, что он сам может быть убит, умереть без покаяния за «христолюбивого царя».

Домострой, например, устанавливает такой порядок молитвы: «...молиться о своем согрешении и об отпущении грехов, и о царе и о царице, и об их чадах здравии, и о братии его, и о болярах, и о христолюбивом воинстве, о помощи на враги, и о плененных свободе, и о святительном, и о священническом и иноческом чину, и об отцах духовных, и о болящих и в темницах заключенных, и за всех христиан»⁸². Иная система ценностей у богобоязненного христолюбивого подвижника, который не боится смерти потому, что любит Господа, верит в его милосердие и знает, что данная жизнь – этап на пути, но не конец его.

И если современные официальные некрологи стремятся ограничиться формулировками «скоропостижно скончался» или «скончался после тяжелой, продолжительной болезни», то в Средние века было очень важно, как именно умер человек, особенно уважаемый. Примером тому может служить текст одного из Волоколамских сборников XVI века (РНБ. QXVII. 64. Л. 252), где описывается уход из жизни старца Кассиана Босого (восприемника сына князя), причем рассказ этот является ответом на запрос князя Василия Ивановича об обстоятельствах смерти старца. Послание – ответ князю написан игуменом Иосифо-Волоколамского монастыря Нифонтом⁸³.

Нифонт сообщает Василию Ивановичу, что Касьян и жил, как подвижник, и умер, как святой. Дней за десять до смерти Касьян немного занемог, а в субботу мясопустную прислал за игуменом, чтобы тот читал покаянные молитвы. И повторял все за игуменом слово в слово, находясь в совершенно трезвом уме, ему отслужили все причастное правило, а когда пришел священник со святыми дарами для причастия, Касьян встретил

его в сених и причастился божественных тайн со страхом и радостью, а с пятницы на субботу сырной недели снова причастился и приободрился. Тут начала приходить к нему братия, желающая получить у умирающего благословение и прощение, и он со всеми беседовал кротко и радостно, утешая всех скорбных, и во время вечери велел совершить у себя в келье вечернюю службу, а потом попросил читать правило на исход души и на втором каноне третьей песни предал Богу душу. Как видно из описания, инок и предчувствует свою смерть, и готовится к ней «с радостью» и «страхом», принимая причастие. Причем «страх» здесь – не страх перед смертью, а понимание важности причастия, и тот самый «страх Божий», который хорошо известен старцу, смиренно считавшему свою жизнь греховной перед лицом Господа. По сути дела, праведник сам руководит своим уходом из жизни, видя и в эти последние мгновения свою задачу в том, чтобы утешить обратившихся к нему, и делает это обрадованно. Описание подобного конца жизни часто встречается в Житиях святых, а поскольку жития часто переписывались для домашнего чтения, то они должны были служить примером правильного ухода из жизни для всех мирян.

Далеко не всегда конец человеческой жизни был таким.

А.В. Пигин⁸⁴, говоря о разном поведении при уходе из жизни, говорит, что он мог быть и мучительным, в чем с ним трудно не согласиться. Но характер этих мучений мог быть разным.

Сохранился не один список рассказа «О святем мученице Иване, за Христа мучен во граде Казани» XVI века. Но эти телесные мучения, которым Ивана подвергли мучители-мусульмане, требуя, чтобы он отрекся от Христа и перешел в ислам, по своему смыслу сходны с муками первохристиан, умиравших под адскими пытками, но не отрекавшихся от веры в Христа, а мучители Ивана Казанского напоминают своим «вооружением» бесов. Большинство же людей ждало муки иного рода. Крайне интересно их описание, содержащееся, вероятно, не случайно, в том же Волоколамском сборнике и помещенное непосредственно перед рассказом о смерти Кассиана Босого. Повесть, получившая в литературе название Повесть о видении о престав-

лении старца Антония Галичанина (XVI век), имеющая несколько редакций и не менее 70 списков.

В первоначальном виде Повесть в Волоколамском сборнике № 520 выглядела примерно так. Названо имя рассказчика – монаха Павло-Обнорского монастыря Антония Галичанина. Он, долгое время лежавший больным, видел демонов, пришедших к нему и издалека, саженой за десять, разговаривавших с ним. Одни были высотой с дерево, подпершиеся огромными палицами, а другие визжали, как свиньи. Другие же подошли близко и разговаривали между собой, хвастаясь своим оружием. Один из говоривших показывал удицы, другой клещи, еще один – маленькие пилы, другой – рожны, еще один – шила, а один – бритвы. А один бес говорит: «Распорем его да опять сошьем». А один чашу держит в руке. А другой, стоящий, подбивает держащего чашу: «Дай же ему выпить из чаши, вот-то покушает. Сладко ли ему будет?» А еще один держит большую пилу и говорит: «вот бы этой пилой перепилить его поперек!» А на бедре у каждого – у кого брус, а у кого оселок. И сидят и точат свое оружие. А один держит в обеих руках оружие свое и бряцает им, а другие молчат, только оружием своим позвякивают. Другой подскочил к Антонию с бритвой да с обеих части рук срезал с кожей и мясом. А другой держит медную плиту большую и приговаривает: «Вот кину на него, он и умрет». И еще много такого, что сразу Антоний был не в силах рассказать.

Но тут налетела на них какая-то сила, задрожало место это, как будто налетел сильный вихрь или грозная буря на листву или на перья, и по всему воздуху развеяло тех бесов: иного несет головою вниз, а ногами вверх, а другого – то голова вверх, то ноги вверх, а иного кое-как. Всех и развеяло по воздуху, исчезли все, и планы их все погибли, как и не было их.

Тот же брат Антоний на следующий день рассказал со слезами, что очутился в каком-то незнакомом месте и там как бы улицу, по которой бродят какие-то люди или сидят и горюют и приговаривают: «Ох, горе мне, горе!» Антонию же кажется, что он сидит выше их и не то чтобы летает, но какая-то сила носит его по воздуху, примерно на высоте человеческого рос-

та. Носит его эта сила, а вокруг – то ли круги, то ли доски, на которых каждый грех нарисован и изображен не книжными словами, а как на иконах, только написаны не красками, а дегтем, но прозрачно и понятно. Как посмотришь, так сразу вспомнишь и год, и месяц, и неделю и день, и час, и мгновение, когда этот грех был совершен, например: «Пять лет мне было, мать моя спала, а я через подол срамное место ее осязал».... Написано, как замахивался на мать батогом жимолостным. И видит, как она сидит, и как он замахнулся – так и написано. ... Да уже в монашестве, шутя, руку положил на женщину – так и написано: он да она сидят, а рука его на ней лежит. Или когда завтракал или пил до обеда – то так и написано. Или побранил кого, или кого ударил, или на кого закричал с гневом – то так написано, и день, и час. Или гнев на кого держал – как круг большой стоит, мрачен и мглист, и темень – такова, что не может на этом свете такой тьме никогда быть. И такая в нем горечь, что выразить невозможно, на этом свете такая горечь не живет. А к этому еще мороз студень, какого тоже на этом свете не бывает. Ему казалось, что у него ноги до лодыжки отмерзли и отпали, а мысли истрепаны как онучи или портянки. «Остального же тебе не скажу, а ты не спрашивай, потому что невозможно пересказать, как все страшно и грозно». Я все же спросил его, а он ответил: «Все мытарства видел, но не скажу тебе, оставь меня, уходи»». В этом Видении указано, что речь идет о мытарствах, ожидающих, по представлению православных, душу сразу после смерти.

Причем первое видение можно отнести к «страхованию вражьему», когда бесы запугивают человека, поскольку если он испугается, то окажется в их власти. Второе же видение, где люди бродят по непонятному пространству со словами: «Горе мне, горе!», и демонстрируются грехи от детских лет, в нравственном отношении являются не чем иным, как муками совести при виде своих нераскаянных грехов. Антонию были показаны и другие мытарства, о которых он отказался говорить. Это произведение – оригинально русское, самый ранний список его 20-х годов XVI века содержится в Волоколамском сборнике (РГАДА. Ф. 196. Собрание Мазурина. Оп. 1. № 1141), по наб-

людениям Пигина, это – автограф Досифея Топоркова (племянника Иосифа Волоцкого). Пигину удалось найти 77 списков Повести, из них 16 он датирует XVI веком 39 – XVII веком, 13 – XVIII веком, 7 – XIX веком. Позднейшие переработки – старообрядческие.

Но умирали не только праведники, умирали и грешники, и вот их-то перед смертью могли ждать мучения и страдания. Об одном таком тайном блуднике рассказал Андрей Юродивый: на улице Царьграда он увидел вельможу и обличил в нем тайного блудника. Вельможа вскоре заболел, а перед смертью к нему явился огнеокий ангел с запада и бил его огненной палицей три дня и три ночи, и вельможа нехотя, но покался. Мораль этого рассказа в том, что и тайный грех не укроется от Бога и святых его, и наказание ждет каждого грешника, в том числе и перед смертью⁸⁵.

У человека, помнящего о смерти и посмертной участи, больше шансов если не избежать, то облегчить страдания своей души в ожидании Страшного суда. Как это происходит, говорится, в частности, и в Домострое, в главе «Како всякому человеку рукодельничати и всякое дело делати благословяся»: «В домовом обиходе и везде всякому человеку ... устроив себя и очистив от всякие скверны, и руки умыв чисто, преж святым поклонятися 3 раза в землю... ино “Достойно есть” проговорити... да молитву Иисусову проговоря, да перекрестяся, молвя: “Господи, благослови Отче”, тож начяти всякое дело. Ино тут Божия милость поспешествует и аггелы невидимо помагают, а бесы отбегут, и то дело Богу в честь, а души на ползу»... а дела, неугодные Богу или сделанные плохо, «от такова дела и беседы Божия милость отступит, и аггелы отидут скорбеть, и возрадуются беси, видящие волю свою... и те все дела неугодны Богу, беси напишуют, и в том во всем человеку истязану бытии в день Страшного Суда»⁸⁶.

Но в конце XV – начале XVI века в России появился текст, где необходимость памяти о смерти была высказана еще более строго. Перевод этот, видимо, отражает изменение отношения к смерти в связи с ожиданием в России конца света в 1492 г.

Это Прение живота и смерти⁸⁷.

Бытование памятника в русской культуре имеет по крайней мере два интересных обстоятельства. Во-первых, это памятник – перевод с немецкого текста, привезенного в Россию в конце XV века (т.е. во время ожидания конца света). Как известно, в XV веке на русский язык переводилось много текстов различного, в том числе и беллетристического характера, но в XVI веке переписывать их перестали, но прение живота [жизни] со смертью не только не исчезло из русской письменности, но напротив, охотно переписывалось и переделывалось на протяжении столетий. И, во-вторых, Р.П. Дмитриева исследование этого произведения с приведением текстов всех редакций готовила к публикации в хрущевские, очень атеистические времена. Книга «Повести о споре жизни и смерти» увидела свет в последний год правления Н.С. Хрущева (М., 1964).

Первая, еще имеющая следы немецкого оргигинала редакция сообщает следующее.

ПРЕСТРАШНЕЙША ВСЕМ СМЕРТЬ ЕСТЬ, АРИСТОТЕЛЯ
В 3 КНИЗЕ ЕТИКОРУМ, ДВОЕСЛОВИЕ ЖИВОТА И СМЕРТИ,
СИРЕЧЬ СТЯЗАНИЕ ЖИВОТУ С СМЕРТИЮ

Человек, иже с оружием стоа и противляяся дръзостне, се есть человек, наслажаяся мира сего красот и дръзая на грех, не поминая смерти, ни суда будущаго. А человек, стоя съкрушенным сердцем и унылым образом, сей есть при концы живота своего человек, увесься смертен и тленен, не сушу уже времени, то да скорбит и сетует зелне о неразумии своем.

Живот речет: «Кто ты еси, страшный зверю? Ты реवेशи поистинне яко пантер, ты полн еси червей и змиев: кому по тебе может быти желание?».

Смерть глаголя: «Аз есмь не въздыхай, ниже про некое страшася; все еже живот некогда приат, аз низложити могу».

Живот рече: «Хощеши ты мя словесы отгнати? Аз толико на брани низложих, ныне прииди с твоею кривою косою, аз предстану ти мечем моим».

Смерть глаголя: «Противу мене не можеши предстати. Зде лежащий человецы тацы же быша, противу мене не можеши бранитися. Всем человеком подобает мя претръпети».

Живот рече: «Откуда ты прииде и что мое желание? Что есть сия снасть криваа, юже ты влечеши по росе?».

Смерть глагола: «И прихожу от единого царства, где тех пожах равно. Аз есмь смерть, яз могу истребити все, что есть смертно».

Живот рече: «И ты, косец, коси твой плод, а от мене отвлеку гнев твой; ты zde не имаши дела, того ради мя не имаши казнити».

Смерть глагола: «Ни, но тебе хошу еще инако глаголати: аз хошу тебе сердце твое съкрушити; сие веруй ми без сумнения, яко многим сътворих человеком».

Живот рече: «Увы, ох, имам аз уже умерети и на земли сице мой гръдый помысл!».

Смерть глагола: «Пап, цесарей, кардиналов – кошу аз всех – воинов, жен и презвитеров и все, яже некогда есть рожено».

Живот рече: «Не възможем ли наших временных тебе отступитися или прескочити? Мы волим многа имена дати, аще възможем живот съхранити».

Смерть глагола: «Исус Христос, Мариин сын, иже есть свят и прекрасен, изволил пострадати смерть горкую, яко ни единого име требованиа».

Живот рече: «Кто дал ти область сию великую, яко сице приидеши с посечением? Что видиши ты, убити хощеши? Помози, Боже, от сих нужных!».

Смерть глагола: «Тебе не помогут словеса многа, но проиди скоро: аз хошу тя на земли прострети и единою ногою запяти».

Живот рече: «Увы, пощади время мало и отврати от мене гнев твой! Аз не есмь готов, да тол скоро отселе отиду».

Смерть глагола: «Бог глаголал есть усты святыми своими: бдите и молитесь на всяк час. Смерть вам грамоты не пошлет, но придет тайно, яко тать».

Живот рече: «Увы, Боже, в великих есмь нуждах. О смерть, пощади мя до утра, да дело мое могу управити и прежде могу покаяться!».

Смерть глагола: «Тем мнози суть прелщени, егда они долго прежде влекут и глаголют вси: завтра, завтра, егда аз уже с ними съ».

Живот рече: «Увы мне, како уже бысть, к сему может ли некто прозрети, да вспомняется от смерти, когда не придет в сию нужду?».

Смерть глагола: «Аугустин рече: чти и прочитай вся писания и святых отец речения».

Въси убо умрем и яко воды в землю разлиемся; тогда ничто обрщется грознее, неже человека приити в таковое постатие, в коем не дръзает умеретися сам.

Убо ты же рече: «О коли живот свободен, где съесть чиста, где без страхованиа смерть ждета с сладостию, и приемлетя с радостию».

И если в этой редакции упоминаются «папы, цесари и кардиналы», то во второй их заменят «цари, патриархи, князья».

В четвертой же, самой распространенной, по версии Дмитриевой, редакции упоминается о социальном или имущественном положении людей, к которым пришла смерть, но самое главное, подчеркивается крепость и физическая сила человека, за которым пришла смерть, а смерть рисуется более страшными красками: она уже не просто рыкает «аки пантер», но вооружена всеми мыслимыми видами оружия той поры, чем сильно напоминает бесов из видения Антония Галичанина.

СЛОВО О СМЕРТИ, КАКО ВНЕЗАПУ ПРИХОДИТ НА ВСЯ ЧЕЛОВЕКИ

Бе некий человек, воин и удалец, езда по полю по чистому и по роздолью широку. Внезапу прииде к нему смерть. И бе видением явися страшна зело, яко лев рыкая, всяческих страшнее, седа на звере лютом, а подобие человеческо являя на себе неустроино и страшно. Носяще на себе она, смерть, великий кошель всяких оружии полон: мечи, ножи, пилы, серпы, уды, стрелы, теслы, бритвы, сечива, оскорды, рожны, копия и ина незнаема, ими же она кознодействует вся человеки различными образы.

Сию же увидев той воин сильный и храбрый, и смиренная душа его в нем смятеся и устрашися.

И рече к ней той воин: «Кто еси ты, страшный зверю? Подобие на тебе вижу человеческо, а хождение звериное».

Рече же ему смерть: «Аз есмь смерть. Пришла есмь по тебя, хошу тебе взяти и душу твою исторгнути от тебе»

Рече же к ней человек той, воин сильный: «Аз умрети не хошу, а тебе не боюся».

Рече же ему смерть: «Почему ты мене, человеце, един не боишися? Мене цари, и князи, и святители, и всяк род человеческий боится, и мужи, и жены, и до сущих младенец. Аз емь смерть страшна и славна на сем свете, а ты ли мене един не боишися».

Рече же человек той: «Аз есмь сильный воин и храбрый удалец, в ратном деле многия полки и тысячи един побивал, и никто от них против мене не возможе стати, ни битися, но всех аки траву мечем своим погублях. А ты ко мне едина пришла еси и оружия и запасу с собою много носиши, и хоцещи мене взятии и душу мою от тели ти отлучити; а вижу тебе аз не сильну и удалу, токмо тебе образом вижу страшну. Образ твой страшит мя, и уды во мне трепещут, и ныне отиди от мене скоро, доколе не разреку тя надвое».

Рече же ему смерть: «Послушай мене, человеце, аз есмь смерть не силна, ни красна, ни хороша, ни удала, а сильных, и красных, и хороших, и удалых побираю».

Стоит обратить внимание на то, что если в первом варианте отмечалось в первых строчках социальное положение, то в более поздних переработках молодость, сила, храбрость человека, встретившегося со смертью. Мораль этого Прения очевидна: «Итак бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий» [Мф. 25: 13] – и свершит свой суд над всеми, могущественными и могучими.

Этот текст интересен прежде всего тем, что в нем противопоставляются жизнь и смерть. Притом очевидно, что земная жизнь – это некоторое единство души и тела. В предшествующие времена речь чаще шла не о споре жизни со смертью, а о споре тела и души в момент смерти⁸⁸. Д.Ф. Батюшков в своем исследовании пересказывает легенду, широко известную на средневековом Западе, когда душа и тело препираются, обвиняя друг друга в греховности, тут появляются бесы и уносят человека в преисподнюю⁸⁹.

В России эта легенда не имела широкого хождения, но было сочинение Кирилла Туровского – «Притча о человеческой душе и теле» XII века. В нем говорится о добром хозяине и его верных слугах, насадивших виноградник и оставившие сторожить его слепца и хромца. Те за урожаем не уследили. Когда же хозяин стал спрашивать, как это случилось, первым заговорил слепец, обвиняя во всем хромого. По мнению Кирилла, слепец – это душа человека, а хромец – его тело. Когда человек преступил заповедь Божью и за это осужден на смерть, то сначала к Богу приводится его душа и обвиняет в прегрешении

плоть. Поэтому душам до второго пришествия нет мучения, но они сохраняются, Бог знает где. Когда же наступит Судный день, души войдут в тела, и каждый получит воздаяние по заслугам⁹⁰. Но это – представления древнерусского человека. В XV–XVI веках вопросом о том, что происходит с человеком после смерти, интересовались значительно больше. Об это свидетельствует и перевод еще одного произведения, на этот раз с польского, Разговор со смертью магистра философа Поликарпа (см. Приложение).

Этот текст хорошо известен в Западной Европе, но в России он тоже появляется на рубеже веков и дополняет список тех, кто подвластен смерти – ученые мужи. Таким образом, и хитроумие схоластики не спасает от смерти. Диалог философа со смертью известен с античных времен (естественно, вариантов этот диалог имеет множество. В Польшу он, видимо, пришел из Германии, а уже оттуда – в Россию. Польский вариант стихотворный. Русский – прозаический, хотя переводчик постарался передать рифмованный характер текста, и иногда ему это удавалось. Текст переведен с польского очень вдумчиво. Например, строка «и обиду Богу» (нанесешь) в русском варианте опущена, поскольку выражает католическое представление о возможности нанесения человеческим поступком обиды Богу. В православии такое представление отсутствует. Не переведены некоторые реалии, понятные поляку, но непонятные русскому человеку.

Вообще польский вариант диалога почти в два раза длиннее русского. В нем не без иронии перечисляются все категории людей, которых уничтожит смерть. Тут и любители пива – горожане, с щеками, лежащими на груди, и знатные дамы и господа, и бедняки, и любители турниров, и монахи, как праведники, так и грешники, и так далее. Диалог в польском варианте чем-то напоминает стихи вагантов, стремящихся вызвать смех и тем самым сделать смерть не такой страшной.

Русский вариант значительно трагичней по самой своей интонации. Перечислив несколько категорий людей, он заканчивает свое описание всеобщности смерти горестным восклицанием магистра Поликарпа, считающего, что он погубил свою

жизнь, хотя на самом деле смерть пришла по просьбе магистра и лишь для того, чтобы с ним поговорить, сообщив, что вторая их встреча будет для Поликарпа трагичной. Интересен текст тем, что в нем указано, когда родилась смерть – в тот момент, когда Адам вкусил запретный плод (смерть в нем была), и утверждением, что именно сама смерть, (а не бесы) будет мучить греховного человека так, что он будет молить ее об окончательном умерщвлении.

О том, как умирали простые люди-миряне, мы не знаем, но вот как умирали князья, известно уже больше. Особенно подробно описание смерти Василия III, которое сохранилось в нескольких вариантах.

Как известно, у Василия Ивановича на охоте появился нарыв, который быстро привел к заражению крови и летальному исходу. Так что можно сказать, что великий князь скончался скоропостижно. Однако, как описывает Царственная книга⁹¹, он успел позаботиться не только как властитель об управлении государством, но и как добрый христианин о своей душе. И начал думать о великом княжении и о своем завещании, поскольку старший сын его был очень мал, ему шел всего четвертый год, то Василий Иванович должен был позаботиться, «како строитися царьству после его». Завещание и наказ об управлении государством он повелел писать дьяку Григорию Никитину Меньшому Путятину, а в помощники ему назначил дьяка Федора Мишюрина. Тогда же великий князь позвал и боярина князя Ивана Васильевича Шуйского. И начал с теми боярами думать и приказывать о своем сыне великом князе Иване и о великой княгине Елене и о своем младшем сыне – князе Юрии Васильевиче. И тогда же пришел к великому князю Василию Ивановичу его брат, князь Юрий Иванович, который поспешил в Москву в «скорби велицѣ» из своего удела, услышав, что брат его серьезно болен. Великий князь Василий Иванович в тот момент был очень плох. Тогда же к великому князю пришли его отец и богомолец Даниил митрополит, владыка Коломенский Васиан и старец Мисайло Сукин и княжеский духовный отец Алексей, Благовещенский протопоп; и начали думать с отцем своим Даниилом митрополитом, владыкой Коломен-

ским Васианом и старцем Мисаилом Сукинымъ и с отцем своим духовным протопопом Алексием, что великому князю нужно в иноческий образ обратиться, поскольку давно уже он думал об иноческом образе и неуклонно мысль его прилежала к чернеческому образу. Митрополиту же с клятвою завещал, говоря: «...знаю, никто не хочет, чтобы я постригся в монахи, ты же, отче, не устыдись никого, но сотвори по воле Божией, сделай иноком меня по обету моему, хоть я и грешен». И еще когда на Волоке был великий князь, и приказал старцу Мисаилу Сукину и отцу своему духовному Алексию: «не допустите того, чтобы меня в мирской одежде в гроб положили; даже когда я был здоров, но мысль моя и желание сердечное было стать чернцем». А на Волоке великий князь старцу Мисаилу повелел себе одежду монашескую приготовить и, еще будучи в пути от Волока к Москве, приказал дворецкому своему тверскому Ивану причесать его по-иночески.

Василий Иванович – не единственный князь в XV–XVI веках, кто поступил подобным образом. Только в Тверском летописце упоминается несколько князей, принявших постриг перед смертью, что по представлению людей того времени снимало с человека все грехи. Но в этом поступке был и риск: в случае выздоровления человек остался бы монахом. «Расстричься» в те времена было невозможно.

Жизнь после смерти

В Священном писании о преисподней говорится очень мало. Несколько раз упоминается, что там огонь неугасимый и одновременно стужа и мрак. Озеро огненное (серное) [Откр. 19: 20; 20: 14, 15], неутолимый червь [Мк, 46, 48], плачь и скрежет зубов [Мф. 8: 12; 13: 42; Лк. 13: 28]. Конечно, людям крайне хотелось подробнее узнать, что ждет грешников в аду. Одним из рассказов об этом, конечно, апокрифическим, было «Хождение Богородицы по мукам», переведенное на славянский язык в XII веке. Запрещение этого апокрифа содержится уже в первом славянском Изборнике 1073 г., но, несмотря на

запреты, он переписывался до XIX века, причем люди, его переписывавшие, считали, что переписывают богоугодную книгу. Об этом свидетельствует, например, рукопись XIX века, где краткому изложению Хождений предшествует молитва к Богородице⁹². И если в этой рукописи изложено произведение вкратце, то в рукописи XVIII века⁹³, наоборот, изложение пространней, чем в более ранних списках.

Популярность этого произведения объяснялась, кроме всего прочего, своим демократизмом (цари и патриархи тоже названы в числе грешников), однако, вероятно, главное, тем, что по молитве Богородицы Бог сжалился над грешниками и дал им передышку. Этот текст давал надежду на то, что Бог будет милостив и к грешным.

Православная церковь в принципе не рекомендовала интересоваться тем, что конкретно представляет собой ад и мытарства, которые православная душа испытывает после смерти. И если в католической церкви существование чистилища внесено в догматы, то православные мытарства описывает лишь церковная традиция, меняющаяся со временем.

В одной из редакций Хождения Богородицы по мукам ад выглядел, схематично, так:

1-й круг – «Мучающихся в аду» язычников, как именно мучаются, не сказано.

2-й круг – Тьма великая, которая, рассеиваясь, показывает людей, лежащих на раскаленных скамьях за то, что не ходили на заутреню.

3-й круг – В огненных столбах горят люди за то, что не почитали священников.

4-й круг – Железное дерево с железными крючьями, где висели подвешенные за языки клеветники и сводники.

5-й круг – Подвешенные за ногти рук и ног, и язык скрутился от огненного пламени – эконоом и служитель церкви, которые у церкви и воровали.

6-й круг – Подвешенные за края ногтей, из головы их исходил пламень и опалил их – это священники, ронявшие во время проскомидии кусочки просвиры на землю и не поднимавшие их.

7-й круг – «Крылатый трехглавый змей, с одной головой повернутый к глазам человека, а другой – к губам» тех, кто читал Священное писание и не следовал заповедям.

8-й круг – Лежащие люди, объятые пламенем и пожираемые червем неусыпным – патриархи и епископы, которые при жизни ничего не сделали для приобретения ангельского жития, подобающего им по сану.

9-й круг – Подвешенные за ногти женщины, пламя вырывалось из их уст и опаляло их, а змея выползала из пламени и обвивала их – попадаи, вышедшие после смерти мужей замуж.

10-й круг – Женщины, лежащие в огне, змеи поедали их – монахини, предававшиеся блуду.

11-й круг – Огненная река, а посреди ее – блудники, прелюбодеи, подслушивающие, что говорят близкие, сводники, клеветники, воры, пьяницы, сребролюбцы, беззаконники и цари, не творящие волю Божию.

12-й круг – Смоляная река с огненными волнами – для евреев, продавших Христа, всех крещеных народов, которые верят в демонов, для творящих блуд с матерями и дочерьми, отравителей, убийц, детоубийц.

13-й круг – Огненное озеро – для крещеных, поминавших крест, но согрешивших и не успевших покаяться.

Далее Богородица молится за грешников, и Христос, ради ее молитвы и милосердия Бога-Отца, дает грешникам отдых «от Великого четверга до Троицына дня».

В другой рукописи, XV века, опубликованной Н.С. Тихомировым, Богородица, перед тем, как отправиться по кругам ада, молит Господа простить грешников, а он в ответ называет ей грехи, которые он не может простить. Грехи эти суть следующие: первый грех – отречение от Христа, второй грех – «с соседи затвориши», третий грех – осквернение души и тела и неверие в Бога, четвертый грех – блуд «с сестрою, или матерью, или снохою, или с дочерью, или с поматерницею, или кумою», пятый грех – отказ в подаянии нищим, если они просят Божьим именем, шестой грех – если человек не ходит в храм

на Пасху, пятницу и по великим праздникам, а придя в церковь не слушает службу со страхом.

Богородица спросила Бога, что происходит с теми, кто изменяет женам, на что Господь ответил ей, что те связаны веригами огненными. И те, кто с кумовьями грешат и святое миро оскверняют, не будут прощены. Тогда Богородица спросила, что происходит с женщинами, которые убивают своих младенцев. Бог ответил, что младенцы на небесах «всем удовлетворены» будут, а матери их будут вечно мучаться⁹⁴.

Не трудно заметить, что перечисление первых семи грехов сильно отличается от того, что современный человек привык считать смертными грехами, т.е. грехами, убивающими душу: чревоугодие, гордыню, зависть и т.д. Дело в том, что вопреки расхожему мнению, так называемые «смертные грехи» не перечисляются в Священном Писании. В нем есть десять заповедей, данных Богом Моисею, и Нагорная проповедь Христа. Все остальное выработано церковной традицией, конечно, на основе Писания, но тем не менее, сформулировано далеко не сразу. Принято считать, что основой для определения смертных грехов явилось одно место из Книги Притчей Соломоновых. Звучит оно так: «Вот шесть, что ненавидит Господь, даже семь, что мерзость душе его: глаза гордые, язык лживый и руки, проливающие кровь невинную, сердце, кующее злые замыслы, ноги, быстро бегущие к злодейству. Лжесвидетель, наговаривающий ложь и посевающий раздор между братьями» [Пр. 6: 16–19]. Именно этот текст – основа для формулировки самых тяжких грехов. Современный человек привык к тому, что христианство призывает бороться с гордыней, завистью, унынием и т.д., т.е. по сути дела, чувствами, побуждающими к греховным поступкам. В изучаемый нами период церковь чаще стремилась определить, какой именно конкретный жизненный поступок является отступлением от заповедей, а значит греховным. Конечно, духовно просвещенные иноки, например, Нил Сорский, уже в то время задумывались о греховных помыслах, но мирянам церковь пыталась объяснить, особенно на исповеди, чем плох тот или иной конкретный поступок. Именно к этому стремится и Домострой, и покаянные книги, и митропо-

лит Даниил в своих поучениях, и не он один. Но вернемся к апокрифу Хождение Богородицы по мукам. Охарактеризованная в тексте вставка свидетельствует о том, как представлял себе человек XV–XVI веков самые страшные грехи.

О мытарствах обстоятельнее всего сообщается во фрагменте из Жития Василия Нового (X век), так называемом Хождении преп. Феодора по мытарствам. Оно существовало в средневековой России как в составе Жития, так и как самостоятельный текст⁹⁵. Это произведение, в отличие от Хождения Богородицы по мукам, не считалось на Руси апокрифом и даже вошло в Великие Минеи Четьи⁹⁶, а также хранилось в монастырских библиотеках⁹⁷. Сюжет Хождений по мытарствам прост: ученик Василия Нового, Григорий, умолил преп. Василия показать ему, где после смерти оказалась Феодора, такая кроткая и целомудренная и так хорошо ухаживавшая за преподающим. И, по молитве Василия, Феодора явилась к вопрошавшему и провела его тем путем, который сама прошла после земной смерти, т.е. по мытарствам. Их оказалось 20 (в другом варианте 21). Это были некие отрезки пути, на каждом из которых их встречали злые, страшные бесы («эфиопы» в оригинале), которые пытались утянуть Феодору за собой, но светлые ангелы не давали им это сделать, поскольку она была не столько безгрешна, сколько ей помогал своими духовными дарами и молитвами преп. Василий Новый, за которым она ревностно и бескорыстно ухаживала.

Мытарства, которые прошла преп. Феодора, были (по первой редакции текста, переведенного с греческого): 1 – «оболгание», 2 – клевета, 3 – зависть, 4 – ложь, 5 – ярость и гнев и с гневом ярость, 6 – гордыня, 7 – празднословие и срамословие и сквернословие, 8 – коварство и обман, 9 – уныние или тщеславие, 10 – сребролюбие, 11 – пьянство, 12 – злопамятство, 13 – чародейство и волшебство, 14 – чревоугодие, 15 – кумирслужение и ересь, 16 – прелюбодеяние, 17 – убийство и всякое ранение и побои, 18 – разбой, 19 – блуд, 20 – немилосердие. Нужно отметить, что через некоторые мытарства преп. Феодора прошла благодаря молитвам за нее и добрым делам ее молитвенника – Василия. Это очень важное обстоятельство, объяс-

няющее, почему православные христиане придавали такое большое значение молитвам за усопших близких: это помогает, по мнению православных, душам умерших пройти те мытарства, которые уготовал умершим Господь. Кроме того, в тексте есть две вставки, когда ангелы-проводники объясняют Феодоре, как можно избежать мытарств и не попасть в ад. Самый правильный путь – исповедь и раскаяние в своих грехах с обязательным выполнением того наказания, которое назначается духовным отцом. Причем даже если человек раскаялся в грехе и больше его не совершал, но не рассказал об этом своему духовнику, то грех остается не прощенным. Из других источников нам известно, что, по крайней мере, в XVII веке сменить духовного отца по собственному желанию было трудно. Текст из Хождения преп. Феодоры объясняет это явление – некоторые люди, стыдясь своих грехов, ходили к разным духовникам и таким образом исповедовались и калялись как бы частично, что тоже не снимало тяжесть грехов. Говорится в Хождении и о крайней желательности для спасения души покаяния перед смертью, что не успела сделать преп. Феодора и что крайне затруднило ее хождение. В тексте указывается, что Феодора ходила по мытарствам сорок земных дней. (Объяснение тому, что у православных первые сорок дней после смерти поминаются особо.)

Преп. Феодоре ангелы показали и ад, но никаких подробностей о том, что именно видела там преподобная, не сообщается. Хождение преп. Феодоры – это рассказ упоминавшегося ученика преп. Василия, Григория, который о мытарствах слышал в рассказе своей духовной матери, а вот места, где обитают Божьи угольники, он видел сам. Но это было, когда он спал. Поэтому наутро усомнился в правдивости видения, но преподобный Василий объяснил ему, что тело его находилось на ложе, духом же он был с Феодорой и все увиденное и услышанное им – правда.

Хождение преп. Феодоры интересны и своими объяснениями некоторых церковных установлений, и тем, что в этом тексте показан кусочек «мира горнего», которого нет в Хождениях по мукам Богородицы.

В Хождениях Феодоры есть описание места, близкого к раю, где находились золотые врата, а за ними – поляны позолоченной травы с невиданными цветами, благоуханный аромат исходил от этих цветов. И был там сад с 70 видами деревьев, на каждом из которых было бесчисленное количество плодов, так что ветви склонялись до земли. И сказала преп. Феодора, что это еще не тот рай, который Бог насадил на востоке. Тот еще прекрасней и изумительней. Конечно, средневекового человека интересовал этот рай. Один из самых известных русских текстов, трактующий этот вопрос, написан новгородским архиепископом Василием Каликой (1330–1352) тверскому епископу Федору, после того, как он, Василий, услышал о «распре» в Твери по поводу того, существует ли земной рай или нет. Этот текст был включен в XVI веке в Степенную книгу царского родословия (9-я глава 11 степени)⁹⁸, т.е. текст этот знал и митрополит Макарий, и духовник Ивана Грозного Андрей, будущий митрополит Афанасий. В Степенную книгу этот текст включен как свидетельство того, что русские иерархи обменивались посланиями, касающимися вопросов веры, так же, как и древние отцы церкви, и даже апостолы. Нахождение этого памятника в книгах XVI века показывает, что и в это время он воспринимался как актуальный, и вопросы «жизни после смерти» волновали людей того времени и, в отличие от Спора жизни со смертью, переписывался многожды (на сегодняшний день известно шестьдесят восемь списков этого произведения)⁹⁹ практически без изменений: «Василий милостью Божией архиепископ Новгорода, священному епископу Феодору Тверскому, брату о Господе; благодать и мир от Бога-Отца, вседержителя, тебе и твоему священству и всему священному собору, игуменам и попам, и детям твоим духовным».

Василий начинает с того, что ему стало известно, что в Твери идут споры о том, погиб ли земной рай, из которого был изгнан Адам, и что владыка Тверской Федор считает, что тот рай погиб и существует только «мысленный рай». И Василий, по примеру древних святых отцов и апостолов, пишет послание Федору Тверскому, говоря: «...мы, брат, о гибели того рай

не слышали, и в Писании, где об этом святом рае пишется, о том, не нашли, хотя все ведь знаем из святого Писания, что насадил Бог на востоке, в Эдеме, и ввел в него человека, и заповедал ему, сказав: “Если сохранишь заповедь мою – жив будешь, если же преступишь – смертью да умрешь, и в ту же землю пойдешь, из которой ты сотворен”. И человек преступил заповедь Божию, и изгнан был из рая, и, горько заплакав, возопил: “О рай святой, меня ради посаженный и Евы ради затворенный! Умоли твоего творца и моего создателя, пусть хоть когда-нибудь вновь насыщусь я красотой цветения твоего!”. Поэтому Спас человеку и говорил: “Не хочу я погубить мое создание, но хочу спасти и в разумение истины привести”, и обещал ему, что вновь войдет он в рай».

Василий отмечает, что в Паремии¹⁰⁰ называются четыре реки, которые текут из рая, с востока – Тигр, Нил, Фисон, Евфрат; Нил же – во владениях Египта, в нем вылавливают и алойные деревья; течет же он с высоких гор, которые возвысились от земли и до неба, и место это недоступно для людей, и на самом верху его рахманы¹⁰¹ живут.

Далее он приводит пример из очень авторитетной книги – Пролога¹⁰², в которой написано в описании чудес святого архангела Михаила, что, взяв праведного Еноха (есть апокрифическая «Книга Еноха»¹⁰³), посадил он его в раю. Также Василий уверен, что и пророк Илья живет в раю. Более того, его там встретил святой Агапий и взял у пророка Ильи кусок хлеба. И святой Макарий за двадцать поприщ жил от святого рая. А святой Ефросим даже был в раю, и три яблока из рая принес, и дал игумену своему Василию, и яблоки эти многих исцелили¹⁰⁴.

И если ты ныне думаешь, продолжает Василий Калика, что существует только духовный рай, и все духовное – лишь видение, то как же быть со словами, сказанными Христом в Евангелии о втором пришествии? Стоящим справа от него сказал Христос: «Придите, получившие благословение Отца моего, наследуйте царство, уготованное вам еще до создания мира», а стоящим слева от него сказал: «Отойдите от меня, проклятые, в огонь вечный,

приготовленный дьяволу и слугам его» [Мф. 25: 41]. «Не вам, – сказал он, – приготовил муки эти, но дьяволу и слугам его».

Об этих двух местах Великий Иван Златоуст сказал: «Насадил Бог рай на Востоке, а на западе – муки приготовил, подобно тому как внутри царского двора – радость и веселие, а вне двора – темница».

А вот что священномученик Патрикий¹⁰⁵ говорит: «Два места приготовил Бог: одно – наполнено всем благим, а другое – тьмы и огня преисполнено».

Василий увещевает Федора, что людям не дано видеть рай и что ад по-прежнему находится на западе. Далее Василий Каллика приводит свидетельства новгородцев, доплывавших до места на Дышащем море, где они слышали скрежет зубовой, а море трижды в день выходит из преисподней и уходит в нее. «И если те все места мучений не погибли, то как же могло святое это место погибнуть, поведай мне, брат – место, в котором и Пречистая Богородица находится и множество святых, которые после воскресения Господа явились многим людям в Иерусалиме и вновь вошли в рай? Ведь сказано было им: “Уже пламенное оружие не стережет ворот эдема», ибо пришел Спас мой, призывая верных “Войдите вновь в рай”».

Архиепископ напоминает, что в «Блаженных»¹⁰⁶ поется: «Ради плода древесного вывел Адама из рая дьявол, а Христос разбойника крестом в рай ввел».

Явным знаком того, что рай существует, он считает рассказ о том, что когда приблизилось усупение Богородицы, ангел цветущие финиковые ветви из рая принес, знаменуя этим, где она теперь будет (это тоже из апокрифа об усупенье Богородицы).

Ни одно из дел Божьих не является тленным, но все дела Божьи нетленны, «я самовидец этого, брат»¹⁰⁷. Когда Христос добровольно шел на страдания, то затворил он своими руками городские ворота – они и до сего времени стоят не отворены. А когда постился Христос у реки Иордана, – «я своими глазами видел скит его – посадил он сто фиников, и сохранились они и доньше, не погибли, не сгнили».

Архиепископ, как бы упреждая возражения оппонента, говорит о том, что голова Адама оказалась на Голгофе, а не на востоке по Божьему повелению, выполненному «скоропослушливыми» ангелами. «Может ведь Бог словом одним Адама из рая в Иерусалим переместить: и херувиму велел охранять ворота эдема, и после воскресения своего велел Адаму в рай войти и множеству святых с ним».

Далее Василий вновь приводит в доказательство рассказы очевидцев-новгородцев – Моисея и его сына Иакова. По их рассказам, было у них три большие лодки, и одна из них погибла во время плавания, а две других долго носило по морю и прибило к высоким горам. На тех горах был чудесной «лазоревой» краской нарисован Деисус, а вокруг было удивительно разноцветный, неизъяснимый свет. Они долго стояли на этом месте, а свет все мерцал, хотя солнце не показывалось, но свет был ярче солнца. «А на горах тех слышали они пение, ликования и веселья исполненное». И они послали одного из своих товарищей посмотреть, откуда свет и кто поет. Но когда он взшел на ту гору, то, взмахнув руками и засмеявшись, бросился прочь от товарищей на звуки голосов. Они очень удивились и послали еще одного, строго приказав ему чтобы вернулся и рассказал об увиденном, но и он также не только не вернулся к своим, но с великой радостью побежал от них. Они же испугались и стали рассуждать, говоря: «Если и смерть случится, но мы бы хотели узнать о сиянии места этого». И третьего послали на гору, но привязав к его ноге веревку. И тот захотел так же поступить: всплеснул радостно руками и побежал, забыв про веревку. Они же дернули за веревку и притащили его, но он был мертв. Тогда они устремились прочь от этого места, поскольку не могли больше смотреть на лучезарный свет и слушать голоса веселья и ликования. Дети же и внучата этих мореходов остались живы и здоровы.

О духовном же рае архиепископ новгородский думает, что он таким и будет: «Рай духовный», то так, брат, и есть духовный и будет. Только духовный рай – «это то, брат, когда вся земля огнем обновлена будет, по апостольскому слову: “Ждем мы небес новых и земли новой, когда истинный свет – Хрис-

тос – сойдет на землю”». «Подумай, брат, каким светлым называется в Книге Бытия горный свет, огражденный твердью, но еще удивительнее и светлее того истинный свет – Христос, а с ним девять чинов светлых, служащих ему: первый чин – ангелы, второй чин – архангелы, третий – начала, четвертый – власти, пятый – силы, шестой – престолы, седьмой – господства, восьмой – херувимы со многими очами, девятый – серафимы шестикрылые. Когда Господь наш явится в сиянии Божества своего на землю и силы небесные двинутся вместе с ним, ангелы оставят дела свои и явят светлость свою, сотворенную Богом, это и есть, брат, духовный рай, когда вся земля освещена будет светом неизреченным, наполнится радостью и весельем, как и апостол Павел сказал, когда вознесен был до третьего неба: “Око не видело, им ухо не слышало, и сердцем человек не чувствовал того, что приготовил Бог любящим его”».

Василий Калика считал, что о духовном рае говорил Христос: «Некоторые из вас, здесь стоящих, не узнают смерти, пока не увидят царство Божие, пришедшее в сей его силе». Он называет тех, кто видел царство Божье: Моисей и Илья, а также Петр, Иаков, Иоанн на Фаворской горе; но когда увидели его ученики, пали ниц, на прах земной, не имея сил смотреть на сияние божества его. Поскольку, как считает Василий: «Невозможно ведь, брат, даже святым, когда они во плоти существуют, видеть его, этот духовный рай, поэтому, увидев такое, святые и не могли устоять, ниц на землю упали».

И увещевает далее епископа Федора: «И ты, брат, Феодор, не испытывай сомнения в этом утверждении: рай на востоке. Созданный Адама ради, не погиб. И ты сам уверуй в эти слова, брат, и весь священный собор этому научи и укрепи его в этом рассуждении, как я показал тебе на основе божественного Писания в этом послании».

А.И. Алексеев полагает, что историю о новгородцах, доплывших до рая, выдумал сам автор текста, новгородский архиепископ Василий Калика¹⁰⁸. Вполне можно предположить и другое и, пожалуй, более вероятное: эта история действительно бытовала в новгородской среде. Известно, как много чудесного

о своих приключениях во время плаваний умеют рассказывать моряки. Тем более, когда история доходит до их внуков, о которых упоминает архиепископ Василий.

Кроме того, это прение о мысленном рае лишний раз показывает, сколь тонка для человека средневековья, даже высокого церковного звания, грань между реальным и ирреальным, «естественным» и «сверхъестественным», существующим и недостижимым одновременно. Симптоматично и то, что описание ада, пусть апокрифическое, существует, а описания рая в русской православной традиции нет. Любая попытка проникнуть в него «своевольно» заканчивается смертью.

В этом памятнике исследователи видели и следы еретических взглядов, и рационализма, и наивного реализма. Без сомнения, это один из самых непонятных текстов русского средневековья¹⁰⁹. Важнее другое – засвидетельствованный в самом начале текста факт «распри» в Твери о рае, что является свидетельством того, что русские люди были не равнодушны к вопросам веры и в XIV веке. Еще больше этот интерес засвидетельствован в следующем столетии, когда, по словам Иосифа Волоцкого, «на торжищах и в домех о вере любопрение творяху и сомнение имяху»¹¹⁰.

Возможно, это связано с ожидаемым концом света в 1492 г. (7-я тысяча лет от сотворения мира). Во всяком случае, ряд исследователей, например, А.И. Алексеев, связывает с этой датой рост эсхатологических настроений в России конца XV века и появлением в это время таких текстов, как синодики. По мнению Алексеева, синодики – поминальные списки с именами умерших и молитвой перед их перечислением – настоящее распространение получили в России лишь в XV веке. Именно тогда стали особенно внимательно относиться к поминальному культу, что он также связывает с ожиданием конца света.

Возможно, что и теория «Москва – Третий Рим» не стала в тот момент официальной доктриной государства. После освобождения в 1480 г. от ордынского ига набиравшее силу Рус-

ское государство не хотело думать, что скоро Третий Рим падет, «а четвертому не быть».

Говоря о росте или спаде эсхатологических настроений в средневековье, следует отметить, что заметно совпадение этих периодов для России и Западной Европы. Ж. Ле Гофф завершает свою знаменитую книгу «Цивилизация Средневекового Запада» (заканчивая ее примерно тысячными годами) фразой: «Средневековье ликовало». Трудно представить рост эсхатологических настроений в такой ситуации, в то время как Ж. Делюмо пишет уже об «Ужасах на Западе»¹¹¹. А.И. Алексеев отмечает, что древнерусское христианство было оптимистичным и вслед за целым рядом исследователей отмечает эсхатологические настроения в русском XV веке¹¹².

Одной из причин, усиливших эсхатологические настроения в конце XV века, было предсказание, что в 7000 году от сотворения мира (1492 г. от рождения Христа по православному летоисчислению). В литературе довольно обстоятельно написано и о причинах ожидания конца света в семитысячном году, и об источниках представлений о том, каким будет Судный день. Отметим лишь то, что, по представлениям христианства, конец этого света наступит и будет страшен. Вопрос лишь в сроках. Первохристиане жили в ожидании близкого конца света, потом этот срок отодвинулся. Судный День страшен и мистически – это день суда над всеми, мертвыми и живыми, но и реально – катаклизмами, которые будут в это время. Основные источники о самом Судном Дне – это Откровение Иоанна Богослова и менее авторитетные – Откровение Мефодия Патарского (не позднее VII века), Житие Василия Нового, Слово Ипполита Римского об антихристе и другие тексты. Семитысячный год как конец света был избран потому, что число 7 для христиан – мистическое и прежде всего связано с семью днями творения, описанными в библейской Книге Бытия. Кроме того, старинные пасхалии были доведены именно до 7000 года, правда, из сохранившихся пасхалий только в одной сказано, что это конец. Русские, привыкшие с большим уважением относиться к написанному, увидели в этом особый знак.

Но как бы то ни было, в 1492 г. в России ждали Страшного Суда. Для нас интересен вопрос, кто и как ждал, кто во Второе пришествие верил? Этот вопрос исследователи русского средневековья тоже себе задавали. А.И. Клибанов, например, считал, что умножившиеся численно в это время еретики-жидовствующие во Второе пришествие не верили¹¹³, а иерархи-ортодоксы – верили. Н.С. Борисов считает, что в близкий конец света охотнее верила беднота, а люди более состоятельные не были склонны легко принимать это известие на веру¹¹⁴. Но все исследователи сходятся в том, что эсхатологическое напряжение в обществе, причем в разных его слоях, нарастало. И не просто накануне 1492 г., а за некоторое время до него.

Многие иерархи находились в смятении и искали более точных указаний на срок Страшного Суда. Среди них был и ярый противник еретиков, новгородский архиепископ Геннадий (Гонзов). Не доверяя своим книжникам, он попросил Дмитрия Траханиота, человека из свиты Софьи Палеолог, который в 1486 г. отправлялся в составе русского посольства в Рим, привезти человека, искушенного в исчислениях и богословских вопросах. Дмитрий эту просьбу выполнил. Сам Геннадий знал, что у разных народов разных вер существует и разное летоисчисление, не у всех вер 1492 г. будет семитысячным, даже у католиков, что тоже приводило его в смущение.

Среди верящих в конец света, как упоминалось, были не только простецы. Среди них была, например, мать Ивана III, княгиня Мария Ярославна, которая в 1477 г. послала в Кирилло-Белозерский монастырь огромный вклад – 495 руб., распорядившись им таким образом, что деньги были потрачены именно к 1492 г.¹¹⁵

И вот наступил 1492 год, а конца света все не было. Его, видимо, ждали еще некоторое время, а потом миряне стали спрашивать своих пастырей: ждать ли конца света дальше и как долго. Вероятно, рядовые священники стали спрашивать о том же иерархов. Очень интересный документ, характеризующий обстановку того времени, сохранился от все того же новгородского архиепископа Геннадия, это датированная 21 декабря 1492 г. Грамота новгородского архиепископа Геннадия

соборному духовенству о пасхалии на осьмую тысячу лет с предисловием к самой пасхалии¹¹⁶. Если верить его свидетельству, то митрополит Зосима составил пасхалию на 20 лет после семитысячного года и прислал ее архиепископу Геннадию с тем, чтобы и он составил пасхалию от семитысячного года на сколько сможет. Люди Геннадия составили пасхалию на семьдесят лет, срок человеческой жизни, как они полагали, – пасхалии совпали. После чего, убедившись в том, что формула исчисления православной Пасхи верна и для восьмой тысячи лет, митрополит Зосима огласил пасхалию и на восьмую тысячу. Она также сохранилась, но нужно отметить, что в предисловии к пасхалии Зосима несколько неуверенно пишет о дальнейшем существовании сего света¹¹⁷. Сам же Геннадий объявляет своему духовенству, что конца света ждали по недоразумению: «И как седмая тысяща изошла, да и паскаль рядовая съ толком извелася, да еще ктому некто написал: “Зде страх, зде скорбь. Аки в распятыи Христове сей круг бысть (элемент из формулы вычисления пасхи. – Л.Н.), сие лето и на конце явися, в неже чаем всемирное твое пришествие”»¹¹⁸.

Главную причину роста эсхатологических настроений Делюмо видит в большом числе природных и социальных катаклизмов, переживаемых Европой в Средние века. Это, безусловно, так, но и в более ранние времена катастроф, войн и бедствий было достаточно. Необходимо учитывать еще, как минимум, два психологических фактора. Во-первых, вновь крестившиеся народы, уверовавшие в Христа-Спасителя, Спаса, как его называли часто на Руси, восприняли сначала оптимистическую сторону христианства – Спаситель пришел и спас всех для жизни вечной.

Не случайно Владимир Мономах в Поучении детям писал, что спастись можно «малыми делы, постами да молитвами».

Со временем, через поколения, люди стали понимать, сколь узок путь, ведущий к спасению, и это не могло прибавить оптимизма.

Во-вторых, мир менялся, и чем дальше, тем быстрее, причем не для всех это были изменения к лучшему. Люди же, чьи пред-

ставления и надежды разбиваются, могут воспринять свой личных крах, как крах мира, и легче верят в его близкую гибель.

Но какие бы ужасы Страшного Суда не рисовались воображению людей того времени, они не могли снять проблему его, индивидуального человека, смерти и его личной ответственности в Судный день. Более того, вопрос об индивидуальной смерти и индивидуальной посмертной судьбе стал более остро. Как считает Алексеев, именно тогда усилился интерес к судьбе души после смерти тела. Юрганов полагает, что рост этот интереса относится уже к XVII веку. Мы склонны согласиться с Алексеевым.

Большая часть упомянутой до сих пор литературы была создана до середины XVI века. Рубеж седьмой тысячи лет миновал, конца света не наступило, хотя и остался интерес к индивидуальной смерти. Первая половина XVI века для Московии оказывается временем довольно оптимистичным. В.Б. Кобрин общество России того периода называет «разбуженным обществом»¹¹⁹, рисовавшим перспективы роста и дальнейшего развития. Страшный Суд ему устроил его властитель – царь Иван Васильевич. В задачи данного исследования не входит оценивать тот экономический и политический урон, который нанесла России опричнина. Наша задача – проанализировать то, как она воспринималась ее современниками. И здесь, во-первых, хотелось бы отметить, что если верить свидетельству Р. Ченслера¹²⁰, смертная казнь в России того времени была относительно редким явлением, поэтому уже сама массовость опричных казней должна была поражать воображение. Причем, как это уже отмечалось, казни были не только жестокими, но и в духе символики Страшного Суда, известной из Откровения Иоанна Богослова и апокрифического, но тем не менее широко известного Откровения Мефодия Патарского. Новгородские летописцы о погроме Новгорода зимой 1570 г. прямо писали как о Суде Божьем¹²¹. Да и сам царь, как показал А.Л. Юрганов, воспринимал себя не просто помазанником Божьим, но человеком, облеченным божественной властью. По прошествии некоторого времени сравнивать опричнину со Страшным Судом перестали, не без вмешательства царя, запретившего даже упоми-

нать слово «опричнина», но шрам в сознании народа остался очень глубоким.

В.Б. Кобрин писал: «И все же роль опричнины в запустении была исключительно велика. Материал для суждений об этом дают нам книги “обысков”, расследований о причинах запустения тех или иных сел и деревень Новгородской земли. В некоторых случаях причиной гибели или бегства крестьян называют “немцев” – шведские войска, вторгшиеся в ходе Ливонской войны на часть территории Новгородской земли. Но куда больше записей такого рода: “...опричинные на правези замучили, дети з голоду примерли”, “опричина живот пограбелли, а скотину засекали, а сам умер, дети безвесно збежали”, “опричинны замучили, живот пограбелли, дом сожгли”». Часто оказывается, что запустение наступило и от «царевых податей», то есть в конечном счете от той же опричнины, которая резко усилила налоговое ярмо. Даже в XVII веке, когда на заброшенных полях уже выросли деревья «в ствол» писцы, в качестве главной причины запустения указывали опричнину. Это свидетельства не столько экономические, сколько эмоционально-психологические. Общественная жизнь и публицистика, так ярко проявившиеся в первой половине столетия, исчезают, «уходят в песок», чтобы проявиться в новых чертах и «бунташности» XVII века с новыми эсхатологическими настроениями. Предполагая, что могло побудить царя учредить опричнину, вспомним, что после пожара 1547 г. царь, обращаясь к Стоглавому собору, писал, что когда он, через полгода после своего венчания на царство и миропомазания увидел то, что летописцы назвали Великим пожаром в Москве, то «вниде страх в душу моя и трепет в кости моя. И смирися дух мои и умилихся и познах свои согрешения»¹²².

«Страх и трепет» – выражение, не один раз встречающееся в Священном писании. Так что не о животном страхе говорил царь Иван, а о мистическом, том самом «Страхе Божьем», который заставляет людей смиряться и умиляться. Устраивая опричнину, Иван Грозный, вероятно, полагал, что «страх и трепет» испытают и его казнимые подданные и придут в «смирение и умиление», но

понял, что ошибся, взял на себя божественную функцию, «возгордился» и начал каяться. Покаяние есть и в его завещании, но и объяснение опричнины тоже, и сделано это объяснение с помощью цитат из Священного писания. (Любопытно, что Н.И. Костомаров, живший в то время, когда к цитатам из Священного писания должны были относиться серьезно, отмахнулся от цитат в завещании Ивана Грозного как от «пустой формалистики», а современный исследователь Юрганов с помощью этих цитат смог полнее понять позицию царя и его наставления детям¹²³.) В заключение хотелось бы отметить, что опричнина была сделана в символике Страшного Суда и вполне вероятно, царь хотел, чтобы она и была так воспринята. Но для подданных царя она осталась страшным событием, но не Страшным Судом.

«СУД БОЖИЙ» – «ПОЛЕ»

Ордалии, или «Суд Божий», имевший несколько разновидностей, бытовал и в Древней Руси. В частности, в Русской правде упоминается испытание железом как действующая норма. В нашем описании различного отношения к явлениям социальной действительности с точки зрения духовной о «Суде Божьем», точнее, о вооруженном поединке или, как его называют русские источники, «поле», имеет смысл говорить потому, что в его судьбе в России сыграла свою роль и церковь.

В.О. Ключевский считает такой обычай существующим у русов еще в X веке. Возможно, он имеет в виду опубликованную в 1870 г. в Петербурге книгу А.Я. Гаркави «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских», где приведен перевод текста арабского ученого Ибн Русте (Ибн Дасты) об обычае у русов биться на мечах перед князем¹²⁴. Это еще вполне языческий обычай.

Первое письменное упоминание «поля» в русских источниках относится к 1229 г. и содержится в Договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом. В.О. Ключевский упоминает еще более раннюю дату – 1195 г., но без ссылки на документ, из которого он ее позаимствовал. В Договоре же сказано: «Русину не звать латина на поле биться в русской земле. А латину не звать русина на поле в Риге и на Готском берегу. Если же латинские купцы бьются между собой в русской земле на мечах или дубинах – князя это не касается, пусть решают между собой. Так же и русские купцы, если бьются в Риге или на Гот-

ском берегу» (перевод. – Л.Н.)¹²⁵. Очевидно, что князья старались уклониться от участия в подобного рода решениях спорных вопросов, притом, что испытание горячим железом сохраняется в договоре и для «латина», и для «русина», правда, с согласия истца¹²⁶. (Отметим, что испытанию подвергалась обвиняющая сторона.)

Католическая церковь в это время уже борется с ордалиями, а князья пытаются ввести практику «поля» в законодательство.

«Поле» упоминается в Новгородской судной грамоте середины XV века¹²⁷, причем упоминается и «полевая грамота», т.е. некий документ, оформлявший поединок¹²⁸. Гораздо большую информацию о «поле» как судебной процедуре дает введенная в научный оборот еще Н.М. Карамзиным Псковская Судная грамота, время создания которой исследователи относят и к 1397 г., и к 1462 г. Две статьи (17 и 18) Грамоты предлагают судящимся на выбор – «поле» или клятву (еще один вариант установления истины, известный с языческих времен)¹²⁹. Особый интерес представляет статья 20 об ограблении. В ней драться на поединке предлагается не истцу, а «пóслуху», т.е. свидетелю¹³⁰. Но более важна для нас следующая статья 21, в которой говорится, что если свидетелем одной из сторон окажется старый или юный, или калека, или священник или монах, то он может выставить «наймита», т.е. наемного бойца, здоровый же послух наймита выставлять не имеет права. («А против послуха... стар или млад, или чем безвечен, или поп, или чернец ино против послуха нанять волно наймить, а послуху наймита нет»¹³¹.) Эта статья интересна тем, что здесь впервые зафиксировано два очень важных обстоятельства: во-первых, невозможность для духовного лица участвовать в вооруженном поединке, с чем соглашается светское законодательство, а второе – появление наймита, т.е. молчаливое признание того, что Бог не всегда дает силу правому (а именно в этом состоял истинный смысл судебного поединка).

Статья 27 Псковской Судной грамоты также упоминает возможность «поля», но в более запутанном деле, когда в результате драки в публичном месте, которую видело много людей, кто-то подаст жалобу на конкретного человека, который его не только избил, но еще и ограбил. Свидетелю пострадав-

шего может быть назначено «поле» с обидчиком¹³². В случае спорной ситуации с закладом законодатель стоит на стороне закладчика и не разрешает присуждать ему «поле» как способ доказательства своей правоты¹³³. В случае распада купеческого товарищества и начавшихся спорах о долях, дошедших до суда, ответчику предоставляется выбор клятвы или «поля»¹³⁴. В статье 106 ситуация опять связана с залогом, но в этом случае истцу предлагается на выбор поединок или клятва¹³⁵.

Статья 117 вызывает споры у исследователей, поскольку не совсем понятен тот высокий штраф, который налагается за вырывание бороды, – два рубля, самый высокий штраф в Псковской Судной грамоте. Не совсем ясна здесь и роль свидетеля, который почему-то должен драться с обидчиком вместо потерпевшего¹³⁶. Статья 119 современному читателю может показаться комичной: «А жонки з жонкою присужать поле, а наймиту от жонки не быти ни с одну сторону»¹³⁷. Получается, что в случае конфликта между женщинами драка между ними предписывалась судом, хотя драки между женщинами церковное законодательство считало если не преступлением, то серьезным проступком.

Но самым показательным в характеристике отношения к судебному поединку является случай, трактуемый в статье 36, где против наймита можно выставить своего наймита, превратив таким образом подобие «Божьего Суда» в обыкновенное состязание между наемными борцами: «А на котором человеке имуть сочити долгу по доскам, или жонка, или детина, или стара, или немощна, или чем безвечен, или чернец, или черница, ино им наймита волно наняти, а исцом целовати, а наймитом битись, а против наймита исцу своего наймита волно, или сам лезет»¹³⁸. Победенный в поединке обязан был заплатить то, что должен, и штрафы князю и судейским, а в случае его смерти во время поединка победителю доставался доспех победенного¹³⁹.

Белозерская уставная грамота, данная князем Иваном Васильевичем в марте 1488 г., предусматривает поединок за долги, тяжкие виды преступления, по ней, татьба, разбой, душегубство с помощью «поля» не рассматривались¹⁴⁰, что можно расценить как сужение сферы действия судебного поединка,

который чаще всего назначался, видимо, когда другие возможности выяснить истину в судебном порядке были исчерпаны. В Белозерской уставной грамоте, как и в последующих законодательных актах, размеры пошлин в случае, если стороны придут к соглашению до «поля», уменьшались вдвое.

Судебник 1497 г., однако, опять возвращается к поединку, правда, в основном, для того, чтобы упорядочить процесс взимания полевых пошлин, четко оговаривая, кто из судейских сколько должен получить с виновного за наблюдение и организацию поединка¹⁴¹. Статья 49 Судебника разрешает выставить наймита против свидетеля истца, если ответчик «будет стар, или мал, или безвечен, или поп, или чернец, или черница, или жонка»¹⁴².

Насколько десакрализован процесс судебного поединка, говорит 68-я глава Судебника, предписывающая высшим должностным судебным лицам приезжать на место поединка и четко разбираться, кто чью сторону представляет, и следить за тем, чтобы оружие было только у участников поединка, видимо, грозившего перерасти в драку: «А к полю приедет околничей и диак, и околничему и диаку воспросити исцев, ищеи и ответчиков, кто за ними стряпчей и поручники, и кого скажут за собою стряпчих и поручников, и им тем велети и стояти, а доспеху и дубин и ослопов стряпчим и поручником у себя не держати. А которые имуть опришние у поля стояти, и околничему и диаку тех отслати прочь. А не пойдут опришнии люди прочь, и околничему на тех велети исцово доправити и с пошлинами да велети их дати на поруку да поставити перед великим князем»¹⁴³.

Судебник 1550 г. вновь пытается упорядочить проведение судебных поединков, вновь оговаривая уменьшение платы за наказание, если тяжущиеся стороны помирились «до поля»¹⁴⁴. Правда, в этом судебнике поединок мог назначаться и при тяжких преступлениях, таких, как поджог, душегубство, разбой, татьба, но в этом случае с проигравшего не просто взимаются все штрафы, но и сам он отдается «на поруку» и «вкинуть его в тюрьму» до тех пор, пока не появится поручитель за него¹⁴⁵. Проведение поединка в смысле участников окончательно формализуется: разрешается биться бойцу с бойцом и не бойцу с

не бойцом, но никак иначе. Болельщиков же, не желающих расхотеться, просто бросить в тюрьму¹⁴⁶. Поскольку биться разрешалось и свидетелям, то важно было уже и то, согласуются ли показания свидетелей с показаниями истца. В результате в Судебнике появляется статья 15, которая воспроизводится для того, чтобы показать, насколько трудной стала ситуация с поединком для самого суда: «А ищеа пошлетя на послуши в заемном деле бес кабалы или в какове деле ни буди, и послуши став да меж собя порознятся: иные молвят в ысцевы речи, а иные в ысцевы речи не молвят; и которые молвят в ысцевы речи, а попросят с ними те послуши, которые не молвят в ысцевы речи, поля, ино им присужати поля; а убьют на поле послуши те, которые послушествовали в ысцевы речи, тех послухов, которые не послушествовали в ыстьцовы речи, ино исцово и пошлины имати по списку на ответчике и на тех послусах, которые не послушествовали в ысцовы речи; а которые послуши не послушествовали в ысцовы речи убьют будет на поле тех послухов, которые послушествовали в ысцовы речи, ино имати пошлины по списку на ищее и на тех послусах, которые послушествовали в ысцовы речи, а не попросят поля те послуши, которые послушествовали в ысцовы речи, с теми послуши, которые не послушествовали в ысцовы речи, или послуши не договорят в ысцовы речи, ино тем ищеа виноват»¹⁴⁷. Понятно, что такая процедура затемняла дело скорее, чем проясняла его.

Свидетелем того, как проходил судебный поединок в середине XVI века, стал австрийский дипломат С. Герберштейн: «Оба могут выставить вместо себя на поединок какое угодно другое лицо, так же как оба могут запастись каким угодно оружием, кроме пищали и лука. Обыкновенно на них бывают продолговатые латы, иногда двойные, кольчуга, наручи, шлем, копье, топор и какое-то железо в руке [наподобие кинжала, но] заостренное с обоих концов; держа его в руке, они орудут им так ловко, что при любом столкновении оно не мешает им и не выпадает из рук. Но по большей части его употребляют в пешем бою. Бой начинают прежде всего копьем, а потом пускают в ход другое оружие. <...> У каждой из сторон есть много друзей и сторонников, зрителей на поле боя, но у них нет никакого оружия, кроме кольев, которые иногда и пускаются в ход. Ибо

если окажется, что одному из бьющихся нанесена какая-нибудь обида, то защитить его сбегаются его сторонники, а затем и сторонники его противника, и таким образом между обеими сторонами, к удовольствию зрителей, завязывается бой: они таскают друг друга за волосы, бьются кулаками, палками и обожженными кольями»¹⁴⁸.

Описывал судебный поединок и англичанин Ричард Ченслер, правда, менее красочно: «Итак, оба выходят в поле с оружием, обычно употребляемым в этой стране. Они всегда сражаются пешими. Сами стороны бьются редко, если только они не из дворян. Последние очень стоят за свою честь и желают сражаться только с лицами, происходящими из столь же благородного дома, как они сами. Итак, если одна из сторон требует поля, то оно дается им, причем запрещается ставить вместо себя наемного бойца, благодаря чему дело обходится без обмана. Иначе обстоит дело, когда бьются наемные бойцы. Хотя они дают великие клятвы, что будут биться честно и по правилам, но часто происходит противоположное, потому что обычно наемные бойцы не имеют других средств существования. Как только одна сторона одержит победу, она требует уплаты долга, ответчика же отправляют в тюрьму...»¹⁴⁹. Приведенные выше свидетельства показывают, что к середине XVI века судебный поединок исчерпал себя не только как способ выяснения истины, но и как некий судебный ритуал. Более того, он стал рассадником магических действий, совершаемых его участниками. В лечебниках того времени указываются средства, которые помогут победить в поединке: «...если хочешь быть неуязвим, убей черную змею а убей ее саблей или ножом да вынь из нее язык, да в тафту зеленую или черную заверни да положи в сапог левый, и обуи на том же месте. Идя прочь, назад не оглядывайся. Пришедши домой, положи [змеиный язык] под ворота в землю, а кто тебя спросит, где был, ты им ничего не говори. А когда надобно, и ты в тот сапог положи три зубчика чесноковые, да под правую пазуху привяжи себе утиральник и бери с собою, когда пойдешь на суд или на поле биться». Или такое средство: с ветлы или березы срезать зеленую ветвь, причем тогда, когда потянет «ветер-вихорь» к зиме или летом, средину ветви нужно держать у себя. Это – хорошее средство

оберегает во время визитов к «великим людям», во время суда и поля. Если нужно биться на поединке, то этот «кустец» надо держать в правом сапоге¹⁵⁰.

Конечно, церковь была против подобного рода поступков, но не имея юридической силы запретить «поле», постановила, хотя эта статья и встречалась в светском законодательстве, на Стоглавом соборе, что священно- и церковнослужителям и монахам «поля» не присуждать¹⁵¹. Стоглавый собор рассмотрел и вопрос о церковном суде, признав главными способами выяснения дела опрос свидетелей, а в спорных случаях – жребий¹⁵².

Первые известные источники с церковным обличением судебных поединков – послания митрополита Фотия в Псков и Новгород (ок. 1410 г.). Эти обличения появились раньше, чем институт наймитов зафиксирован в правовых актах. Именно против наемных бойцов, впрочем, как и против других людей, в первую очередь и выступает митрополит, поскольку подобное занятие, с точки зрения церкви, является попыткой убийства, а не выяснения сути судебного разбирательства.

Причем Фотий не останавливается на осуждении тех, кто участвует в «поле», но властью, данной ему как митрополиту, проклинает их и запрещает убитых отпевать и погребать на кладбище: «А который человек позовется на поле, да придет к которому попу причаститься, ино ему святого причастия нет, ни целования крестного, а который поп даст ему святое причастие, тот поповства лишен. А кто утепет (убьет. – Л.Н.), лезши на поле, погубит душу по Великого Василия слову, и душегубец именуется, и в церковь не входит, ни дары не приемлет, ни Богородицына хлеба, причащения же святого не приемлет 18 лет, а убитого не хоронить; а который поп того похоронит, тот поповства лишен»¹⁵³. В исповедальных вопросах XV века также есть положение о том, что тот, кто участвовал в «поле», пусть и не убил, лишается причастия на 5 лет, поскольку «на убийство самовольно ополчился»¹⁵⁴.

Уже в XVI веке Максим Грек в Слове о неизглаголанном Божии промысле, благости же и человеколюбии в том же и на лихоимствующих пишет о том, что бывают случаи, когда в дома подбрасывают вещи и даже трупы, чтобы «не едину улицу, но всю оную часть града истязати о убийстве оном и сребро мно-

гое себе собирати от сицевых корыстолюбований неправедных и богомерзских»¹⁵⁵. (О подобных преступлениях судейских чинов писал и Иван Пересветов¹⁵⁶). Преп. Максим Грек далее в этом же произведении прямо говорит о «поле», что даже если весь город знает имя виновного, судьи-корыстолюбцы заставляют невинных людей идти на поединок с наймитом, который уже успел прибегнуть к помощи чародейства и ворожбы, и невинных людей наказывают и обируют. Ссылаясь на «Божие праведное повеление»: «не помилуешь убога на суде, аще повинен сть, ниж богата обидящаго оправдишь мзды ради, занеж суд Божий естъ» – Сие праведное повеление отринувшее иже у нас властелие и судие желанием корыстоования, аще и весь град предстанет вопиющ и свидетельствующ на обидевшаго, никако ж внимают им, но оружии и браньми множайшими велят рассудитись обидящему и обидимому и иж аще множайшими браньми победит, тои прав судится у них»¹⁵⁷. Считая такое поведение отступлением от заповедей Божьих, Максим Грек продолжает: «велено оружием рассудить тяжбу, требуют поля, обращаясь, чтобы защититься от обидимого к чародеям и ворожее, чтобы действием сатанинским помочь своему полевщику... У самых неверных народов нет такого обычая»¹⁵⁸. Таким образом, преп. Максим объединил три основных причины неприятия православной церковью судебного поединка – это попытка искать правды силой оружия, магические обряды, ее сопровождающее, и нечестность и корыстность правителей и судей.

В результате всех этих усилий и понимания ситуации самим царем Иваном Васильевичем 21 августа 1556 г. был вынесен приговор «со всеми бояры» поле и крестное целование не присуждать¹⁵⁹. Анахронизм, перешедший во зло, не без усилий церкви перестал существовать.

ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ XVI ВЕКА В ЗЕРКАЛЕ «ПОКАЯННЫХ КНИГ»

Исповедальные тексты

Усложнившиеся представления о семейных отношениях между родителями и детьми и братьями и сестрами, мужем и женою и ослабление кровнородственных связей, с одной стороны, и стремление государства заменить церковь в регулировании этих отношений, с другой, нашли отражение в целом ряде статей главы XXII Уложения 1649 г. об убийствах среди родственников и членов семьи.

Церковный суд вмешивался во внутрисемейные отношения в случае, если жена бьет мужа, а свекор – сноху или деверь – свекровь (в таких случаях налагался на виновного штраф). Также подлежали наказанию случаи, когда муж бьет чужую жену¹⁶⁰.

Церковь стремилась регулировать и сексуальную жизнь супругов с помощью исповеди и епитимий (церковных наказаний). Если верить покаянным книгам, то репертуар подобного вмешательства мог быть достаточно разнообразным. Такая осведомленность духовников о сексуальной жизни своих прихожан позволяет составить некоторое представление об интимной стороне супружеской жизни.

Для нашей темы епитимийники представляют интерес в двух аспектах: во-первых, несмотря на то, что они используют постановления церковных соборов, т.е. по истокам своего появления публичны и адресованы ко всем священнослужителям и мирянам, по характеру использования они глубоко интимны, поскольку применялись на исповеди, где человек держит ответ пред Господом за свои собственные мысли и поступки. Для христианина исповедь – одно из наиболее интимных переживаний и поступков, и в этом смысле можно сказать, что вопросы покаянных книг адресованы не всем, а каждому. Во-вторых, пожалуй, никакой другой древнерусский источник не дает так много материала для истории сексуальных отношений и представлений о сексуальности в XIV–XVII веках. Некоторые наблюдения содержатся в рассказах иностранцев о России, но в них речь идет лишь о представлении о границе допустимого в публичном проявлении сексуальных интересов. Епитимийники позволяют заглянуть в эти отношения значительно глубже.

Хотелось бы отметить и тот факт, что «поновления» сохранились в большом количестве, и, что самое интересное, они постоянно дорабатывались и «специализировались», адресуясь к различным категориям населения – мужчинам, юношам, девушкам, замужним, вдовам, а с XVI века учитывали еще и социальный статус исповедуемого: «судии и вельможи», «власти мирские», «властелин и вельможа» и т.д.¹⁶¹

А.И. Клибанов отмечал, что «одним из показателей информативности источника является отзывчивость его на перемены, происходящие в окружающей действительности», и убедительно показал, что покаянные книги в значительной степени удовлетворяют этому критерию¹⁶². Специфика епитимийников состоит в том, что они созданы, прежде всего, для того, чтобы установить церковное наказание за то или иное отклонение или грех, а потому именно на отклонениях и фиксируют свое внимание, уделяя гораздо меньше места тому, что считается нормой. Вторая их особенность сродни тому, что нам известно о церковных «княжеских» уставах, касающихся прав церкви, – они бытовали на протяжении нескольких столетий, большинство присутствующих в них норм оставалось неизменным.

Значительная часть цитируемых рукописей относится к XVI веку, а значит, факт актуальности этих текстов для XVI века не вызывает сомнения. Кроме того, к этому времени упоминаемые нормы, только вводимые в крещеной Руси, за столетия бытования можно считать укоренившимися в достаточно широких слоях.

О том, что тексты покаянных книг имели практическое применение, свидетельствует текст 33-й Главы Стоглава «О содомском грѣсѣ»: «И от тѣх о всѣх отреченных, и скверных, и зазорных дел скаредных отц(а)мъ д(у)х(о)вным, с(вя)щ(ен)ным протопопом и с(вя)щ(е)нником, детей своих д(у)х(о)вных накрѣпко испытovati и запрещати с великим истезаниемъ д(у)х(о)вным, чтоб(ы) таких скверных и мерзостных дѣл не творили. И которые покаются и впред(ь) общаются, и вы б(ы) их исправливали по правилом с(вя)тых ап(о)с(то)лъ и с(вя)тых о(те)цъ, а безо опитемьи бы есте не прощали»¹⁶³.

Покаянные книги, предуготовлявшие человека к причастию, оказывали влияние на воспитание средневекового человека в духе православной нравственности, проявлявшейся, в конечном счете, в «благодетельных» поступках. Но для нашей темы едва ли не более важен аспект влияния исповедных книг и исповеди, отмеченный А.И. Клибановым, который писал о том, что «покаянные книги составляли замечательное явление в истории духовной культуры и служат индикатором духовного развития всех слоев общества, поскольку практика исповеди формировала индивидуальность человека»¹⁶⁴, потому что духовный мир человека дохристианской эпохи – это экстравертированный мир. Между тем, христианство взывало к внутреннему, интровертированному, человеку, а исповедь предполагала человека со свободной волей в выборе добра и зла, во первых, и способного оценивать и анализировать свои личные мысли и поступки, во-вторых.

О супружеских интимных отношениях

Основу Дома составлял супружеский союз – муж и жена. Церковь видела в браке неизбежное зло, поскольку слабость

человеческой природы нечасто позволяет ей хранить целомудрие. «Не возможий приити къ тризницу терпениемъ и страданьямъ высоте девственнаго, ангельскаго иноческаго жития да приобщится по закону брачному жене, яже и изначала Богъ повеле»¹⁶⁵, – писал митрополит Даниил о браке, или так: – «аще не можеша безженнаго жития жити, прииди къ браку, не възбраняет жена къ благому житию»¹⁶⁶. Секс церковь допускала только в браке и только с целью деторождения. Правда, поскольку вопросники составлялись священниками, которые по-разному смотрели на строгость в сексуальных отношениях, есть тексты, более мягко относящиеся к потребностям тела паствы. Чистоту браку придает, по митрополиту Даниилу, соитие с целью зачатия: «Глаголют о всех купно праведных, яко аще не бы възжелехъ чадо сътворити, не схожашеся на се дондеже ражаемое строча възмужится, егда паки другое чадо сотворити хотя схожашеся другъ съ другомъ»¹⁶⁷. (При этом Даниил ничего не говорит о том, что можно считать возрастом «возмужания» чада.)

Церковь, таким образом, предлагает самый простой и богоугодный, по ее мнению, способ регулирования деторождения – вступать в интимные отношения только ради зачатия ребенка, и только тогда, когда предыдущий ребенок подрастет.

О том, какие опасности для спасения существуют в браке по мнению Даниила, уже писалось выше, тем не менее, хотелось бы напомнить: брак «требует внимания и трезвения много къ спасению и паче же супружную тяготу многу сугубо имать отъ молвы и плища, и попечения суетнаго; на приплетшагося союзу брака колико омочения и молвы, и смущения востають; сугубый бо мятежъ и попечение прииметь: без детей ему сушу, детей желание, егда же родятся дети, о вскармлении детей попечение, жены хранение, дому прилежание, рабомъ управление, и иже поприлучають бывающа болезни рабомъ, жене, детемъ, и иже в скотех испадение, и иже житейскихъ вещей неполучение, и отсюду молвы и сверепства, и еже и судомъ проторы, и на судищехъ стязания, и на путехъ беды, и в домехъ беды, ораня и сеянна неполучение, и всяк день приходитъ особно принося души омрачение, въ нощи же дневные печали приемше, сих же всех едино избавление есть еже бежати отъ

всего мира»¹⁶⁸. «Правило съ Богомъ починаемъ св. апостоль и святыхъ отецъ седми соборъ...» предлагает следующий способ решения вопросов интимной жизни между мужем и женой: «Аще жена воздержатися хоцеть отъ своего мужа на ложи, или мужъ воздержатися отъ своея жены, то подобает имъ совеща- тия и составити совет о семь да не единъ отъ нихъ воздержатися хоцеть, а другий невозможеть или не хоцеть, и начнетъ блудити со инеми ходящи, и есть грехъ болий на обоихъ сихъ»¹⁶⁹. Для нас здесь особенно важно отметить, что за женой право «невозмочь» или не захотеть признается наравне с правом мужа, и грех в этом случае они делят поровну. На исповеди женщин предполагалось спрашивать о грехах особенно тщательно, поскольку они считались более склонными «десяти чаровы и волхвания и душегубства»¹⁷⁰.

Отношение к браку сформулировано в правиле «Аще двоженецъ» (цит. по рукописям XVI века). «Женитба бо в законе [н]ес[ть] греха, а любодеемъ и прелюбодеемъ судить Бог; жена бо человеку дана плода деля, а многожение от поганых пошло есть»¹⁷¹. Признанием чистоты брака было разрешение соития с женой в «храминах» с иконами и в нательном кресте¹⁷². При этом повторные браки, даже в случае смерти одного из супругов, рассматривались как одна из форм многоженства, особенно третий брак. «Третий бо брак любодееание, скотско житие нарекоша, таковыя от причастия отлучи 7 лет»¹⁷³. Хотя жизнь вносила свои коррективы, и повторные браки, конечно, не были редкостью, что заставило Стоглавый собор 1551 г. снова вернуться к вопросу об обряде венчания при повторных (втором и третьем) браках.

Глава 23 Стоглава толкует вопрос «О втором же браку и о троеженцах», при этом устанавливает, что «второму браку венчания несть, но токмо м(о)л(и)тва по правилом, и трет(ь)ему молитва под запрещением по с(вя)щенным правилом. Второму – два лѣта епитимии. Аще будет млад, то едино лето. А трет(ь)ему – пять лет ото общения и о всякия с(вя)т(ы)ни»¹⁷⁴, впрочем «к трет(ь)ему поиманию», трактует Глава 24 Стоглава, «аще будет добрѣ млад, детей не будет от него ни от / перваг(о) брака, ни от втораг(о), тому надобѣ разсужение со опитемею великою, едва совокупитися к трет(ь)ему браку»¹⁷⁵. Таким образом, главная цель брака – деторождение – смягчает тяжесть

вины и наказания для человека, вступающего в третий брак, имеет значение и возраст вступающего в брак – для молодого человека он более допустим, нежели чем для пожилого.

Стоглав устанавливает и размеры венечных пошлин: «С первого браку – алтын, а со вторваго – два алтына, а с треженца – четыре алтыны»¹⁷⁶, при этом подчеркивается, что «та венчаннаа пошлина искони ц(е)рковнаа ведется». Церковь вменяла в обязанность священникам «обыскивати», что вступающие в брак «ни в кумовстве, ни в сватовстве, ни в роду, ни в племени не поимались». «А который с(вя)щенникъ таковых венчалъ, вѣдая, или м(о)л(и)тву говорилъ, таковой де извержется. Или вѣдая, да не обыскавъ венчалъ или м(о)л(и)тву говорилъ, таковой презвитерь по с(вя)щенным правилом да отлучится»¹⁷⁷. В случае брака между родственниками или кумовьями епископ должен был обвенчанных развести и наложить на них «епитимьи» на «уреченные лета».

«Правило о церковном устроении» по рукописи XVI века также устанавливает: «Аще же у кого умереть жена и поиметь другую, такая венчаите. Аще ли пустя жену, а иную поиметь, или жена, оставя мужа, за иным поидеть, таких не венчати»¹⁷⁸.

Церковь стремилась регулировать частоту сексуальных отношений супругов, прежде всего, вводя запреты на соития в пятницу, субботу, воскресенье и пост, причем в данном случае определялось не только церковное наказание. Укоренению такой нормы сексуального поведения должно было способствовать и утверждение, что дети, зачатые в эти дни, вырастут преступниками или безнравственными людьми: «Аще с женою будетъ в пя[то]к или в суб[боту] или в нед[елю] ти аще зачнетъся будетъ любо разбоиникъ любо тать, любо блудникъ или трепетивъ, да имат родителя опит[имью] 2 летъ», «Аще кто осквернитъся въ святой пост да постится ину 40 днии, аще будет выины дни поганство то да створить поп молитвы 3»¹⁷⁹. «...А в петров пост и в филиповъ не возбранно с женами своими пребывати разве понед[ельника] и сред[ы], и пятка, и суб[боты], и недели, и памяти святых. А кто во опитеми тому не блудити а кто хочеть причещатися тому отнюд воздержатися от жены в сия два говения апостольская»¹⁸⁰.

Запрещались также сексуальные отношения с роженицей и женщиной в период «месячной нечистоты». Впрочем, для очень нетерпеливых мужей в данном случае были большие послабления: «Иже жена родит дитя или иногда скверна достоин ли свои мужем быти добро бы рече дондех чиста будет тож быти с нею да быти до 8 дний соблюсти. Аще ли зблудит до 8 дний дати за то опитемья 20 дний. Аще велми нетерпел то 12 дний. А егда жене месячная нечистота, то с нею не пребыти 8 дний»¹⁸¹.

Другое правило («Аще двеженецъ») в случае с роженицей требовало воздерживаться 40 дний, «аще нетерпелив, до 20 дний, и аще ли велми до 12 дний удержися от жены»¹⁸².

Следует отметить, что с точки зрения церкви любая попытка регулирования рождаемости является грехом, тем не менее, для регулирования рождаемости женщины применяли различные способы. Исповедные книги упоминают как попытки детоубийства, так и попытки зачать ребенка с помощью приворотных средств («зелием детей ищеть»)¹⁸³, колдовства и предупреждают: «Всякая жена скажаючи в себе отроча душегубица наречется и аще обратится в покаяние 3 лета да покается а причастие въ 5ю (!) да имат и поклонитъ 12 заутра 12 вечер»¹⁸⁴. В данном тексте речь, по-видимому, идет о сознательном «скажении» плода, поскольку на вопрос о том, считать ли грехом преждевременные роды из-за тяжелой работы, в «Вопрошаниях Кирика» дан ответ, что нет. (Вопрос: «Аще жены делаютчи (!) страду врежают утробы измещут дети». Ответ: «Аще... не зелием ни хотию врежают нету за то опитемьи»¹⁸⁵.) Но тем не менее: «Аще жена удавить детя 3 лета опитемье. Аще жена извержетъ мертво детище 3 лет епитемья. Аще которая жена блудь створивши проказитъ дети в себе 10 лет покаетьс[я]»¹⁸⁶. Снисходительней церковь относилась к случаям «засыпания» детей в трезвом виде, мало интересуясь вопросом, был ли данный случай предумышленным. Вопрос: «Аще кладут дети и угнетают спячи убийство ли есть». Ответ: «Трезви то легчае аще ли пьяни то убийство есть»¹⁸⁷.

Впрочем, связь пьянства с рождаемостью устанавливалась и в случае преждевременных родов по вине пьяного мужа:

«Аще человекъ пиянь ринся на жену вредить в ней дитя половину... даи опитимью»¹⁸⁸.

Зачать же детей пытались не только с помощью «зелья», но и съедая «ложе иноя жены», что также осуждалось как проявление языческих суеверий, подлежащее церковному наказанию (6 недель поста).

Со времен «Вопрошания Кирика» осуждались как проявления язычества попытки жены улучшить отношение к себе мужа: «Асе есть у женъ: аже не възлюбятъ ихъ моужи, то омывають тело свое водою, а ту водоу дають моужем. – Повелѣ ми дати опитемьи 6 недель, [о]воже лето от причащения»¹⁸⁹.

Жизнь во грехе

В возможных случаях блуда покаянная литература оказывается очень осведомленной, в ней упоминаются и случаи соития сына с матерью, за что полагается такая же епитимья, как в случае соития отца с дочерью. «О кровь месящих. Аще кто кровь смесит или отецъ со дщерью и мати съ сыномъ да имуть опитемю 30 лет и да комкает от пас[хи] до пас[хи], поклон 1000 утро и 1000 вечеръ. Аще 2 брата съ единою женою или зять с тещею или свекръ с невесткою да имуть опитем[ю] 12 лет. Поклон 500 утро и 500 вечеръ». (Такая же норма наказания для кумы, т.е. духовных родственников) и далее: «Аще поимуть кумове или брату чади или сестры да имут опит[имью] 16 лет».

Раствление девицы считалось тяжким грехом, однако: «кто девицу растлит прежде возраста 13 лет, аще же поиметь ю, нес[тъ] греха. Аще ли не поимая кается, о безумьи, 3 лет опитемьи. Аще ли не кается ни поиметь ея, казнить градскимъ закономъ: отъяти поимения и дати и девице тои за срамъ»¹⁹⁰.

Так же и рабе, если она «от господина по нужи осквернена, нес[тъ] ей греха, но господину за я ответ дати»¹⁹¹.

И в случае, если «в рати жены осквернены или понасилены от кого, тако же и девица, аще по нужи осквернены, за то им опитемьи нет»¹⁹².

Порицание вызывала не только добровольная потеря девственности, но и попытка скрыть это при венчании. Именно за сокрытие в таких случаях налагался год епитимьи¹⁹³.

Устав подробно перечисляет возможные виды кровосмешательства: свекор и сноха, муж с двумя сестрами, два брата с одной женой, деверь со свекровью, пасынок с мачехой, отец с падчерицей или дочерью, брат с сестрой.

В случаях кровосмесительных связей размер штрафов был различным. Наиболее строго наказывались случаи «блуда» брата с сестрой и отца с дочерью: 40 гривен (так же, как в случае блуда с черницею), деверь с падчерицей или кумовья – 12 гривен. Церковь боролась и с кровосмешением, и скотоложством.

Особое внимание правило «Аще двеженецъ» уделило возможным проявлениям детской сексуальности, считая, что до 10-летнего возраста подобные проявления не опасны, а значит и не греховны: «А что не смысля... лязать на ся, до 10 лет мужеску полу нес[ть] греха, но боле девици стеречи, да не погубят девства своего»¹⁹⁴. Любопытно, что эта статья – переосмысление статьи из «Вопрошания Кирика», где речь шла о детях, «лазящих» в алтарь¹⁹⁵.

Как известно, Мишель Фуко считал проявление детской сексуальности изобретением Нового времени. Едва ли в данном случае речь может идти об «изобретении» явления как такового. Как показывают современные психологические исследования, проявления сексуальности в детском возрасте бывают у всех людей, разница лишь в интенсивности и способах проявления. Но отношение к этому явлению, безусловно, может трансформироваться. Мы являемся свидетелями подобной трансформации в XX веке. Само по себе признание всеобщности этого явления заставляет относиться к нему как к чему-то более нормальному и приемлемому, нежели полагал XIX век.

М. Фуко прав в другом: в Новое время проявления детской сексуальности воспринимались как аномалия, и подобное восприятие позволяло управлять детьми, развивая у них чувства страха и вины за сексуальные порывы детских лет. Так что была изобретена не детская сексуальность, а возможность путем

ее обнаружения манипулировать ребенком, укрепляя отношения власти – подчинения между родителями и детьми.

«Нейтральное» отношение к этому явлению покаянной литературы показывает, что в средневековье подобный прием установления власти над ребенком еще не был принят и действительно оказался изобретением Нового времени.

Как греховные отклонения воспринимались все положения тела во время соития, кроме того, что «лицом к лицу», приравнивая остальное к скотоложству, которое, конечно, рассматривалось как греховное¹⁹⁶. «Всяка жена вседаючи на мужа 6 лет да покается да поклонится 12 заутра 12 вечер. И комкает от пас[хи] до пасхи понеже божий образ оскверни». «Аще кто с женою сзад грехъ створить скота бо наречеть да поклонится 300»¹⁹⁷. Отношение к различным формам онанизма и мастурбации может быть объяснено следующим утверждением: «Всяк человек иже семя пушает въ зло душегубца наречет[ся] и буд[ет]», за что полагалось 40 дней поста¹⁹⁸. И считает греховными случаи, когда «лежачи сотворит блуд жена сама в ся или древом или инемъ чим»¹⁹⁹. За подобное прегрешение полагается епитимья: 40 дней сухоедения и 30 поклонов утром и вечером²⁰⁰, особенно бдительно предлагалось расспрашивать холостых мужчин, которым в сомнительном случае лучше не дать причастия²⁰¹.

Осуждались проявления гомосексуальности, в том числе и женской («Аще девица на девицу лезет»), рассматривая это как «содомский блуд»²⁰², и считались грехом случаи, когда «лазит жена на жену прелюбодеиства деяя»²⁰³.

В понятие «содомский грех» правило «Аще двоеженец» включает следующее: «кто жену пускает на ся, или скота доидеть, или с ким в задний проход, аще от жены (3 лет опитемыи, аще ли во уности не имы жены 18 недель опитемыи)»²⁰⁴.

Ив Левин справедливо отмечает, что в складывании представлений о возможном и недопустимым большую роли играла община. «Именно община в большей степени, чем священник в церкви, вынуждала отдельную личность принимать в конечном счете действенность и законность сексуального стандарта»²⁰⁵.

К содомскому греху в Стоглаве относятся «мужеложство и скотоложство и рукоблудие»²⁰⁶. (Наказание за эти проявления

греха налагаются, по Стоглаву, священниками и отцами духовными.)

Осуждались и такие проявления сексуальности, как позволение женщиной «себя за лоно яти»²⁰⁷.

В XVI веке венчаный брак является уже повсеместно распространенным и юридически, по сути дела, нерасторжимым. Хотя статьи о поводах для развода появляются на Руси в XI веке, никаких данных о том, что эти византийские правила применялись на Руси, пока не обнаружено. Разводы были, но неофициальные. Хотя известен случай развода Василия III Ивановича с женой по причине ее бесплодия, санкционированный митрополитом Даниилом, который сам признавал супружескую неверность единственным поводом для развода, но здесь случай был исключительный, и интересы правящей династии и монархии явно возобладали над христианской этикой. Это вызвало волну возмущения и бросило тень на правление сына, рожденного во втором браке, Ивана IV Васильевича.

Завершая обзор установлений покаянной литературы, относящихся к сексуальным отношениям, хотелось бы заметить, что церковь, признавая их необходимость, стремилась свести их до минимума, необходимого для продолжения человеческого рода, и пресекала попытки регулирования процесса рождаемости. В то же время рядовые прихожане были склонны видеть в сексуальных отношениях удовольствие, не оставляя при этом попыток регулирования числа рождений и количества детей, применяя при этом самые различные методы – от обращения к знахаркам до детоубийства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Христианские нормы регулирования социального поведения в России XV–XVI веков заключались в создании Православной церковью ценностной шкалы, включавшей в себя такие понятия, как милосердие Божие, любовь к Богу и ближнему (причем первоначально «любовь к ближнему» воспринималась буквально: как любовь к членам семьи и домочадцам), страх Божий и страх греха. Часто эти понятия воспринимались абстрактно, но по мере их распространения менялось их смысловое наполнение. Определенным рубежом в этом отношении стала первая половина XVI века, когда деятели церкви и просто книжники стали писать о конкретном социальном наполнении этих понятий, разъясняя, какие конкретные поступки можно квалифицировать как праведные, а какие – как греховные. При этом в дихотомии праведное-греховное начали рассматриваться самые мелочные и бытовые явления. Приготовление пищи в Домострое, например, рассматривается как очень важное дело заботы о близких, за которым наблюдают и ангелы, и бесы с тем, чтобы поведение человека во время этого занятия предъявить во время Судного дня. (Представление, что греховен может быть сам «помысел», который понуждает человека совершать тот или иной поступок, в изучаемое время было доступно, пожалуй, только

узкому кругу духовных подвижников и начитанных людей. Таких, как Нил Сорский, который проанализировал сам психологический механизм проникновения греховного помысла в душу человека.)

Церковь стремилась «христианизировать» и те привычки и традиции, которые не входили прямо в ее веденье. Например, традицию решать спорные судебные вопросы на поединке. Церковь в судебном поединке не видела ничего сакрального и даже языческого, для нее это было покушение на убийство, т.е. тяжкий грех, и она боролась с этим явлением, несмотря на то, что статьи о судебном поединке входили в государственные судебные уставы. Не имея возможности повлиять на законодателей, она влияла на священников, запрещая причащать идущих на поле и отпевать убитых на поле.

Православная вера невозможна без ритуалов и таинств, которые не сразу укоренились в недавно христианизированном обществе. Так, таинство брака стало повсеместным в XIV веке, обязательная ежегодная исповедь (важное средство воспитания паствы в христианских традициях) – к началу XV века. Но в целом русское общество XV–XVI веков – это православное общество, в котором оставались пережитки и суеверия, но доминирующая составляющая была христианской.

Что же касается «двоеверия», то, представляется, прав был Л.П. Карсавин, который полагал, что это не двоеверие и не фольклорная религиозность «простого» народа, но особый, «житейский» пласт представлений о метафизическом мире, который способствует «живому, мистическому его ощущению, это – пространство “магико-религиозного синтеза”». В этой религиозности много нехристианского, но преобладает и увлекает конфессиональная традиция²⁰⁸. Заметим, что элементы «нехристианского» в средневековой религиозности Карсавин отмечает на западном материале, т.е. то, что мы называем двоеверием как специфически русской чертой христианства, существовало и на Западе.

Особым рубежом в изменении отношения к вере стал конец XV века, когда в 1492 г. (семитысячном от сотворения мира) в России ожидали конца света и Страшного Суда. Это ожидание

присутствовало во всех слоях общества, но было бы преувеличением утверждать, что оно было всеобщим, тем не менее, оно изменило религиозное сознание людей, заставив их задуматься о неизбежности, прежде всего, своей смерти. При этом ожидание Страшного Суда очень явственно напомнило о том, что срок земного существования человека известен только Богу, а потому нужно быть внимательным к каждому своему поступку. Не случайно именно на рубеже веков появляются и широко распространяются такие простые и понятные каждому тексты, как Спор жизни со смертью и Спор смерти с философом, которые убеждают своих читателей в том, что ни социальное положение, ни физическая сила, ни ученость, ни даже богобоязненный образ жизни не спасут от смерти. Самому Иисусу Христу пришлось пройти через человеческую смерть, чтобы спасти человечество для жизни вечной.

Как уже было сказано, к XV веку стало обязательным ежегодное отправление таинства исповеди и причастия, а это, в свою очередь, заставило людей из разных слоев общества обратиться к своей личной жизни, к мыслям и поступкам, совершаемым по побуждению «внутреннего человека», способствуя таким образом процессу индивидуализации личности и ответственности человека за свои поступки.

Важную роль в жизни мирян играли приходские священники и духовные отцы (в сельских приходах это часто было одно и то же лицо), которые знали условия жизни и устроения своих пасомых и пользовались их доверием (не случайно будущий еретик Матвей Башкин со своими первыми сомнениями по поводу соответствия проповедуемого Писанием христианского бытия реальной жизни пришел именно к своему духовному отцу).

Если же говорить о том, какими чувствами руководствовался средневековый человек, причем не только русский, но и западный, то одним из важнейших окажется страх. Это и присутствующие всем людям страх смерти или всеобщего осуждения или страх мистического порядка – «Страх Божий», который для начинающего верующего означает страх наказания за грех, «рабский страх» – как называет его Максим Грек, либо, для

человека далеко прошедшего по пути любви и веры в Бога – страх лишиться этой божественной любви, потому, что только живя в ней человек свободен и счастлив, или, как говорили православные подвижники, «радостен». Церковь, как институт, хорошо осознавала свою роль упорядочивания жизни в этом мире с помощью веры, причем «теплой веры», и по мере возможности способствовала укоренению этой веры в людях.

Конечно, все сказанное действительно только на уровне обобщения, жизнь сложнее и многообразнее, но чтобы представить себе это многообразие конкретно-исторически, следует и обратиться к конкретно-историческому изучению проявлений феномена религиозности, не пытаясь затушевывать или, напротив, высвечивать отдельные стороны религиозной жизни, без которой немислимо средневековье. Без понимания того, что язык религиозных символов, ритуалов, понятий является неотъемлемой частью средневекового мира, невозможно понять, и что представлял собой человек той эпохи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Домострой. М., 1991. С. 10.
- ² Батюшков, Ф.Д. Спор души с телом в памятниках средневековой литературы. СПб., 1891. С. 9.
- ³ Гуревич, А.Я. Предисловие // *Арьес, Ф.* Человек перед лицом смерти. М., 1992. С. 9.
- ⁴ Ильин, И.А. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1993. Т. 4. С. 449.
- ⁵ Алексеев, А.И. Под знаком конца времен: очерки религиозности XV – начала XVI в. СПб., 2002. С. 69.
- ⁶ Попов, А.В. Влияние церковного учения и древнерусской духовной письменности на миросозерцание русского народа, и в частности на народную словесность, в древний допетровский период. Казань, 1883.
- ⁷ Даль, В.И. Пословицы русского народа: сб. пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. В. Даля. М., 1862; *Его же.* Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 4-е испр. и значит. доп. изд. под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб.; М., [1912]–[1914]. Т. 1–4; *Снегирев, И.М.* Русские в своих пословицах: рассуждения и исследование об отечественных пословицах и поговорках И. Снегирева. М., 1831–1834. Кн. 1–4; *Его же.* Русские народные пословицы и притчи, изданные И. Снегиревым. С предисл. и доп. М., 1848.
- ⁸ Карсавин, Л.П. Очерки религиозной жизни в Италии XII–XIII веков. СПб., 1912; *Его же.* Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках, преимущественно в Италии. Пг., 1915.
- ⁹ *Его же.* Очерки религиозной жизни в Италии XII–XIII веков. С. 4–6.

- ¹⁰ Там же. С. 15.
- ¹¹ *Алексеев, А.И.* Под знаком конца времен. С. 76.
- ¹² Там же. С. 56.
- ¹³ *Пигин, А.В.* Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006.
- ¹⁴ *Хрущов, И.[П.]*. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого И. Хрущова. СПб., 1868. С. XIV, XV.
- ¹⁵ *Юрганов, А.Л.* Опричнина и Страшный Суд // Отечественная история. 1997. № 3. С. 52–75.
- ¹⁶ *Кобрин, В.Б.* Иван Грозный. М., 1987.
- ¹⁷ *Юрганов, А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998.
- ¹⁸ Там же. С. 26.
- ¹⁹ *Левин, Ив.* Двоеверие и народная религия в истории России. М., 2004. С. 50.
- ²⁰ *Гуревич, А.Я.* Проблемы средневековой народной культуры. М., 1988.
- ²¹ РИБ. СПб., 1880. Т. VI: Памятники древнерусского канонического права, ч. 1: Памятники XI–XV в[в].; *Алмазов, А.И.* Тайная исповедь в православной восточной церкви. Опыт внешней истории: исследование преимущественно по рукописям: в 3 т. Одесса, 1894. Т. 3; *Смирнов, С.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины: (тексты и заметки) // Чтения ОИДР. 1912. Кн. 3. С. I–VI, 1–568 (Отд. 2).
- ²² «Поновлениями» в русской церкви назывались перечни грехов, составленные не от лица духовника, а от лица кающегося.
- ²³ *Алмазов, А.И.* Тайная исповедь в православной восточной церкви ... Т. 3: Приложения. С. 170, 171. Цит. по: Требник, список XVII в. // РНБ. Погодинское собрание. № 308. Л. 284.
- ²⁴ *Алмазов, А.И.* Тайная исповедь в православной восточной церкви... Т. 3. С. 171.
- ²⁵ Чтения ОИДР. 1912. Кн. 3. С. 250 (Отд. 2).
- ²⁶ *Корогодина, М.В.* Исповедь в России в XIV–XIX веках: исследование и тексты. СПб., 2006.
- ²⁷ «А се грехи злые, смертные...»: в 3 т. М., 2004. Т. 1–3.
- ²⁸ «Дионитра» Филиппа Монотропа: антропологическая энциклопедия православного Средневековья. М., 2008. Подробнее см.: *Прохоров, Г.М.* «Душезрительное зеркало» // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 143–166.
- ²⁹ *Левин, Ив.* Двоеверие и народная религия в истории России. С. 19.
- ³⁰ См., напр.: *Николаева, Т.В., Чернецов, А.В.* Древнерусские амулеты-змеевики. М., 1991. С. 34.

- ³¹ Это отмечалось в литературе еще в начале XX века. Напр., С. Смирновым в его статье «Бабы богомерзкие» (Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому. М., 1909. С. 233).
- ³² ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1. Стб. 181.
- ³³ ГИМ. Синодальное собрание. № 954. Л. 33 об.
- ³⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 177.
- ³⁵ Там же. Стб. 176.
- ³⁶ *Адлер, Г.* Лекции по аналитической психологии. М.; Киев, 1996. С. 230.
- ³⁷ Там же. С. 231.
- ³⁸ *Веселовский, А.Н.* Собрание сочинений: в 8 т. Пг., 1921. Т. 8, вып. 1. С. 11.
- ³⁹ *Льюис, К.* Размышления о псалмах. М., 2008. С. 89, 90.
- ⁴⁰ Подробнее см.: *Найденова, Л.П.* Мир русского человека XVI–XVII веков. М., 2003. С. 93–98.
- ⁴¹ *Юдин, А.В.* Ономастикон русских заговоров: имена собственные в русском магическом фольклоре. М., 1997. С. 3.
- ⁴² Там же. С. 50–53.
- ⁴³ *Топорков, А.* Мечта о блудном воровстве // *Родина*. 2002. № 7. С. 44.
- ⁴⁴ ПСРЛ. СПб., 1906. Т. 13, вторая половина. С. 456.
- ⁴⁵ *Смирнов, С.* «Бабы богомерзкие». С. 237.
- ⁴⁶ *Ефименко, П.* Суд над ведьмами // *Киевская старина*. 1883. № 7. С. 380–386.
- ⁴⁷ ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 12. Видимо, это случай относится к периоду, когда с вождями язычников боролись как с таковыми, т.е. сожгли за то, что они – волхвы, предоставляя в их грехах разбираться Богу.
- ⁴⁸ Псковские летописи. М.; Л., 1955. Вып. 2. С. 36.
- ⁴⁹ «...И всячески над мужем чарует. А мужь ничего не ведает. Коренья и отравы и всякия волшебныя надь мужем своим чинит; сердце мужа высосет и тело его изсушит, и красоты в лице его не оставит, и в очах светлость погубит, и разум его отимет, и всем людем в поношение его сотворит. Все это творя, потом мужа своего возненавидит, а других возлюбит и смертное зелье сыщет, и найдя удобное время, смертным ядом его поит или смертным куком окормит, как незрелый класс пожнеи прежде времени» (*Забелин, И.Е.* Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1872. Ч. 1. С. 167).
- ⁵⁰ *Живов, В.М.* Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М., 2002. С. 309.
- ⁵¹ *Алексеев, А.И.* Под знаком конца времен. С. 89.

- ⁵² *Максим Грек*. Произведения Максима Грека: рукопись из Славянского собрания Парижской национальной библиотеки. М., 2009. С. 128–132.
- ⁵³ *Макарий (Булгаков)*. Сочинения Московского митрополита Даниила // Христианское чтение. 1872. № 10. С. 181–275; *Жмакин, В.[И.]*. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. [890] с. разд. паг.
- ⁵⁴ *Ржига, В.Ф.* Литературная деятельность Ермолая-Еразма // ЛЗАК за 1923–1925 годы. Л., 1926. Вып. 33. С. 193.
- ⁵⁵ Домострой. С. 129.
- ⁵⁶ *Жмакин, В.[И.]*. Митрополит Даниил и его сочинения. Ч. 2 // Чтения ОИДР. М., 1881. С. 27 (Отдел приложений). Далее ссылки даются на это издание.
- ⁵⁷ *Курукин, И.В.* Новые сведения монастырских архивов о Сильвестре // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М., 1979. С. 68.
- ⁵⁸ *Федотов, Г.* Святыя Древней Руси. М., 1990. С. 179, 180.
- ⁵⁹ Домострой. С. 169.
- ⁶⁰ Диоптра. С. 211.
- ⁶¹ Там же. С. 230.
- ⁶² Библия / Рос. Библейское о-во. М., 2007. С. 643, 644.
- ⁶³ Диоптра. С. 211.
- ⁶⁴ *Максим Грек*. Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, собств. тип., 1910. Ч. 1. С. 42.
- ⁶⁵ Там же. С. 209, 210.
- ⁶⁶ Там же. С. 78.
- ⁶⁷ Там же. Ч. 2. С. 105.
- ⁶⁸ Там же. С. 237.
- ⁶⁹ Там же. Ч. 1. С. 24.
- ⁷⁰ Там же. С. 19.
- ⁷¹ Там же. С. 6, 7.
- ⁷² Там же. С. 7, 8.
- ⁷³ Там же. С. 3.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Домострой. С. 139, 140.
- ⁷⁶ *Щапов, Я.Н.* Идеи мира в русском летописании XI–XIII вв. // История СССР. 1992. № 1. С. 172–178.
- ⁷⁷ *Максим Грек*. Произведения Максима Грека. С. 174–176.
- ⁷⁸ Там же. С. 316–319.
- ⁷⁹ *Прохоров, Г.М.* «Некогда не народ, а ныне народ Божий...»: Древняя Русь как историко-культурный феномен. СПб., 2010. С. 14.
- ⁸⁰ Домострой. С. 37, 38.
- ⁸¹ Там же. С. 39.

- ⁸² Там же. С. 19.
- ⁸³ Дополнения к Актам историческим. СПб., 1846. Т. I. С. 365. № 218. 1530–1532 [гг.].
- ⁸⁴ *Лигин, А.В.* Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. С. 67.
- ⁸⁵ РГБ. Собрание Ундольского. Ф. 113. № 530. Л. 388–389 об.
- ⁸⁶ Домострой. С. 32.
- ⁸⁷ Повести о споре жизни и смерти / исследование и подготовка текстов Р.П. Дмитриевой. М., 1964.
- ⁸⁸ *Батюшков, Д.Ф.* Спор души с телом в памятниках средневековой литературы.
- ⁸⁹ Там же. С. 6.
- ⁹⁰ Памятники литературы Древней Руси. М., 1980. Т. 12. С. 309.
- ⁹¹ ПСРЛ. Т. 13, вторая половина. С. 412, 413.
- ⁹² ГИМ. Собрание Забелина. № 577.
- ⁹³ Там же. Собрание Барсова. № 2499.
- ⁹⁴ *Тихонравов Н.С.* Памятники отреченной русской письменности. М., 1863. Т. 2. С. 31.
- ⁹⁵ См., напр.: ГИМ. Щукинское собрание. № 431, XVI век. Л. 1–20.
- ⁹⁶ Там же. Синодальное собрание. № 992. XVI в. Л. 658–670.
- ⁹⁷ РГБ. Собрание Ниловой пустыни. № 46. XVI в.
- ⁹⁸ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. XXI, вторая половина. С. 387–390. Л. 640–644. Этот текст присутствует (под 1347 г.) в Софийской 1, Воскресенской летописях. Опубликовано Н.С. Демковой в: Памятники литературы Древней Руси, XIV – середины XV в. М., 1981. С. 42–48.
- ⁹⁹ *Лончакова, Т.А.* Послание о земном рае в прочтении древнерусских книжников // Русская книга в дореволюционной Сибири: рукописная и печатная книга на востоке страны. Новосибирск, 1992. С. 112–133.
- ¹⁰⁰ Паремия – сборник выборок текста из Священного писания, точнее, Ветхого завета. Известия о реках, текущих из рая, взято из Книги Бытия.
- ¹⁰¹ Рахманы (брахманы) – мифические жители счастливой страны, которая находится там, где небо сходится с землей.
- ¹⁰² Пролог – сборник сокращенных житий святых, поучений и т.д.
- ¹⁰³ «Книга Еноха» – тоже апокрифическая история, изложенная в Палее.
- ¹⁰⁴ Илья, Агапий, Макарий, Ефросим – герои апокрифических повествований, известных на Руси.
- ¹⁰⁵ Патрикий – ирландский монах, якобы видевший место, где начинается ад. Имя взято также из Пролога.
- ¹⁰⁶ Особые места церковной службы, которые поются после евангельских чтений о рае.

- ¹⁰⁷ Василий Калика был в Иерусалиме и здесь рассказывает о святых местах и связанных с ними преданиях.
- ¹⁰⁸ *Алексеев, А.И.* Под знаком конца времен. С. 128.
- ¹⁰⁹ Одну из попыток разгадать тайну этого текста предпринял А.И. Клибанов: *Клибанов А.И.* Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. М., 1960. С. 138–149.
- ¹¹⁰ *Казакова, Н.А., Лурье, Я.С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. М.; Л., 1955. С. 474.
- ¹¹¹ *Ле Гофф, Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992; *Делюмо, Ж.* Ужасы на Западе. М., 1994. С. 172.
- ¹¹² *Алексеев, А.И.* Под знаком конца времен. С. 58–60.
- ¹¹³ *Клибанов, А.И.* Реформационные движения в России ... С. 206.
- ¹¹⁴ *Борисов, Н.С.* Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. М., 2004. С. 30.
- ¹¹⁵ Там же. С. 32.
- ¹¹⁶ РИБ. СПб., 1880. Т. VI. Стб. 802–810.
- ¹¹⁷ Там же. Стб. 783.
- ¹¹⁸ Там же. Стб. 810.
- ¹¹⁹ *Кобрин, В.Б.* Иван Грозный. С. 50 и др.
- ¹²⁰ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Рязань, 2007. С. 81.
- ¹²¹ *Юрганов, А.Л.* Опричина и Страшный Суд. С. 54.
- ¹²² *Емченко, Е.Б.* Стоглав: исследование и текст. М., 2000. С. 247.
- ¹²³ *Юрганов, А.Л.* Опричина и Страшный Суд. С. 70, 71.
- ¹²⁴ *Ключевский, В.О.* Сочинения: в 8 т. М., 1956. Т. 1. С. 208.
- ¹²⁵ Смоленские грамоты XIII–XIV веков / подготовили к печати Т.А. Сумникова, В.В. Лопатин; под ред. Р.И. Аванесова. М., 1963. С. 22.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ Российское законодательство X–XX веков. М., 1984. Т. 1. С. 305.
- ¹²⁸ Там же. С. 307.
- ¹²⁹ Там же. С. 333.
- ¹³⁰ Там же.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² Там же. С. 334.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ Там же. С. 340.
- ¹³⁵ Там же. С. 341.
- ¹³⁶ Там же. С. 342.
- ¹³⁷ Там же.
- ¹³⁸ Там же. С. 335.
- ¹³⁹ Там же.
- ¹⁴⁰ Там же. М., 1985. Т. 2. С. 194.
- ¹⁴¹ Там же. С. 55, 60.

- ¹⁴² Там же. С. 60.
- ¹⁴³ Там же. С. 62.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 98.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 99.
- ¹⁴⁶ Там же.
- ¹⁴⁷ Там же.
- ¹⁴⁸ *Герберштейн, С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 119–120.
- ¹⁴⁹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С. 80.
- ¹⁵⁰ *Афанасьев, А.Н.* Русское поле или Суд Божий // *Афанасьев, А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М., 1995. Т. 1. С. 76.
- ¹⁵¹ *Емченко, Е.Б.* Стоглав. Исследование и текст. С. 359.
- ¹⁵² Там же. С. 359, 360.
- ¹⁵³ РИБ. СПб., 1880. Т. 6. Стб. 276.
- ¹⁵⁴ Там же. Стб. 857.
- ¹⁵⁵ *Максим Грек.* Произведения Максима Грека. С. 403, 404.
- ¹⁵⁶ *Зимин, А.А.* И.С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 344.
- ¹⁵⁷ *Максим Грек.* Произведения Максима Грека. С. 404.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 405.
- ¹⁵⁹ *Владимирский-Буданов, М.Ф.* Хрестоматия по истории русского права. Изд. 2-е. Киев, 1885. Вып. 3. С. 4, 5.
- ¹⁶⁰ *Щапов Я.Н.* Древнерусские княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972. С. 135.
- ¹⁶¹ *Алмазов, А.И.* Тайная исповедь в православной восточной церкви ... Т. 3. Приложения. С. 213.
- ¹⁶² *Клибанов, А.И.* Духовная культура средневековой Руси. М., 1994. С. 36.
- ¹⁶³ *Емченко, Е.Б.* Стоглав. Исследование и текст. С. 295.
- ¹⁶⁴ *Клибанов, А.И.* Духовная культура средневековой Руси. С. 51.
- ¹⁶⁵ РНБ. Собрание Московской Духовной Академии. № 197. Л. 486.
- ¹⁶⁶ Там же. Л. 475.
- ¹⁶⁷ Там же. Софийское собрание. № 1281. Л. 257.
- ¹⁶⁸ Там же.
- ¹⁶⁹ Чтения ОИДР. М., 1881. Кн. 2. С. 79 (Отдел приложений).
- ¹⁷⁰ Там же.
- ¹⁷¹ Там же. 1912. Кн. 3. С. 64 (Отд. 2).
- ¹⁷² Там же. С. 67 (Отд. 2).
- ¹⁷³ Там же. С. 63 (Отд. 2).
- ¹⁷⁴ *Емченко Е.Б.* Стоглав. Исследование и текст. С. 284.
- ¹⁷⁵ Там же. С. 285.
- ¹⁷⁶ Там же. С. 283.
- ¹⁷⁷ Там же.
- ¹⁷⁸ Чтения ОИДР. 1912. Кн. 3. С. 92 (Отд. 2).
- ¹⁷⁹ Там же. С. 29 (Отд. 2).

- ¹⁸⁰ Там же. С. 43 (Отд. 2). Заповеди иереям, диаконам и клирикам (Номоканон XVI–XVII вв.).
Петров пост – с 1 июня по 28 июня, Филиппов пост (Рождественский пост) – с 15 ноября по 24 декабря.
- ¹⁸¹ Там же. С. 8 (Отд. 2). Особая редакция «Вопрошания Кирика».
- ¹⁸² Там же. С. 64 (Отд. 2).
- ¹⁸³ Там же. С. 47 (Отд. 2). «А се грехи» (Великие Минеи Четъи, август, 31 день).
- ¹⁸⁴ Там же. С. 28 (Отд. 2).
- ¹⁸⁵ Там же. С. 8 (Отд. 2).
- ¹⁸⁶ Там же. С. 41 (Отд. 2). «Написание митрополита Георгия русского и Феодоса», рукопись XIV–XV в.
- ¹⁸⁷ Там же. С. 8 (Отд. 2).
- ¹⁸⁸ Там же.
- ¹⁸⁹ РИБ. СПб., 1880. Т. VI. Стб. 60.
- ¹⁹⁰ Чтения ОИДР. 1912. Кн. 3. С. 66 (Отд. 2).
- ¹⁹¹ Там же. С. 75 (Отд. 2).
- ¹⁹² Там же. С. 91 (Отд. 2).
- ¹⁹³ Там же. С. 68 (Отд. 2).
- ¹⁹⁴ Там же.
- ¹⁹⁵ РИБ. СПб., 1880. Т. VI. Стб. 35.
- ¹⁹⁶ Чтения ОИДР. 1912. Кн. 3. С. 46 (Отд. 2).
- ¹⁹⁷ Там же. С. 28 (Отд. 2). «Некоторая заповедь» – худой номоканунецъ (рукопись XIV–XV в.).
- ¹⁹⁸ Там же. С. 28, 54 (Отд. 2).
- ¹⁹⁹ Там же. С. 47 (Отд. 2). «А се грехи».
- ²⁰⁰ Там же. С. 51 (Отд. 2). Правило с именем Максима (Номоканон XVI–XVII вв.).
- ²⁰¹ Там же. С. 67 (Отд. 2). «Аще двеженец».
- ²⁰² Там же. С. 10 (Отд. 2).
- ²⁰³ Там же. С. 47 (Отд. 2). «А се грехи». (Великие Минеи Четъи, август, 31 день).
- ²⁰⁴ Там же. С. 66 (Отд. 2).
- ²⁰⁵ «А се грехи злые, смертные...». Т. 1. С. 273.
- ²⁰⁶ *Емченко Е.Б.* Стоглав. Исследование и текст. С. 299.
- ²⁰⁷ Чтения ОИДР. 1912. Кн. 3. С. 46 (Отд. 2).
- ²⁰⁸ *Карсавин, Л.П.* Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках, преимущественно в Италии. С. 296.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГИМ – Государственный исторический музей
ЛЗАК – Летопись занятий Археографической комиссии
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РГБ – Российская государственная библиотека
РИБ – Русская историческая библиотека
РНБ – Российская национальная библиотека
Чтения – Чтения в императорском Обществе истории
и древностей российских при Московском уни-
верситете

ЛИТЕРАТУРА

Алмазов, А.И. Тайная исповедь в православной восточной церкви. Опыт внешней истории; исследование преимущественно по рукописям: в 3 т. Одесса: Типо-литография Штаба Одес. воен. окр., 1894. Т. 3: Приложения. [424] с. разд. паг.

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Рязань: Александрия, 2007. 400 с. (Источники истории).

Афанасьев, А.Н. Мифы, поверья и суеверия славян: поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М.: Эксмо; СПб.,: Terra Fantastica, 2002. Т. 1–3.

Владимирский-Буданов, М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. Изд. 4-е. СПб.; Киев: Н.Я. Оглоблин, 1901. V, 2, 262 с. с табл.

Герберштейн, Сигизмунд. Записки о Московии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. 429, [1] с.

Домострой / изд. подгот. В.В. Колесов, В.В. Рождественская. СПб.: Наука, 1994. 399 с. (Лит. памятники).

Дополнения к актам историческим, собранныя и изданныя Археологическою комиссиею. СПб., 1848. Т. 1. III, 400, 18, 15, [1] с. разд. паг.

Емченко, Е.Б. Стоглав: исследование и текст. М.: Индрик, 2000. 495 с., [4] л. факс.: схем.

Житие Андрея Юродивого. СПб.: Алетейя, 2001. 284, [4] с. (Византийская библиотека. Исследования. Источники).

Жмакин, В.[И.]. Митрополит Даниил и его сочинения. Исследование Василия Жмакина, М.: имп. О-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1881. [890] с. разд. паг.

Истрин, В.М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследования и тексты. М.: Университетск. тип., 1897. [546] с. разд. паг.

Казакова, Н.А., Лурье, Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 544 с.

Корогодина, М.В. Исповедь в России в XIV–XIX веках: исследование и тексты. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 579, [5] с.

Максим Грек. Сочинения преподобного Максима Грека изданные при Казан. духовн. академии. Казань, 1859–[1862]. Ч. 1–3.

Максим Грек. Сочинения преп. Максима Грека в рус. переводе. Св.-Троицкая Сергиева лавра, собственная тип., 1910–1911. Ч. 1–3.

Максим Грек. Произведения Максима Грека: рукопись из Славянского собрания Парижской национальной библиотеки. М.: [б.и.], 2009. (ЗАО «Гриф и К»). 704 с.

Памятники древнерусского канонического права / [ред. А.С. Павлов]. Изд. 2-е. СПб., 1908. Ч. 1: (Памятники XI–XV в[в]). 1466 с. и стб. разд. паг. (Русская историческая б-ка, изд. Имп. Археогр. комис. ...; т. 6).

Памятники литературы Древней Руси, XIV – середина XV в. М.: Худож. лит., 1981. 602 с.

Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб.: тип. Кулиша, 1862. Вып. 3: [Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А.Н. Пыпиным]. [6], 180 с.

Повести о споре жизни и смерти / исследование и подготовка текстов Р.П. Дмитриевой. М.; Л.: Наука. [Ленингр. отд-ние], 1964. 213 с.

Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. СПб.: Археогр. комис., 1906. Т. 13, вторая половина. VIII, 303–533 с.

Псковские летописи. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Вып. 2. 364 с.

Ржига, В.Ф. Литературная деятельность Ермолая-Еразма // Летопись занятий Археографической комиссии за 1923–1925 годы. Л., 1926. Вып. 33. С. 103–201.

Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М.: Юрид. лит., 1984. Т. 1. 430 с.; М., 1985. Т. 2. 519 с.

Смирнов, С.И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины: (тексты и заметки) // Чтения ОИДР. 1912. Кн. 3. С. I–VI, 1–568 (Отд. 2).

Смоленские грамоты XIII–XIV веков / подготовка к печати Т.А. Сумникова, В.В. Лопатин; под ред. Р.И. Аванесова. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 139 с.

Судебники XV–XVI веков / под общ. ред. Б.Д. Грекова. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 619 с.

Тихонравов, Н.С. Памятники отреченной русской литературы / собрания и изд. Николаем Тихонравовым. СПб.: [б.и.], 1863. (Общественная польза). Т. 1. [4], XII, 313 с.; М.: Унив. тип. (Катков и К^о), 1863. Т. 2. [2], IV, 457 с.

* * *

Адлер, Г. Лекции по аналитической психологии / предисл. К.Г. Юнга. М.; Киев: РЕФЛ-бук: Ваклер, 1996. 283 с. (Актуальная психология).

Алексеев, А.И. Под знаком конца времен: очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI вв. СПб.: Алетейя, 2002. 347, [3] с.

Аръес, Ф. Человек перед лицом смерти / предисл. А.Я. Гуревича (с. 5–30). М.: Прогресс: Прогресс-академия, 1992. 526, [1] с.

«А се грехи злые, смертные...»: русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX века: в 3 кн. / Н.Л. Пушкарева, Л.В. Бессмертных. М.: Ладомир, 2004. Т. 1. 746, [3] с. (Русская потаенная литература).

Батюшков, Ф.Д. Спор души с телом в памятниках средневековой литературы: опыт историко-сравнительного исследования Ф. Батюшкова. СПб.: тип. В.С. Балашова, 1891. IV, 314 с.

Борисов, Н.С. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света: Россия в 1492 году от Рождества Христова, или в 7000 году от Сотворения мира. М.: Мол. гвардия, 2004. 529, [2] с. (Живая история: повседневная жизнь человечества).

Валериан Кречетов, прот. О самом важном. М.: Данилов монастырь: Даниловский благовестник, 2010. 171, [1] с.

Вилинский, С.Г. Житие св. Василия Нового в русской литературе: [в 2 ч.]. Одесса: тип. «Техник», 1911–1913. Ч. 1: Исследование. 1913. [4], VIII, 354, [1] с.; Ч. 2: Тексты жития. 1911. 1018, [1] с.

Восточная Европа в древности и средневековье: язычество, христианство, церковь: тез. докл. Чтения памяти чл.-кор. В.Т. Пашуто, Москва, 20–22 февраля 1995. – М.: Ин-т рос. истории, 1995. 90 с.

Голубинский, Е.Е. История русской церкви: [в 2 т., 4 полугомах]. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1997. 4 полутома.

Гуревич, А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство, 1981. 359 с.

Делюмо, Ж. Ужасы на Западе. М.: Голос, 1994. 408, [1] с.

Дорофей Палестинский. Душеполезные поучения преподобного аввы Дорофея. М.: Изд-во Срет. монастыря, 2004. 238, [2] с.

Живов, В.М. Разыскания в области истории и преемственности русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 758 с. (Язык. Семиотика. Культура).

Забелин, И.Е. Опыты изучения русских древностей и истории. М.: К. Солдатенков, 1872. Ч. 1. 568 с.

Зимин, А.А. И.С. Пересветов и его современники: очерки по истории русской обществ.-полит. мысли середины XVI в. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 498 с.

Казакова, Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 544 с.

Карамзин, Н.М. История государства Российского: в 12 т. М.: Наука, 1993. Т. 5. 555 с.

Карсавин, Л.П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках, преимущественно в Италии. Пг.: тип. «Научное дело», 1915. XVI, 360 с.

Карсавин, Л.П. Очерки религиозной жизни в Италии XII–XIII веков. СПб.: тип. М.А. Александрова, 1912. XX, 843, 21 с.

Клибанов, А.И. Духовная культура средневековой Руси: материалы к курсу «Культура Древней Руси». М.: Аспект-пресс, 1994. 366, [1] с.

Клибанов, А.И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 411 с.

Ключевский, В.О. Сочинения: в 8 т. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 1. 427 с.

Кобрин, В.Б. Иван Грозный. М.: Моск. рабочий, 1989. 174, [1] с. (История Москвы – портреты и судьбы).

Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Западе. М.: Прогресс: Прогресс-академия, 1992. 372, [2] с.

Льюис, К. Размышления о псалмах. М.: Дом надежды, 2008. 160 с.

Макарий (Булгаков, М.П.). История Русской церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. монастыря, 1996. Кн. 4, ч. 1. 590, [1] с., [16] л. ил.: ил.

Николаева, Т.В. Чернецов, А.В. Древнерусские амулеты-змеевики. М.: Наука, 1991. 119, [4] с.

Огицкий, Д.П., Максим Козлов, свящ. Православие и западное христианство. М.: Вербилки: Изд-во Храма святой мученицы Татианы, 1995. 175, [1].

Ольшевская, В.А. Травников, С.Н. «Житие Иоанна Казанского» // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2000. Сб. 10. С. 360–365.

Панова, Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радуница, 2004. 180, [3] с.

Петухов, Е.В. Очерки из литературной истории Синодика. [СПб.]: О[-во] л[юбителей] д[ревней] п[исьменности], 1895. VI, 406 с. (ОЛДП [О-во любителей древней письменности. Издания]; 108).

Пигин, А.И. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 432 с.

Прохоров, Г.М. «Некогда не народ, а ныне народ Божий...»: Древняя Русь как историко-культурный феномен. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2010. 312 с.

Русская история: проблемы менталитета: тез. докл. науч. конф., Москва, 4–6 окт. 1994 г. М.: [Ин-т рос. истории], 1994. 53 с.

Русская книга в дореволюционной Сибири: рукописная и печатная книга на востоке страны / Рос. Акад. наук, Сиб. отд-ние, Гос. публ. науч.-техн. б-ка. Новосибирск, 1992. 210 с.

Сахаров, В.[А.] Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула: тип. Н.И. Соколова, 1879. 249 с.

Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете (5 декабря 1879 – 5 декабря 1909 года). М., 1909. Ч. 1. [1], X, 416 с.

Софроний (Сахаров С.), архим. Видеть Бога как он есть. М.: Путем зерна, 2000. 254, [1] с.

Топорков, А. Мечта о блудном воровстве // Родина. 2002. № 7. С. 43–45.

Федотов, Г.П. Святые Древней Руси. М.: Моск. рабочий, 1990. 269 с.

Фудель, С.И. Путь Отцов. М.: Изд-во Срет. монастыря, 1997. 431, [1] с.

Хрущов, И.[П.]. И. Хрущева. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого. СПб.: тип. Акад. наук, 1868. [8], XLVI, 267 с.

Человек и его символы / К.Г. Юнг, М.Л. фон Франц, Дж.Л. Хендерсон, И. Якоби, А. Яффе; под общ. ред. С.Н. Сидоренко. М.: Серебряные нити, 1997. 368 с.

Чернецов, А.В. Двоеверие: мираж или реальность? // Живая старина. 1994. № 4. С. 16–19.

Щапов, Я.Н. Княжеские уставы и церковь в древней Руси, XI–XIV вв. М.: Наука, 1972. 338, 2 с.

Щапов, Я.Н. Государство и церковь Древней Руси, X–XIII вв. М.: Наука, 1989. 228, [3] с.

Щапов, Я.Н. Идеи мира в русском летописании XI–XIII веков // История СССР. 1992. № 1. С. 172–178.

Юдин, А.В. Ономастикон русских заговоров: имена собственные в рус. маг. фольклоре. М.: МНФ, 1997. 319 с.

Юнг, К.Г. Очерки по психологии бессознательного. Изд. 2-е М.: Когито-Центр, 2010. 352 с. (Сочинения [К.Г. Юнга]).

Юрганов, А.Л. Опричнина и Страшный Суд // Отечественная история. 1997. № 3. С. 52–75.

Юрганов, А.Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. 447, [1] с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В Приложении публикуются древнерусские тексты, послужившие основой для характеристики русской православной религиозности XV–XVI веков. Оригиналы даны в упрощенной транскрипции с сохранением лишь букв «ять» (ѣ) и «ер» (ь). Тексты приведены с переводами их на современный русский язык.

Послание Василия Калики епископу Феодору о мысленном рае было написано в XIV веке, но в Приложении оно дается со списка XVI века, поскольку и в это время оно переписывалось (а значит, и читалось) практически без изменений.

«Диалог со смертью», широко известный в Европе, дан сначала с рукописи XVI века, а потом в переводе с польского.

Хождение Богородицы по мукам и Хождение Феодоры по мытарствам решено включить в Приложение, поскольку в XV веке был сделан новый перевод этих текстов. Хождение Богородицы по мукам дается с рукописи XV века, Хождение Феодоры по мытарствам – со списка конца XVII – начала XVIII века. Несмотря на то, что рукопись довольно поздняя, выбрана именно она, поскольку передает вторую, давно не публиковавшуюся редакцию Хождения св. Феодоры. Исследователь текста, опубликовавший обе редакции по нескольким спискам, С.Г. Вилинский, считал, что вторая редакция – южнославянский перевод с греческой редакции, сделанный в XIV веке в Болгарии и тогда же появившийся в России (*Вилинский, С.Г. Житие св. Василия Нового в русской литературе: [в 2 ч.].* Одесса, 1911. Ч. 2. С. 263).

Остальные тексты помогают представить, как воспринималась смерть, и как она описывалась в разных по характеру источниках.

ПОСЛАНИЕ ВАСИЛИЯ НОВГОРОДСКОГО ФЕОДОРУ ТВЕРСКОМУ О РАЕ

Василие божею милостью архиепископскаго Великаго Новагорода священному епископу Феодору Тверскому, еже о Бозѣ брату, благодать и мир от Бога Отца Вседержителя, и твоему священству и всему священному собору, игуменом, иерѣом, и детем твоим.

Понеже увѣда смирение наше и святый собор и священники и игумени, иерѣи, что ся учинилос у вас в Твѣри промежу вами в тѣхо людех Божиих, поспѣшением и по совѣту диаволу и лихих людей яко же бо слышахом распрю бывшую в вас о оным раю. И пребых многи дни о взыскании исправление Божественаго закона тѣи же изысках. И се пишу к тебе, понеж, брате, по Божию повелѣнию, должны есмы друг другу послание творити и исправлений нам божественных писаний. О святых апостол и великих святитель, яко ж бо тѣ святии апостоли без престаниша посла[л. 25]ния творяху друг другу. Також и нам подобно ес, в них бо мѣсто наставляны есмы кто во что позван в том пребывает. Слысах, брате, повѣствуеми раи

погыбл в нем же был Адам. Ино, брате, о том о тои погибели не слышахом. Ни в писании, гдѣ обрѣтохом о том святем раю, но вси вѣдаем мы от святого писания, что насади Бог раи на востоцѣ въ Едемѣ и введе в онѣ человекѣа и заповѣда ему, рек: аще соблюдиши слово мое, жив будеши, аще ли преступиши смертию да умреши. И в ту же землю паки поидеши от нея взят еси. Он же преступи заповѣд Божию и изгнан бых из рая и плачася горко, воипа: о, раю пресвятыи, иже меня ради насаженыи и Евы ради затворении! Помоли тебе, сотворшаго и мене создавшаго, да нѣ клитво их цвѣтец насыщуся, тѣм же к нѣму Спас глагола: «Моего создания не хочу погубити, но спасти и в ра[25 об.]зум истинныи приити, обѣща ему паки внити в раи». А в Паремьи именуются 4 реки, идя из рая: Тигръ, Ниль, Фисон, Ефрат. С востока Ниль, под – Египтом ловят на не и силои течет еже с высоких гор иже суть от земля и до небеси. А место есть непроходимо человеком. А верху его рахъмане живут. А се, брате, в Пролозѣ всѣмо явлено есть в чудесѣх святого и великого архангела Михаила, что возмя праведнаго Еноха, посаде его в честном раю, а се Илия святыи и в раи же сѣдитъ, а находил его Агапийи святыи, часть и хлѣба взял. А святой Макарей за 20 поприщ жил от святого рая, и святой Ефросим был в раю и три яблока принесл из рая и дал игумену своему Власию. От них же и исцеление много быша. И нынѣ, брате, мнитьтис мысленныи раи. Но все мысленно мнитьтися видѣнием. И еже Христос рече в Еуангелии о втором пришествии [л. 26] и то мысленно сказает сущим одесную себе речет: «приидѣте, благословении Отца моего, наслѣдуите уготованное вам царствие преж сложение миру» и сущим ошую себе речет: «отидѣте от мене, проклятии, в огнь вѣчныи, уготованныи диаволу и агнелам его». О двою мѣсту велики Иоанн Златоусты рече: «насади Бог раи на востоцѣ, а на западе муки уготова. Якоже бо в царствѣ дворе утѣха и веселие, а внѣ дво-

ра темница». А се священномученик Патрикѣи глаголет: «уговая Бог два с * та. Едино исполнено благых, а другое тмы и огня исполнено. Тоже, брате, нареченно есть Богом, видѣти чело-веком святого рая, а муки и нынѣ суть на западе. Много дѣтеи моих новгородцѣв видокы тому. На дышучем мори на окианѣ, червь неусыпающий и скрежет зубный и река молненная Моргъ и что вода входит в преиспод[л. 26 об.]ня, и паки исходит трижды днем. И та вся мѣста мучиная не погыбоша. А мѣсто се святое как погыбе. Повѣж мира те в нем же есть и Пречистаа Богородица и множество святых еже по воскресении Господа всимам многыи свѣтем Иерусалимѣ и паки виндоши в раи. Речено бо им есть уже пламенное оряжие хранит врат Едемских. Прииде бо Спас мой, вопия верным: «внидите паки в раи». А се брат евъ блаженныи пишет: «снѣди ради древняя из рая изведе враг Адама, крестом же разбоиника Христос в он введе», и гда приближися преставление Владычица Богородица, и ангел Господень вравие принесе вѣтвь из рая, являя, где и бысти. И еж раи мысленныи есть, то почто вѣтвь сию ангел принесе, а не мыслену есть, а вси видѣша, и множество невѣрных жидов вѣтвь сию видыно. Ни едино ж, брате, дѣло Божие есть тленно, но вся дела Божиа нетлѣнна. Самовидѣц есмь сему, [л. 27] брате, егда Христос, идыи в Ерусалим на смерть волную и затворил своима руками врата градныи, и до сего дни неотворими суть. И егда постися над Иорданом своима очима видѣл есмь постиницу его 100 финик Христос посадил, и недвижими суть и донынѣ не **гыблы ни погнили. Или, братие, меж собѣ мыслити, аще насади Бог на востоце раи, почто в Иерусалимѣ обрѣтесе тѣло Адамел? То же вѣс или братии служу ангельскую. Коль скоро совершают без износимых рѣчей ***. Землю прорышут и небеса проходят. Мощно бо есть в

* С поля: мѣсь.

** С поля: па.

*** Внизу на поле: служат службу в мгновении ока.

единѣм* поставити, и херувиму повѣлѣ хранити врата Едемьскыя. А по воскресении своем повелѣ Адаму в рай внити и множество святых с ним. Словом и дѣло есть вскорѣ. А то мѣсто святаго рая находил Моислав Новгородец и сын его Иаков. А всех их было три юмы. Едина от них погыбла, много блудив, а двѣ их потом долго носило море вѣтром. И принесло их к высоким [л. 27 об.] горам и видѣша на горѣ той паписан деисус лазорем чюдным, велми издивлено паче мѣры як не человеческими руками творен, но Божею благодатию. И свѣт бысь в мѣсте том самосланен, яко не мощно человеку исповѣдати. И пребыша долго время на мѣстѣ той, а солнца не видѣша, но свѣт быс многочестныи, светлуяся паче солнца. И на горах тѣх ликованія многа слышахуть и веселыми гласы поюще. И повелѣша единому другу своему взыти по скалѣ на гору ту видѣти свѣт той и ликованія гласы. И быс яко взыде на гору ту абие всплескав руками и засмѣяся и побеже от друзей своих к сущему гласу. Они же вельми удивляшеса. И паки другаго послаша, запрѣтив ему: да обратившее скажете им, что есть бывшее на горѣ. И той також сотвори, нимало возвратись к своим, ино с великою радостію побеже от них. Они же страха исполнишася, и начаша размышляти в себѣ глаголющее: «аще ли и [л. 28] смерть случися нам на видѣми быхом светлосто мѣста сего». И послаша третиаго на гору, привезав ужищем за ногу. Также и той восхотѣ сотворити: всплескав радостно и побеже, в радости забыв ужища на нозѣ свои. Они же здернуша его ужищем и той часѣ обрѣтеса мертв. Они ж побѣгоша вспячь. Не дано им есть далее того видѣти, и свѣтлости тоя неизреченныя, и веселие и ликованія тамо слышашаю. И тѣх, брате, мужей чада и внучата добры-здоровы и ныне. А что, брате, молви рай мысленим, ино то, брате, тако той есть мысленныи рай. А насажденныи и не погыбе и нынѣ есть, на нем же

* На левом поле: словом Адама и рая в Иерусалимѣ.

свѣтъ самосланен. А твердь запята есть дорог тех раевых. А мысленный рай то есть, брате, егда вся земля огнем искушена будет по апостольскому словеси: «чаем небес новых и земли новых». Егда истины свѣтъ Исус Христос снидет на землю. Размысли себѣ, брате, коль свѣтел свѣтъ именуется свет и запятный твердю. Паче же того и дивнѣе и свѣтлѣе свѣтъ Христа истинныи есть, а с ним 9 чинов светли суть служат ему 1 чин аггели, 2 чин архаггели, 3 – начала, 4 – власти, 5 – сила, 6 – престолы, 7 – господства, 8 – херувимей, многоочитыи, 9 серафими шестокрилати. Егда Господь наш явит свѣтлостию божества своего на земли. И силы небесныя двинутся. Аггелы престанут от дѣл своих и являя свѣтлость своего сотворену от Бога, то и есть, брате, мысленный рай. Егда вся земля просвѣщена будет свѣтом неизреченным и исполнена радости и веселия, якоже апостол Павел глаголет: «егда восхищен быс до третиаго небеси и слыша неизреченныя гласы. Их же око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человеку нѣвъзыде, яж уготова Бог любящем его». О сем раю мысленном Христос рече: «Суть неции от здѣ стоящих, иже [л. 29] не имут вкусити смерти дондеж узрят царствие Божие, пришедшего в силѣ». То суть видѣвшеи царствие есть Божие: Моисеи и Илья, Петр, Иаков и Иоанн на горѣ Фаворстеи и ако видѣвше, ученици его, удариша собою о перстную землю, не могущее видѣти свѣтлостии Божества его^{*} не возможно обо есть, брате, ни святым видѣти мысленною рая во плоти суща. Того ради сие святии апостоли видѣвше, не могоша стояти, ниц на землю падоша. И сими словесы уверися, брате, и весь свои священнии собор тако научи и укрѣпи сице мудроствовати, якож ти изоявих от божественаго писания в сем послании. Мир и любовь о всемогущем Бозѣ, Господѣ нашем.

РГБ. Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря. Ф. 113. № 520. XVI в. Л. 25–29 об.

^{*} Зачеркнуто, киноварью: дѣти свѣтлостии.

Василий, милостью Божией архиепископ Новгорода, священному епископу Феодору Тверскому, брату о Господе; благодать и мир от Бога Отца, вседержителя, тебе и твоему священству и всему священному собору, игуменам и попам, и детям твоим духовным.

Узнало смирение наше и весь святой священный собор, игумены и священнослужители, что учинилось у вас, в Твери, между вами, людьми Божьими умислом и советом дьявольским и злых людей – распря, как слышали мы, о честном рае. И об этом я много дней размышлял в стремлении постигнуть истину в познании Божественного закона. И то, что нашел я, то и пишу тебе, ибо должны мы, брат, по Божью повелению друг к другу послания писать о понятых нами божественных писаниях Святых апостолов и великих святителей, подобно тому, как и сами святые апостолы беспрестанно послания писали друг к другу, так и нам подобает делать, ибо на их место поставлены мы. Кто на что призван, тот пусть в том и пребывает.

Слышал я, брат, что говоришь ты: «Рай, в котором был Адам, погиб».

Но мы, брат, о гибели того рая не слышали, и в Писании, где об этом святом рае пишется, о том не нашли, хотя все знаем из святого Писания, что насадил Бог рай на востоке, в Эдеме, и ввел в него человека, и заповедал ему, сказав: «Если сохранишь заповедь мою – жив будешь, если же преступишь – смертью да умрешь, и в ту же землю пойдешь, из которой ты сотворен». И человек преступил заповедь Божью, и изгнан был из рая, и, горько заплакав, возопил: «О рай святой, меня ради посаженный и Евы ради затворенный! Умоли твоего творца и моего создателя, пусть хоть когда-нибудь вновь насыщусь я красотой цветения твоего!». Поэтому Спас человеку и говорил: «Не хочу я погубить мое создание. Но хочу спасти и в разумение истины привести», и обещал ему, что вновь войдет он в рай.

А в Паремии называются четыре реки, которые текут из рая, с востока – Тигр, Нил, Фисон, Евфрат; Нил же – во владениях Египта, в нем вылавливают и алойные деревья; течет же он

с высоких гор, которые высятся от земли и до неба, и место это недоступно для людей, и на самом верху живут рахманы.

А вот, брат, в Прологе, в описании чудес святого архангела Михаила для всех засвидетельствовано, что, взяв праведного Еноха, посадил он его в честном раю. Вот и Илия святой в раю живет, встретил его там святой Агапий и кусок хлеба у него взял. И святой Макарий за двадцать поприщ жил от святого рая. А Ефросим святой был в раю, и три яблока принес из рая, и дал игумену своему Василию, от них было много исцелений.

И ныне, брат, ты думаешь, что существует только духовный рай, и все духовное представляется лишь как видение. А то, что Христос сказал в Евангелии о втором пришествии, вы разве и это считаете существующим только как видение? Стоящим справа от него скажет Христос: «Придите, получившие благословение Отца моего, наследуйте царство, уготованное Вам еще до создания мира». И стоящим слева от него скажет: «Отойдите от меня, проклятые, в огонь вечный, приготовленный дьяволу и слугам его». «Не вам, – сказал он, – приготовил муки эти, но дьяволу и слугам его».

Об этих двух местах Великий Иван Златоуст сказал: «Насадил Бог рай на Востоке, а на западе – муки приготовил, подобно тому как внутри царского двора – радость и веселие, а вне двора – темница».

А вот что священномученик Патрикий говорит: «Два места приготовил Бог: одно – наполнено всем благим, а другое – тьмы и огня преисполнено».

К тому же, брат, не дано Богом видеть людям святой рай, и муки – и теперь находятся на западе. Многие из детей моих духовных новгородцев, видели это на Дышащем море: червь неусыпный и скрежет зубовой, и река кипящая Морг, и вода уходит там в преисподнюю и вновь выходит на поверхность три раза за день. И если те все места мучений не погибли, то как же могло святое это место погибнуть, поведай мне, брат, Место, в котором и Пречистая Богородица находится и множество святых, которые после воскресения Господа явились многим людям в Иерусалиме и вновь вошли в рай? Ведь сказано было им: «Уже

пламенное оружие не стережет ворот эдема», ибо пришел Спас мой. Призывая верных «Войдите вновь в рай».

И вот, брат, поется: «Ради плода древесного вывел Адама из рая дьявол, а Христос разбойника крестом в рай ввел».

И когда приблизилось усение Владычицы нашей Богородицы, ангел цветущие финиковые ветви из рая принес, знаменуя этим, где она теперь будет. А если рай существует только в воображении, то зачем ангел ветвь видимую, а не воображаемую принес? Апостолы видели, и множество неверных иудеев ветвь эту видело.

Ни одно из дел Божьих не является тленным, но все дела Божьи нетленны, я самовидец этого, брат. Когда Христос добровольно шел на страдания, то затворил он своими руками городские ворота – они и до сего времени стоят не отворены. А когда постился Христос, посадил он сто фиников, и сохранились они и донныне, не погибли, не сгнили.

Или, брат, ты будешь думать так: если Бог насадил рай на востоке, то почему оказалось в Иерусалиме тело Адама? Но разве ты не знаешь, брат, службы ангелов, как они скоропослушливы, без произносимых вслух слов служат Богу, и херувиму велел охранять ворота эдема, и после воскресения своего велел Адаму в рай войти и множеству святых с ним. Слово Божье быстро претворяется в дело.

А то место рая находил Моисей-Новгородец и сын его Иаков. И всех их было три юмы. И одна из них погибла во время долгих скитаний, а две других еще долго носило по морю ветром и принесло к высоким горам. И увидели на горе той изображение деисуса, написанное лазорем чудесным и сверх меры украшенное, как будто не человеческими руками созданное, но Божью благодатью. И свет был в месте том самосветящийся, даже невозможно человеку рассказать о нем. И долго оставались на месте том, а солнца не видели, но свет был многообразно светящийся, сияющий ярче солнца. А на горах тех слышали они пение, ликованья и веселья исполненное, и велели они одному другу своему взойти на гору ту, чтобы увидеть, откуда свет и кто поет ликующими голосами. И случилось так, что когда он взошел на гору, то, тотчас, всплеснув руками и засмеявшись,

бросился от товарищей своих на звук пения. Они же очень удивились этому и послали другого, строго наказав ему, чтобы, обернувшись к ним, рассказал о том, что происходит на горе. Но и этот так же поступил, не только не вернулся к своим, но с великой радостью побежал от них. Они же испугались и стали размышлять, говоря себе: «Если и смерть случится, но мы бы хотели узнать о сиянии места этого». И послали третьего на гору, привязав веревку к его ноге. И тот захотел так же поступить: всплеснул радостно руками и побежал, забыв от радости про веревку. Друзья же сдернули его веревкой, и тут же оказался он мертвым. Они же устремились оттуда прочь: нельзя им было дальше ни смотреть на это – на эту светлость неизреченную, ни слушать веселья и ликования. А дети и внучата этих мореходов и теперь, брат, живы-здоровы.

А что, брат, говоришь: «рай духовный», то так, брат, и есть, духовный и будет. Но и тот рай, что посажен, – не погиб, и ныне существует. В нем свет светит самосветящийся, а твердь его недоступна людям, только до райских гор дойти они могут.

А духовный рай – это то, брат, когда вся земля огнем обновлена будет, по апостольскому слову: «Ждем мы небес новых и земли новой, когда истинный свет – Христос – сойдет на землю». Подумай, брат, каким светлым называется горный свет, огражденный твердью, но еще удивительнее и светлее того истинный свет – Христос, а с ним девять чинов светлых, служащих ему: первый чин – ангелы, второй чин – архангелы, третий – начала, четвертый – власти, пятый – силы, шестой – престолы, седьмой – господства, восьмой – херувимы со многими очами, девятый – серафимы шестикрылые. Когда Господь наш явится в сиянии Божества своего на землю и силы небесные двинутся вместе с ним, ангелы оставят дела свои и явят светлость свою, сотворенную Богом, это и есть, брат, духовный рай, когда вся земля освещена будет светом неизреченным, наполнится радостью и весельем, как и апостол Павел сказал, когда вознесен был до третьего неба: «Око не видело, им ухо не слышало, и сердцем человек не чувствовал того, что приготовил Бог любящим его».

Об этом рае духовном Христос сказал: «Некоторые из вас, здесь стоящих, не узнают смерти, пока не увидят царство Божие, пришедшее в силе». Вот, брат, те, кто узрел царство Божие: Моисей и Илья, Петр, Иаков, Иоанн на Фаворской горе; как увидели ученики его, бросились ниц, на твердь земную, не имея сил смотреть на сияние божества его. Невозможно ведь, брат, даже святым, когда они во плоти, видеть его, этот духовный рай, поэтому, увидев такое, святые и не могли устоять, ниц на землю упали.

И ты, брат, не испытывай сомнения в этом утверждении: рай созданный на востоке Адама ради, не погиб. И ты сам уверуй в эти слова, брат, и весь священный собор этому научи и укрепи его в этом рассуждении, как я показал тебе на основе Божественного писания в этом послании.

Мир и любовь тебе, во имя всемогущего Бога. Аминь.

(Перевод Л.П. Найденовой)

ПОСЛАНИЕ О СМЕРТИ КАССИАНА БОСОГО

И дал Богъ, государь, пожитое его и конец хрестьянской: день за десять и более до представления его мало понемогъ, а в субботу мясопустную по меня прислалъ, велел себе покаяние говорити. А сам старец Касьян за мною говорил слово в слово, и прочее извѣщение, в совершенное разуме, и все правило ему отправили причастное; и егда прииде священникъ с божественнымъ таинством, и Касьянъ стретиль святая в сенехъ, и божественныхъ таин причастился, со страхом и радостью, и потом с пятка на субботу сырныя недѣли паки причастился божественныхъ таин; и после того укрепился, а тут братии начала к нему приходити, желающе получитьи от него благословения и прощение, и он с ними беседоваше кротко, обрадованнымъ образомъ, каждо нас от скорбех утешая, и во время вечерняго собрания мне повель у себя говорити вечерню, и потом повеле начати правило на исходе души, и на втором канунѣ третьей песни и духъ Богу предаде.

РГБ. Собрание Ундольского. Ф. 113. № 520. Л. 368–370.

* * *

За несколько дней до смерти Касьян немного занемог, а в субботу мясопустную прислал за мной (игуменом Нифонтом. — Л.Н.) чтобы я читал покаянные молитвы. И повторял все за мной слово в слово, находясь в совершенно трезвом уме, ему отслужили все причастное правило, а когда пришел священник со святыми дарами для причастия, Касьян встретил его в сенях и причастился божественных тайн со страхом и радостью, а с пятницы на субботу сырной недели снова причастился и приободрился... Тут начала приходиться к нему братия, желающая получить у умирающего благословение и прощение, и он со всеми беседовал кротко и радостно, утешая всех скорбных, и во время вечера велел совершить у себя в келье вечернюю службу, а потом попросил читать правило на исход души и на втором каноне третьей песни предал Богу дух.

(Перевод Л.П. Найденовой)

ПОВЕСТЬ О ВИДЕНИИ АНТОНИЯ ГАЛИЧАНИНА

...некий брат, лежаше в недузѣ длъго врѣмя и видяше дѣмоны, пришедших к нему и глаголющих ему издалеча, якоже мнѣти, сажени за десять и далее. Инѣ стояше, якоже дрѣво высота его, и подпершись палицею великою. А инѣ стояше и кричаше, якоже свиниа. А инии пришедшее близ его и глаголющи меж себе и показаючи друг к другу орудиа своа. Овь глаголаше и казаше удици, а овѣ – клѣщи, а инѣ – пила малыа, ин же – рожъны, ин же – шила, а инѣ – бритвы. А инѣ глаголет: «Респорем его да опять его съшием». А инѣ чашу дрѣжит в рукѣ. А ин стоячи понужает держащаго чашу, веля ему и глаголя: «Даи же ему питии, во се покушает. Сладко ли ему будет?». А инѣ держит пилу великую и глаголет тою пилою претерти его поперекъ. А на бедрѣ у коегождо: у иного – брус, а у иного – осла. И седяше и остряше коиждо свою снасть. А инѣ во обоих руках держит снасть свою да брякает ею. А инии мнози толко брячат и гремят коиждо своею снастию. А инѣ прискочивши зѣ бритвою да обоих рук въдруг затылкы те срезал, и с мясом, и с кожею. А инѣ дѣску велику мѣдяну дрѣжит и глаголет: «Во се накину на него, и он и умрет». Да много того сказати немощно всего въдругѣ.

Таже приде на них некаа сила, якоже подрожати и мѣсту тому, якоже великий силный вихрѣ или грозна буря на листь или на хмелевое перие. И по всему въздуху розвѣяло их, а иного несет головою внизѣ, а ногами въверхѣ, а иного – то голова въверхѣ, то ноги вверѣхѣ, а иного – кое-какѣ. Да всѣх розомчало по въздуху, и безвѣсти исчезоша, и мечтание их все погыбе, и ни въ что же бысть.

Тои же брат Антоние повѣда ми въ другои день, съ слезами глаголя, яко: «Не нѣкоем мѣстѣ обрѣтохся незнаемѣ и видя тамо яко нѣкую улицу, и в неи множество человекѣ рищущих... вседяще, тужать и горюют и глаголють: “Ох, ох! Горе,

горе!» Азъ же мнѣхся поверхъ ихъ ни се хожу, ни се летаю, якоже нѣкаа невидима сила ношаше мя по въздуху, яко от земля въ челоувѣка провысоко лѣтати ми, носиму ми... никымже дрѣжими, якоже круги или яко дѣски. И всякъ грехъ въображенъ и написанъ... Не книжными словесы, но яко на иконахъ писаны, а не красками писаны, но дегтемъ, но толико прозрачно и разумно. Какъ възришь, такъ помнишь и лѣто, и мѣсяць, и неделю, и день той, и въ дни часъ и часецъ, коли то сътворено. И еще ми сущу пяти лѣтъ, мати моя спаше, и язъ у нея сквозѣ подолъ за срамное то мѣсто осязалъ. И то написано: замахывалъ есмь на матеръ батогомъ жимолоснымъ. Ино какъ она сѣдитъ, а язъ какъ замахнулъ – ино такъ и написано. Да въ черныцехъ есмь шутя хватилъ руку положилъ на женщину – ино такъ и написано: язъ да и она сѣдитъ, а рука моя на ней лежитъ. Или завтрокалъ или пилъ до обеда – то такъ и написано. Или побранилъ, или кого ударилъ, или на кого визнулъ зъ гнѣвомъ – то такъ написано, и день, и часъ. А гнѣвъ на кого дрѣжалъ, ино кругъ великъ стоитъ, мраченъ, и мгылянь, и темень – таковъ, что немощно на семъ свѣтъ таковъ тмѣ бытии никакоже.... ино такова в немъ горестъ, что сказати немощно, а не живетъ такова горестъ на семъ свѣтъ. Да мразъ золь, студень, что не бываетъ на семъ свѣтъ таковъ никакоже. Азъ же мнѣхъ, что у мене ноги по лодышку отзѣбли да и отпали, а помыслы измѣтаны, якоже онуци или яко изъдирки порятныа. А иного ти не скажу, а ты мене не съпрашивай, а и сказати немощно, а вельми страшно и грозно».

Азъ же въпросихъ его, чтобы ми и то сказалъ. Онъ же отвѣща ми последнее слово: «Что мя въпрашаеши? Всѣ есмь мытарства видѣлъ, да не скажу ти. Да Бога ради отнынѣ мя остави да и не ходи къ мене».

РГБ. Собрание Ундольского. Ф. 113. № 520. Л. 368–370.

Опубликовано: Пигин, А.В. Видения о потустороннем мире в русской рукописной книжности. Л., 2006. С. 272, 273.

...брат, долгое время лежавший в постели, рассказал, что видел демонов, пришедших к нему и издалека, как бы саженой за десять и более, разговаривавших с ним. Один был высотой с дерево, подпершийся огромной палицей, а другой визжал, как свинья. Другие же подошли близко и разговаривали между собой, хвастаясь своим оружием. Один говорил и показывал удицы, другой клещи, еще один – маленькие пилы, другой – рожны, еще один – шила, а один бритвы. А один бес говорит: «Распорем его да опять его сошьем». А один чашу держит в руке. А другой, стоящий, подбивает держащего чашу: «Дай же ему выпить из чаши, вот-то покушает. Сладко ли ему будет?». А еще один держит большую пилу и говорит: «вот бы этой пилой перепелить его поперек!» А на бедре у каждого – у кого брус, а у кого оселок. И сидят и точат свое оружие. А один держит в обеих руках оружие свое и бряцает им, а другие, многие молчат, только оружием своим позвякивают. А один подскочил ко мне с бритвой да с обеих рук часть срезал с кожей и мясом. А другой держит медную плиту большую и приговаривает: «Вот накину на него, он и умрет». И еще много такого, что сразу не расскажешь.

Но тут налетела на них какая-то сила, задрожало место это, как будто налетел сильный вихрь или грозная буря на листву или на перья, и по всему воздуху развеяло тех бесов: одного – то голова вверх, то ноги вверх, а иного кое-как. Всех и развеяло по воздуху, исчезли все, и угрозы их все погибли, как и не было их.

Тот же брат Антоний на следующий день рассказал со слезами, что очутился в каком-то незнакомом месте и там видел как бы улицу, по которой бродят какие-то люди или сидят и тужат, и горюют, и приговаривают: «Ох, горе мне, горе!» Антонию же кажется, что он поверх их сидит и не то чтобы летает, но какая-то сила носит его по воздуху на высоте человеческого роста. «Носит меня неведомая сила, а вокруг – то ли круги, то ли доски, на которых каждый мой грех нарисован и изо-

бражен не книжными словами, а как на иконах, только написано не красками, а дегтем, но прозрачно и понятно. Как посмотришь, так сразу вспомнишь и год, и месяц, и неделю и день, и час, и мгновение, когда этот грех был совершен. Пять лет мне было, мать моя спала, а я через подол ее за лоно трогал. И то написано: замахивался на мать палкой жимолостной. И вижу как она сидит, и как я замахнулся – так и написано. Да уже в монашестве, шутя, руку положил на женщину – так и написано: сидим мы, а рука моя на ней лежит. Или когда завтракал или пил до обеда – то так и написано. Или побранил кого, или кого ударил, или на кого закричал с гневом – то так написано, и день, и час. Или гнев на кого держал – как круг большой стоит, мрачен и мглист, и темень – таков, что не может никогда на этом свете такой тьмы быть. И такая в ней горечь, что выразить невозможно, не живет такая горечь на этом свете. А к этому еще мороз студеный, какого тоже на этом свете не бывает. Мне казалось, что у меня ноги до лодыжек отмерзли и отвалились, а мысли истрепаны как онучи или портянки. Остального же тебе не скажу, а ты не спрашивай, потому что невозможно пересказать, как все страшно и грозно». Я все же спросил его, а он ответил: «Все мытарства видел, но не скажу тебе, оставь меня, уходи».

(Перевод Л.П. Найденовой)

О СВЯТЕМ МУЧЕНИЦЕ ИВАНЕ ИЖЕ ЗА ХРИСТА МУЧЕ ВО ГРАДЕ КАЗАННЕ

В лѣто 7037 Генваря 20 день во граде Казани у дятки у царева Алишу Куря князь служа нѣкии хрестьяньского роду плѣнник имянем Иван, родом Нижнего Новаграда. И на лежащая ради нужи от татар чтобы отвергося Христа, а был бы в их вѣре. Он же никако ж не отвержися но и Магмета их прокля. Они ж ласканием и муками многими прещаше, он ж яко твердыи адамант заплева лице их и вѣру их прокля. Они же висвидеше его нага руце ему и пако суровым ремнем завязаны крѣпце и поставя его на дѣяние еще твердо великими дармы и чтоми ласкаше ему чтобы обрезался. Он же проклиная их и безвѣрники нарицае. А сам именуя себе раба Исуса Христа Сына Божия. Он же повелѣ главу ему усѣщи. И усѣкоша главу ему мечем. Он же паде взнач и толико держашес глава малыми жилами с десныя страны и горла обоя и состави по костем пересѣчены. И еще все тѣло изсѣче и утробу насквоз пронзе противу сердца. Он же умре и лежаща с перваг часа дни и до нощи, а был тог мраз велик. И остая под ним около его на всѣ страны по локтю и в последнии час дни развезаста руце его. Он же единою рукою главу свою взем, постави прямо якож подобно. А другою рукою тайныя уды закрыв. И востав с мѣста. И иде к детем боярским великого князя и нощи тое повелѣ священнику вся дневная и причащальная отправити себѣ, а сам седяше и прошение ко всѣ велеумно отдавая. И себе грешна нарица и причастився божественных таин. И всю ночь без сна пребываа, наутрия же восходящу солнцу предасть душу свою в руце Господеву, за нь же и пострада. Бысть же весь дом в нем же представися исполнеин благоухания, яко дивитися. Положено тѣло его в Казани в мѣсте сокровенна на селѣ на Старом кладбищи русской.

РГБ. Собрание Ундольского. Ф. 113. № 520. Л. 371–372.

* * *

В городе Казани у князя Алишу Куря служил некий пленник по имени Иван, родом из Нижнего Новгорода. И стали принуждать его татары отречься от Христа и перейти в их веру. Он же не только не отрекался, но и Магмета их проклинал. Они же и обещали ему милость, грозили муками, он же, как алмаз твердый, плевал им в лицо и проклинал их веру. Они же раздели его, завязали руки ему крепкими ремнями и все пытались уговорить его обрезать. Иван же, проклиная их и безверниками называя, себя именовал рабом Иисуса Христа, Сына Божия. Тогда они отсекали ему голову так, что она держалась только на небольших жилах с правой стороны. И горло перерезали, кости и суставы переломали, все тело рассекли и пронзили тело около сердца. Он умер и лежал с первого часа дня до ночи, а был тогда сильный мороз. И в последний час дня освободились руки его. Он же одной рукой взял голову и поставил ее прямо, а другой рукой прикрыл тайные уды. И встав, пошел к княжеским детям боярским и той же ночью велел священнику вседневные и причастальные службы для себя исполнить. А сам, сидя, прощался со всеми, называя себя грешником, и причастился божественных тайн. Всю ночь без сна пребывая, утром отдал душу в руки Господу, за которого и погиб. После этого весь дом наполнился таким благоуханием, что все дивились. Похоронен в Казани, в сокровенном месте на старом кладбище русском.

(Перевод Л.П. Найденовой)

[РАССКАЗ] СВЯТОГО АНДРѢЯ О НѢКОЕМ БЛУДНИЦѢ УМЕРШЕМЪ

В Цариграде ходящя святому Андрѣеви един же нѣкто великих боляр мимо, видѣ его согнусися ему и плюну нань и разумѣ житие его реч ему: лукавыи блудниче церковный поругателю? Не ты ли кляся, яко в церковь иду на заутренюю, а ходишии к сатанѣ на заутренюю, незаконниче, полунощи вставая. Но се убо приспѣл рок твои да приимеши яко же дѣял еси, утаитися мня страшному року пытающему вся. Се ж слышав, он отиде, дабы ся не посрамил по днех женѣ колицѣх, недугом злым разболѣвся, пача помалу ся шити ся, и начаша его носити от божницы к божницѣ, от лечца к лечцу, не бѣше бо ему ползы. Помале же лишенныи поиде в вѣчную муку. Нѣкое ибо нощи суши, видѣ святыи близ двора его аггела Господня пришедша от запада, иж бѣше пламян лютѣ очи имѣя, и держащее в руцѣ палицу огнену велику. И прииде в дом лишеннаго того, грозяся и гнѣваяся раскопати хотя дом его. Егда ж к болному прииде, услыша глас, глаголющ тако: бии и поругателя того, и содомлянина и блядника, нечистиваго. Бия же его, глаголеши тако: или грѣхы хощеши творити с чюжими женами, или с мужским полом содомский бляд творити начнеши, или творя се на заутреннюю поидеши на беззаконие дияволе. Нача же его бити и глаголати к нему; да глас бѣше слышащее, а глаголящаго не видети. Мучим ж лишенныи, повѣдати нача, хотя и нехотя, нестыдяся, яко у жене согрѣшаю николиже, помилуи мя. Также мучим три дни и три нощи, глаголя яко не согрѣшаю и еще дума своя не испястил бѣще. Се же, дружино, моя паписах, слышав у блаженаго Андрѣя на ползу и боязнь душам нашим да быхом ся биоми на сем свѣтѣ како живущее ничто же бо ся может утаити Бога и святых его.

РГБ. Собрание Ундольского. Ф. 113. № 530. 30-е гг. XVI в. Л. 387 об.–389 об.

* * *

Проходившему по Царьграду святому Андрею встретился большой вельможа. Св. Андрей нагнулся и плюнул в него со словами: «Великий блудник, церковный поругатель, не ты ли клялся, что идешь к заутрене, а сам шел к сагане на заутреню, беззаконник, в полночь вставая? Но уже пришел срок твой и примешь по делам своим. Избежать думаешь страшного рока!» Услышавший эти слова вельможа пытался пройти мимо, чтобы не задел его никакой недуг, но вскоре начал болеть. Его носили от иконы к иконе, от врача к врачу, но не было от этого никакой пользы. Впал он в вечную муку. Однажды ночью святой Андрей увидел у дома вельможи ангела Господня, пришедшего с запада. И был этот ангел огненный, с огненными очами, а в руках держал огромную огненную палицу, пришел к вельможе в гневе, собираясь разрушить дом его. Придя же к больному, святой услышал голос: «Бей поругателя того, содомлянина и блудника нечестивого и говори так: или хочешь грех творить с чужими женами, или с мужчинами творить содомский грех, или, притворяясь, что к заутрене пойдешь, идти на беззаконие к дьяволу». И начал его бить и говорить ему те слова, не видя говорившего. Вельможа же, хоть и неохотно, начал каяться: «Не буду с женами грешить, помилуй меня!» И так мучим был три дня и три ночи, за то, что грешил и чтобы очистилась душа его. И слышал я этот рассказ от блаженного Андрея на пользу и на страх нашим душам, да убоимся Бога на сем свете, поскольку живые часто ничего не боятся, но нельзя ничего утаить от Бога и святых его.

(Перевод Л.П. Найденовой)

[СМЕРТЬ ВАСИЛИЯ III]

И нача... говорити... и о своемъ великомъ княженіи и о своей духовной грамотѣ, понеже сынъ его еще младъ, токмо трехъ лѣтъ на четвертой, и како строитися царству послѣ его. И тогда повелѣ князь великій писати духовную свою грамоту и завѣтъ о управленіи царствіа сынови своему и наслѣднику дьяку своему Григорію Никитину Меншому Путятину и у него велѣлъ быти въ товарищехъ дьяку же своему Федору Мишюрину. Тогда же князь великій прибави къ себѣ въ думу къ духовной грамотѣ боярина своего князя Ивана Васильевича Шуйскаго. И нача с тѣми бояры думати князь великій и приказывати о своемъ сыну великомъ князѣ Иваннѣ и о великой княгинѣ Еленѣ и о своемъ сыну о князѣ Юрьѣ Васильевичѣ и о своей духовной грамотѣ. И тогда же пріѣде къ великому князю Василию Ивановичю братъ его князь Юрьи Ивановичъ вскорѣ на Москву въ скорби велицѣ из своего изъ удѣла, слыша бо брата своего великаго князя Василия Ивановича зѣлнѣ изнемогающа; великій же князь Василей Ивановичъ тогда велми болѣзнуяше. Тогда же пріидоша къ великому князю отецъ его Даниль митрополитъ да владыка Коломенскій Васіанъ да старецъ Мисайло Сукинъ и отецъ его духовный Алексѣй протопопъ Благовѣщенскій; и нача же думати со отцемъ своимъ Даниломъ митрополитомъ и со владыкою Коломенскимъ Васіаномъ и со старцомъ Мисаиломъ Сукинымъ и со отцемъ своимъ духовнымъ Алексіемъ протопопомъ, чтобы ему во иноческій образъ облещися, понеже давно мысль его предлежаше въ чернечество и неуклонно желаше во иноческій образъ облещися. Митрополиту же съ клятвою завѣща, глаголя: «вѣмъ, яко никтоже хочеть, да быхъ азъ инокъ былъ; ты же, отче, не устыдися никогоже, но сотвори по воли Божіи инока

мя быти по обѣщанію моему, аще и грѣшенъ есмь». И еще же бѣ на Волоцѣ князь великій, и приказа старцу Мисайлу Сукину да отцу своему духовному Алексію: «чтобы есте того не учинили, старецъ Мисайло да протопопъ Алексѣй, что вамъ меня въ беломъ платьѣ положить; хотя бы язъ и здравъ был, но мысль моа и желаніе сердечное предлежитъ въ чернечество». А на Волоцѣ князь великій старцу Мисайлу повелѣ себѣ платіе чернеческое приготовить; еще же ему на пути сушу, ѣдучи къ Москвѣ, и призва къ себѣ дворецкаго своего Тферскаго Ивана Юрьевича Шигону де дьяка своего Меншово Путятина и начя имъ мысль приказывати о чернечествѣ своемъ... <...> Престави же ся великій князь Василей Ивановичъ всеа Русіи во иноческомъ чину и нареченъ бысть Варлаамъ в лѣто 7042-го, Декабря въ 4 день, на память великомученицы Варвары, съ середины на четвергъ въ 10 чясъ нощи, противъ Варварина дни. И тоя же нощи облекоша его во всю чернеческую одежду... <...> А у великаго князя остался игумень Троецкой Иасафъ да старецъ Мисайло Сукинъ и начаша его наряжати и браду его чесати, якоже подобаетъ ко чернеческому чину быти, и положиша подъ него отъ Михаилова Чюда одръ и положиша тѣло его на одрѣ.

ПСРЛ. СПб., 1906. Т. 13, вторая половина: I. Дополнения к Никоновской летописи. II. Так называемая Царственная книга. С. 412, 413, 418, 419.

ДИАЛОГ СО СМЕРТЬЮ

Сказание о смерти Нѣкоего мистра великаго Сирѣч Философа

Милостивый Боже, помози мне
Дабы мог изложить достовѣрнѣ
Къ твоеи хвалѣ!
Все людие послушайте
Лютость смѣрти познаите
Якож стари також и юннии,
Всякому ся смѣрть пригоди
Каждый в ея власти имат бытии
Егда коликого смѣрть закусит
Дивно ся в своем законе ставит,
Когождо живота избавляет.
Приклад хощу вам том поведати
Послушайте его, аще хошет увѣдати:
Поликарп нѣкто нарицаем
Мудрец и мистр избранный
Молил о том Бога много
И собрал многих людей в церковь
Дабы видель смѣрть в ея поставеѣ

Оставиль всѣх людѣи в цѣркви
Узрѣль челоуѣка нага
Образом вельми шкарена*
Худа, бледна, желта лица
Лщит акы мѣльница,
Конець носа ея отпало,
Изо очей плывет кровава роса,
Тело ся на ней сморщило.
Превязала главу рубищем,
Крива уста
Блещет очима закалающе грозно,
Косу в руцѣ имѣа.
Выпала свои кости.
Мистръ, видѣвъ образъ шкареды,
Скоро же ужаснел
Паль възнакъ и разразился** ,
Егда же лежалъ възнакъ
Смѣрть к нему промолвила:
Чему ся такъ скоро ужасаешь,
Авесь еси здравъ
и Бога егоже если молилъ, дабы ти указаль?
И се азъ пред тобою стою.
Высмотри посталь мои,
Всякому ся тако указати имам,
Егда кого живота избавлю.
Не устрашаяся мене ты нынѣ
Уже мя видиши пред собою
Коли придут, любимии, к тебѣ,
Тогда скоро отчаиши себе
И очи свои на сторону испромечешь,
Даже из тѣла потъ выскочит.
Отхощется и с медом*** гарнокъ
Коли принесу меду гарнокъ,

* Шкарена – отвратительная (польское слово не переведено на русский).

** *На поле*: затрепетал.

*** *В польском варианте*: с ядом.

Имаши питии неволею,
Приимѣши великыя муки
И возопиешъ из великои нужи
Изабудешъ своя любовники.
Хочешъ ли слышать новыя вѣсти?
Глаголи со мною, имам бо дѣло,
Ге ся со мною молвить хотѣло
Видиж ли у божници
О чем ти взяла по мнѣ тошница?
Взовешъ о чем, моя коса уж сечѣтъ
Пред нею никто не может убѣжати.
Встань, мистре, устрашился еси небоже
Знание тень твоеи хитрости не поможет.
Уже отдохни себѣ и глаголи со мною
Не боися нынѣ моеи казни
Не дам ти чести епистолы*.

Мистръ

Мистръ промолвилъ: велми
ужасно устрашился еси
Даже ничтож не помню
И тако меня нынѣ не мила еси
Аще бы что промолвила,
И напрасно бы меня уморила.
Молно ти, поотступи мало
Понеж не вѣм, что ми ся доспело.
И весь блѣдѣнь есмь
Погубило ми ся здравие и надежда
Речи: поотложити от тебе косу
И я ти свою косу поднесу.

Смѣръ рекла:

Дарма мистръ твои глаголи,
Того язъ учинити не готова,

* В польском варианте – школы, урока.

Держу косу мою наострену,
Секу доктора и мистры
И всегда ношу готову.
Востани ко мнѣ можеш ли верить,
Не хошуся нынѣ извѣрить.

Мистръ:

Въсталъ мистръ едва живъ,
Держася за ногу, приклонился.
Рече: Милая смѣръть, откуда еси взяла,
Давно ли ся еси народи?
Да бых вѣдалъ достовѣрно,
Где твои отец или мать.

Смѣръть рекла:

Коли Богъ сотворил чловѣкъ
[в рай] бессмертна
И сотворил Богъ Евву, жену ему от кости
Адамовы в радость
И далъ ему власть на всѣхъ звѣрехъ и скотехъ,
Дабы царствовал над ними, яко свытыи.
Подаль ему и рыбы в мори.
И поручил ему райскыи сады,
И далъ ему власть от всехъ вкушати,
Но едино ему древо заповѣдалъ
Еже не прикоснутис не вкусити,
Реучи ему: «аще ли вкусиши,
Смертию имаше умрети».
Но злыи дух Евву израдилъ:
«Коли ешь овощъ, укуси!» повелѣл.
Евва ся устремила,
Против Бога смѣлость взяла
В том часе я началась.
Коли Евва яблоко укусила
И Адамови дала,
А я в том яблокѣ была.
И Адам мнѣ въ то яблоко укусилъ.

Про то умрѣтиму сил.
И о томъ Бога скоро разгневилъ
И весь род свои погубиль.

(Далее в русском переводе пропуск)

Мистръ рекл ей:

Милая смѣрть, изъяви ми,
Про что хочешь всехъ люди живота избавити?

(Далее в русском переводе пропуск)

Смѣрть рекла:

Блуди себе, раздражишь мя.
Всих животѣ преклоняю.
Хощеши ли видѣти достовѣрно,
Понѣм ти.
Творецъ всякая твари адамово племя
Предал ми и в такой власти
Дабы морила въ дни и в ноци.
И азъ уморяю и на восходѣ и на полудни

(Далее в русском переводе пропуск)

И то дѣло умею добрѣ
И никто ж от мене убѣгает.
То мое великое веселие,
Когда имам морити живых.
Морю все людское племя.
Морю мудрыя,
Избавляю живота всѣх:
Любо старого, любо младого –
Всякого коса моя косит,
И убогих и богатых,

И старци, и воеводы, и княжата –
Всех бѣрет к себе.

(Далее в русском переводе пропуск)

Азь и с короля венец соиму
И за власы под косу преклоню.

(Далее в русском переводе пропуск)

Каждыи пред моею косою скачет.

(Далее в русском тексте пропуск)

Язь убила Гальяда,
И Анну и Каяфу,
Азь Июду обесила,
И дву разбоиников на крѣстѣ избила,
А въ едином была сила Божья
Коли Христа уморити хотѣла.
Едва есмь на него ся опустила
И ту есме мою косу нащербила
Тот косу мою исказиль
Иже в трѣтии день ожил.
В том царство мое погубила.
Но имам власть над людми добрыми
И над злыми.
Хощеши еще возьявлю тебѣ
И собираи на мысль себѣ
Еще повѣм ти о своей косѣ
Хощеши ли испытати как остра суть?
Но заплачут над тобою брат и сестра,
Мудрость твоя не поможет тебѣ
В око мгновенье воздрожитъ ногою
Коли выиму из ноенъ кос мою
А даром ся не выимаю
И тогда буде без грѣха.

Даль ми то Всемогуши
Да бых морила людей живуших,
Всегда силна есмы,
Азь мудрых поморила
Соломона велми мудраго
И Сомсона силнаго
И азь ся надъ ними утѣшила
Что есть под небесемь никтож
Не убѣжит моеи косы.
Иныхъ вѣшаю, а иныхъ посѣкаю,
Не помогутъ никому
Против мене никтории лѣкари
Но вся человек имат умрети
И вси лѣкари в моей власти.

Магистр сказал:

Повѣжъ ми, милая сѣмерть,
Чтобы азь хотел вѣдати.
Вѣм иже всему конецъ будетъ
Коли бе на судѣ сядетъ?
Повѣж ми, гдѣ ты будешь тогда,
Или и ты на судѣ сядешь,
Иже так велми насилуешь?

Смерть отвечала:

Кто аще имѣт разум совершенъ,
И вѣсть иже бѣ животь вѣчный,
Там обо гдѣ хочу царствовати,
Смѣрть уже тамъ не присутствует.
Коли бѣ будет грѣшным судия,
А язь имам к мукам погнати,
А когда будут в муках,
Тогда имуть терпети веѣликия скорби,
Что их мучити имам,
И тогда на мя имуть часто вопыти, глаголя:
Молим тя дабы нас уморила

И таких мук нас издавила.
А язъ имам тогда хранитись
И не имам их от муки боронити.
Того ради, мистре, внимаи себѣ
Стережися, смотри, поражу тебе!
Служи въ дни и в нощи Богу
И тако избавитися муки.
Можешь от мене добрѣ разумети,
А что ти глаголю, добрѣ смотри.
Егда ти ся второе явлю,
Конечне тя живота избавлю.
Тогда мистръ возопил велим гласомъ
Иже ю видѣл достовереѣрно тым часомъ.
И рече:
Уже намъ всемъ горе!
Смѣртъ нас влечет яко море!
Погубиль есми вся своя лѣта
На временномъ семъ свѣтѣ!

Русский текст взят из: ГИМ. Ф. Московская духовная академия. Волоколамское собр. № 186. Рукопись XVI века в четвертку. Идея разделить русский прозаический текст на стихотворный польский оригинал принадлежит А.С. Croiset van der Kop: *Croiset van der Kop, A.C. Altrussische Übersetzungen aus dem Polnischen. Aus Haag, 1907. I: De morte prologus.*

Отрывок
из Диалога смерти с магистром,
не переведенный на древнерусский язык

Магистр отвечает

Я уж и не знаю за кого ты выйдешь замуж,
Если всех людей поубиваешь,

- Если всех людей посечешь,
А сама же и убежишь
- 245 Нужно бы воспользоваться человеческой приязнью,
Чтобы согрели тебя в своей купальне.
Чтобы ты в ней отдохнула,
Когда наработаешься,
А потом лучше*
- Смерть говорит**
- 250 А вот я здесь тебя полосну
Несмотря на твои регалии
Почему ты так, отрекаясь от всего, убегаешь
Видно, завтрашнего дня ты здесь не дождешься,
Говоришь мне это так смело
- 255 Пока живой и в костеле,
Итак, магистр – ты очень глупый
Ничего ты в этом не понимаешь.
Не верховенствую я,
Не зарюсь на богатство
- 260 Твой изюм и миндаль
Меня не волнуют
Бархат и штуки сукна –
Ничего мне этого не нужно.
Я люблюсь человеческим грехом
- 265 И от этого никогда не откажусь
Духовного и светского –
Лишаю жизни каждого
И любой морской трофеей
Этого никогда не окупит
- 270 Каноники и пробощи,
Все еще будут в моей школе
И плебаны с мясистой шеей
Которые пьют много пива
И у которых подбородки на грудь свисают
- 275 Хорошие купцы, швыряющие деньги на ветер
Всех моя коса покарает

* Пропущено полторы строки или сделана позднейшая вставка.

- Пань и простых горожанок
Которые грешили,
Убийц и извергов
- 280 Посеку на покойников
Девиц, вдов и замужних женщин
Посеку за их ветренность.
У шляхтичей заберу шубы
И оставлю в одной рубашонке,
- 285 Потом доберусь и до челяди,
Посеку горемык,
За всеми, кто участвует в турнире,
Бегаю вдогонку
Тем, кто хоть раз участвовал в битве
- 290 Отсеку руки и плечи,
Отделю ошибающегося
От того, кто прав
Хочу ему сама завивать волосы,
Пока не заговорит иначе.
- Магистр говорит**
- 295 Если бы ты хотела меня немного слушать
Я бы хотел тебя кое о чем спросить:
Почему лекарем станешь,
Если твоя сила ничего не исправит
И говорят
- 300 Что большую силу зла ты имеешь.
- Смерть отвечает**
Хотя каждый лекарь хвастается
Не помогут его притирки
Призываю умение свое
Пока не пришло мое время,
- 305 А пока есть Божья воля
До тех пор человеку нужен хлеб
Не помогут аптеки
И никакие лекарства против меня.
Ведь каждый должен умереть,

- 310 Кто пользуется этими лекарствами
На недолгое время могу помочь,
Ибо у беспомощных возьму свою силу
Но когда лекарь в моей школе судит
.....
- 315 Ибо я знаю, что несмотря на смертельную напасть
Не найдется зелья на огороде
Зря ищешь любисток – приворотное зелье
Уже приготовленной палочкой
Не поможет воскурение полыни,
- 320 Когда придет мой час
Не помогут и шалфеи,
Все смерть по лугам жнет
Я не берегу последние силы,
Хотя пройдет много лет,
- 325 Когда я призову свою власть
И не буду пользоваться последним лекарством
Свои претензии предъявлять к людям
И всегда вина у каждого своя
Можно судить и подсудных,
- 330 Устрою им большие волнения
Когда своя семья судит,
Часто осуждает за отступление от истины
Но когда придет суд Божий
И звонко зазвучат меха органа
- 335 Уже не будет времени
Творить неправедные проволочек
Зачем искажал праведные суждения
Беря на себя неизмеримые вины,
Принимая от злопыхателей дары
- 340 Направляя их неправедность,
Все это станет явным
И будет тяжко отомщено.
Магистр говорит:
Просят тебя, прислушайся
И оставь свои разговоры
- 345 Твоя коса всех сечет без разбору
Как шляхту, так и кметей
Я все бы отдал не жалея

- Не требуя сострадания
Я хотел бы откреститься от тебя
- 350 Я мог бы скрыться от тебя
Если бы от всех спрятался
Или от всех отгородился
Если бы я обрел твою силу
Если бы остерегался тебя днем и ночью,
- 355 Настроился бы враждебно
И выставил крепкую стражу
Смерть говорит:
Хочешь ли это вкусить –
Закую тебя в железо
И где-то в земле тебя закопают
- 360 Но точно тебе достанется
От размаха косы
Уворачивайся как умеешь
И может быть, из моей власти вырвешься.
Я уже наточила косу
- 365 Но просто так я ею не замахиwaюсь,
А только чтобы подбрить тебя
Магистр говорит:
Милая смертушка, не говори мне этого
Ты меня лишишь жизни моей
Я и не знаю, что со мной приключилось плохого
- 370 Голова моя катится по кругу
И из нее выпадают глаза.
Смерть говорит:
Почему ты так упорно сопротивляешься?
Напугала я тебя сильно,
Никто от меня не скроется
- 375 Всем живым я отрезаю шею.
Одна в лесу владею лесами,
Всех лысух вырезаю косой
За лесную агонию, за куниц
Шкуры дам на одежды
- 380 Я давлЮ горностаев,
Достанется и белкам

- Но я секу косой и волков
Мгновенно перехватываю бегущих серн
Через ограды хлопские
- 385 Гоню журавлей и дроф
Бекасов также изгоняю
Перья даю на подушки.
Зверей и всяких птиц
Я посеку, горемык.
- 390 Все что угодно мертвым несу,
Которые были скошены моей косой
Однако этот пример приводя
Всякому все равно вредят
И чтобы тебе вознестись на небеса
- 395 Ты должен платить денарий святого Петра
У него повсюду замки и дворцы
И каждый поклоняется моей косе
Если бы у тебя были железные врата
Ты бы не знал со мной хлопот
- 400 Всех бы к себе собирала за ночь
Из каждого душу вытряхивала.
Немного стоит папа
А также самый убогий нищий,
Кардиналы и епископы
- 405 Передам им большую добычу:
Намяв бока каноникам, пробощам, суфраганам
И за это меня не будут порицать.
Всех монахов и аббатов
Посеку из-за поборов.
- 410 Хорошие монахи пусть меня не боятся,
Которые ведут праведную жизнь,
Хотя и мою косу вспоминают,
Но не боятся ее.
Для всех это благо
- 415 Когда я уравнию всех косой
Что хорошему горевать –
Умрет или не умрет – ничего не потеряет:

- Избавится от земных горестей
Получит небесные радости
- 420 Простого в небо не тянет,
Но для каждого придет свой срок
Его презирали многие
Светские над ним насмехались
Многие его считали праведником
- 425 Но, когда придет Судный день
Когда не скроется никто,
Все мудрецы этого мира,
Как оказалось, по милости Божьей
С честью вели здесь свою жизнь
- 430 Но когда жизнь ярче ясного солнца,
Когда в небесной радости,
А не в адском несчастье,
Чем им помогли их одеяния
Или ложные песнопения?
- 435 Что мы в нем любили
И свои души за него отдали
Промелькнуло как облака,
И со временем мы увидели, как пренебрегали.
А могут злые монахи,
- 440 Которые живут согласно дурному уставу,
Жить по своей собственной воле
.....
.....
- Никто его не может утихомирить
- 445 Тот, кто хочет делать что-либо на свете.
Злой монах во все это метит,
Если сядет на коня,
Уткнется грудью в коня
И поскачут они взапуски,
- 450 А часто лошадка с норовом
Но когда монах на коне скачет
Он бы не променял это на самые лучшие калачи,
Он трясется как боров,
А ему это очень любо.

- 455 Когда пеши к нему нужно приходить,
Нужно его к себе расположить
И посетители ему чарки несут.
Потом без разбору погоняет лошадь,
Не заботится куда она несется
- 460 Иной раз бежит она криво,
А иной раз ему сбивает плечи,
И всегда в нем накапливается что-то плохое,
И всегда за ним приходится бегать,
Пока из него не вытрясешь душу.
- 465 Говорят – это через обман веры
Отдам его в жертву чертям.
Кустоша и приора
Возьму их в свое окружение
Заберу у аббата копыта
- 470 Дам кому-нибудь на онучи
У кармелита будет одежда из фетра
Ряса будет у парубков верхней одеждой.
Отниму у него торлоп куничный
И не знаю, где убьет кого,
- 475 Отнимет у него шубу лисью
И чересчур свисающий плащ,
Наконец для него имеется сан епископа
И дам ему знаки отличия.
- Магистр говорит:**
Хочу тебя попросить, милая смертушка,
- 480 Чтобы ты меня этому научила
Пани, которая оберегает невинность,
Оставаясь с Богом
- Смерть отвечает:**
Разве ты не читал Жития святых
У которых были большие трудности,
- 485 Как убивали девушек
Секли и бичевали,
Нагое тело жгли
И груди резали
Потом в темницу вели,

490 Некоторых морили голодом,
Потом в оковах водили,
Жестокими мучая муками,
Терзали их острогами.
Я этому удивлялась, удивительно,
Когда не видят жестокость,
Когда видела в них эту смелость*,
Терпя такую страшную боль.

(Перевод С.Г. Яковенко)

De morte prologus

*Господи всемогущий,
Помог мне этот лист сложить
К умножению твоей паствы**
И людям на пользу.
Все люди послушайте,
Лютость смерти познайте.
Какож малый тако ж юный
Никто не уйдет от смертельного зла.
Когда кого смерть задушит,
Каждый в ее власти будет
Давно в своем законе ставит
Каждого от жизни избавит.
Пример хочу вам о том поведать
Послушайте, если хотите уведать.
Поликарп некто называем
Мудрец и магистр избранный
Молил о том Бога много
Дабы видеть смерти образ
Остался после всех в церкви,
Увидел человека нагого*

* Написано сверху: белизну.

** Курсивом выделены строки, которых нет в русском переводе.

*Неведомой природы,
Вретищем препоясана
Платом как самоед покрыта
Зуб не было в ее пасти
Обнажая ужасные зубы
Голой череп
Неприятная речь.
Куда ни глянь,
Отвратительная фигура.
Выпали ребра и кости,
Грозно косит без милости
Худа, бледна.
Желтая лицом
Блестит как таз
Из очей течет кровавая роса,
Тело все на ней сморщено,
Перевязала голову рубищем,
Искривила уста,
Сверкает глазами грозно
Грозную косу в руке держит.*

Страшно того испугался и застонал.
Долго ты Бога просил, чтобы я
Явила тебе свой образ
А теперь я пред тобою стою,
Явила всю свою силу.
Каждому так я показывалась,
Когда лишаю его жизни
Не утрашишь меня ты ныне,
Коли приду, любезнейший, к тебе
Тогда быстро отчаешься
И очи свои в сторону отведешь,
Из тела пот потечет.
Будешь скакать
Как кот за мышью
Так что твое тело возьмет
Телесная одышка.

Расхочется питья с медом,
Когда принесу горшок с ядом.
Должен пить его поневоле,
Почувствуешь великие муки.
И возопиешь в великом горе
И оставишь своих любовников.
*Оставь все то многое,
Что у тебя силой устроено.*
Говори со мной, у меня к тебе дело,
Что со мною молвить хотело.
Увидишь, я ли не работница
За что взялась, все кошу.
Встань, мистр, ответь
Если можешь
Что не понимаешь по-польски.
Никакие чары не помогут.
Испугался, бедняга, не боже
Уж отдохни, бедолага.
Говори со мной, убогий,
Не бойся моей школы,
Не дам я тебе никакой эпистолы.

Магистр отвечает:

*Магистр отвечает очень скромно
Испугала меня, ясная пане,
Так, что ничего не помню.
Если бы ты неприятное что-то сказала,
Ты бы меня уморила
И душу бы изгнала*
Молю тебя, отступи от меня,
Теряю сознание и бледнею
Прошу тебя, отложи косу,
Чтобы я мог поднять голову.

Смерть отвечала:

Всеу, мистр, говоришь.
Того я сделать не готова
Держу косу свою заостренной
Секу докторов и магистров

Силою ночлега прошу

Встань, если мне веришь, не хочешь – не верь.

Магистр отвечает:

Встал мистр, ноги дрожат

Держась за ногу, отвечает:

Милая смерть, откуда ты взялась,

Давно ли на свет родилась

Хочу знать достоверно, где твои отец и мать.

Смерть отвечает:

Коли Бог сотворил человека,

Чтоб жил вечно,

И сотворил ему Еву из кости,

И дал ему власть над всем зверьем,

Чтобы правил ими как святой,

Отдал ему и рыб,

Желая избавить его от горя

И поручил ему райские сады,

Желая избавить его от беды,

Все это дал в его власть,

Одно дерево ему запретил,

Чтобы плодов с него не рвал,

Ни на него не покушался,

Сказав ему: «Едва тронешь –

Наверное умрешь».

Но Еву злой дух соблазнил

Когда ей тронуть плод советовал

Возжелала Ева,

Смелость проявила.

В тот час я зачалась.

Когда Ева тронула яблоко,

Яблоко Адаму дала,

А я в том яблоке была.

Адам меня в яблоке вкусил,

Потому через меня умереть должен был.

Этим бога очень оскорбил

И весь свой род погубил.

Магистр сказал:

Милая смерть, скажи мне,
Почему хочешь всех людей убить?
*Почему утратили они твою милость,
Что злое учинили?*
Хочу тебе дары принести,
Чтобы умилостивить тебя,
Дал бы я тебе испечь хороший калач,
Чтобы от тебя мне убежать.

Смерть отвечала:

Спрячь у себя свои дары,
Раздразнишь меня только вдвое.
*Я даров не принимаю,
Все остатки уничтожаю.*
Хотел бы ты знать достоверно,
Точно, Творец всякой твари
Уделил мне такую власть
Чтобы я морила днем и ночью
Морю на востоке и на юге,
А умею я это делать чудно,
От полночи до запада
Хожу, не спрашивая брода.
То мне наибольшее веселье,
Когда могу морить многих,
*Когда возьмусь с косой плясать,
Хочу их тысячи наказать.*
То есть моего могущества зная,
Морю все людское племя:
Морю мудрых, и глупых,
В этом показываю силы.
И больного, и здорового,
Отниму жизнь у каждого,
Старого ли, молодого ли,
Каждому моя коса удар нанесет,
Будь убогий или богатый,
Всякого моя коса заденет.

Воевод и вельмож,
Всех, любящих мир,
Будь князья или простолюдины,
Всех соберу к себе.
Я и с короля корону сниму,
За волосы под косу толкну.
*Тоже бываю и в цесарской земле,
Зимой, летом и осенью,
Философов и звездочетов,
Всех ставлю на свое место.
Ремесленники, купцы и пахари,
Каждый передо мною скачет
Все обиралы и ростовщики,
Оставляю их покойниками.
Корчмари, что плохое пиво дают,
Нечасто меня вспоминают,
Когда свою мошну набивают.
Тогда мою косу узнают,
Когда придет мой урок,
Буду лить им в горло смолу.
Ловко двигаюсь,
Всех внезапно задушить должна.
Вперед задушу девок и парней,
Так что мужик после поминок причмокивает.*
Я убила Голиафа,
Анну и Каиафу,
Я Иуду повесила,
Двух разбойников к кресту прибила,
Но косу повредила
Когда Христа уморила,
Потому что в нем была Божья сила.
Этот один мою косу победил
И с третьего дня ожил.
Оттого я с животом спорила
Потом и вовсе силу потеряла
Имею силу над людьми добрыми,
Но вящую над злыми.

Кто более творит злости,
Тому сломаю кости.
Хочешь ли еще объявлю тебе,
Это бери в разум себе.
Скажу тебе о своей косе,
Это ее понюхают носом.
Хочешь ли посмотреть, как остра?
Заплачет над тобою сестра,
Магистерство ничем не поможет
Как выну из ножен косу,
Тотчас изменишь голос.
Дал мне ее Всемогущий
Чтобы морила я народ живущий.
Всегда слывет моя сила,
Я великанов уморила.
Соломона столь премудрого,
Авессалома прекрасного,
Самсона весьма крепкого
И Ветриха Обримского¹.
Я над ними потешилась,
А своею косою утешилась
Я такие дивные дела творю,
Одних вешаю, других секу.

*(Перевод с польского
Л.И. Авиловой)*

¹ Дитрих Бернский.

ХОЖДЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ ПО МУКАМ

Обхождение мукам Пречисте владычице
наше Богородице. Отче, благослови.

Благовесты Святая Богородица възыде на гору Елеонсѣи и поклонисе къ Господу и рече: Господи Боже мои, да сънидет къ мнѣ архангль и да скажет мы мучения мѣста. И въ ты час съниде архгль и 400 агль съ нимь. И поклонишес Пречистой владычици нашей Богородици, и възупише: радуисе, Пречистая маты дево, упование христаном, радуисе, агльское похваление! И рече Прѣчиста: радуисе, Михаиле, невидимаго Отца служилою, радуисе, Михаиле, аггломь чиноначелниче, архистратиге. Еже благовещение мнѣ благовестьи нь еже паче азъ ты семь милосты Бог вишнаго. Повѣждь мы вса, яже те хощу упрашаты. Егда хощеши трубою трубиты от вѣка умерших и паки рече святая Богородица: помилуй, Господи, христiane! рече къ мне: маты моя Прѣсвятая, за многие слъзы твое простих и. Еж суть 7 греси иже не прощаются мне. И рече святая Богородица: что суть имь грѣси, повѣждь ми, сыну и Бог мой? И реч архнгль: слыши,

Прѣчиста, 1 грѣх еже от Христа отврѣгоше. 2 грѣх съ суседи затворише, 3 грѣх иже си тело оскврѣнише и душу и тело, и не вѣруют Господа Бога своего. 4 грех иже не слышетъ заповѣд церковни. 5 грѣх есть иже съ материи и съ сестрою и съ снахою и с дщерию и съ поматерницею и съ кумицею. 6 грех есть от иманиа вашего милостыню не подаете нищымъ, еже просеть за име Божие. 7 грех есть иже въ церковь не приходеть въ святую неделю и в петок и въ велицѣх моихъ праздницѣх, и егда приидеть въ церковь на вѣчерну или на утрѣну или на литургию, и не стоите съ страхомъ. О горе тому челоуѣку и боле би было не родитесе. Рече Богородица: кои жену имають, а к чюждеи ходеть? И рече Господь: тия суть повезани вѣригамы огньными и тако мучетсе. И рече Господь: кои и с кумомъ блудь твореть и свято миро оскврѣнеть, и не имат милость. И рече Богородица: аще жена удавить отроче и не хранить его? Нечистивыхъ грѣхъ ясть тма, имають тья души вса блага и питаютсе въ них, а матрѣ ихъ въ муку вечную мечутсе, рущѣ и нозе свезание и чрвьие из нихъ изпадоху. И рече Богородица: хошу видетии, где мучетсе родъ христианскы, и рече Богородица къ архнгглю: повѣли да откроетсе адъ и въсе муки вѣликие. И повѣлѣ арханггелъ и открише въсаа, и приде Богородица надъ мучимыхъ, и виде народъ многъ, мужие и жены, и плачь вѣликъ исхождаше отъ нихъ. И въпроси Богородица архнггла: что суть сии, что ли имь суть грѣси? И рече архнггль: тые суть не вѣрували въ име Отца и Сына и Святаго Духа. Того ради тако мучетсе. И паки же прииде Богородица и виде вѣлику муку зѣло на ономъ мѣсте. И проси Михаила: что суть, что ли имь суть грѣсы? И рече Михайлъ: невѣзможно ес видети муки сие. Рекоху аггели иже стражаху муки сие: запрѣщение имамо отъ Господа да видеть лицѣ Господне въ вѣки. И рече Богородица: да въздвигнетсе тьма отъ нихъ и да виду муки сие! Абие движесе тма и покри 7 небесъ, и лежаше множество народъ, мужие и жени и плачь вѣликъ и виде ихъ Прѣчиста Богородица и просльзисе надъ ними.

И рече: что сте zde небозы? Они же отвѣщаше къ Прѣчистой Богородицы: от вѣка несмо видели свѣта, и не можемо отвѣщати к тебѣ, и врѣща беше смола на них и пламѣнь огньныи, и змие плъзеху по них, и виде Пречиста и просльзисе над ними. Они же отвѣщаше к Пречистѣи: николи же къ нам не прииде ни Аврамъ, ни Иоанъ, ни апостоль Павль. И въпроси Прѣчистаа, глаголя, что сут сии, что ли имь сут грѣсы? И рече Михайль к неи: тызи не суть верували в Святую Троицу, яко от тебѣ родисе Христос Бог. И просльзисе Прѣчистаа, и рече: яко за менѣ мучетсе род христианьски! И тогда паки тѣма паде на них яко же и прѣвее. И рече Михайль: камо хочещи, Прѣчиста, да изидемъ. И рече Богородица: изидемъ на полудныи. И приступише херуфимъ, и старшних серафимъ, И отнесоше Богородицу у полудне. И оттуда исхождаше река огньна. И ту стояше народ мног, мужие и жени. Ови до врѣха, ови до вие, ови же до пояса, друзи до прѣсех. И рече святаа Богородица: что суть сии, что ли имь суть грѣси? И рече къ неи Михайль: сии кои суть до врѣха, тизы суть крестоперсцы еже се суть клели въ кривину съ честнимъ крестомъ, того ради тако мучетсе. И рече: а сие еже суть до вие кто суть? И рече Михайль: тизы суть ялы мяса человекска. И рече архнгль: слиши, Прѣчистаа, тии суть отдавали брать брата и другъ друга на съмръть, отецъ чедо проклиналъ. А сие до пояса кто суть? И рече къ неи Михайль: тызы суть клетви от родител своихъ приимале, того ради тако мучетсе. И просльзисе Прѣчистаа и рече: боле бы било человѣку тому не родитисе. И рече Прѣчиста: а тие ижь суть до прѣсех? И рече Михайль: тызы суть не почиталы кумовъ своих да того ради тако мучетсе. И виде Прѣчиста на ономъ мѣсте человѣка висеща, и чръвие ядеху его. И рече Богородица Михайлу: что му сут грѣси, понеже зле мучетсе? И рече Михайль: тои давалъ на камато злато и сребро, того ради тако мучетсе. И паки же прииде Богородица на оном мѣсте и виде человѣка за езыкъ висеща. И рече Богородица къ архнгелу: что ес сии что ему сут грѣси? И рече къ неи архнгль: то ес клеветал суседи свое,

да того раду тако мучется. И паки же* прииде Прѣчиста. И виде на иномь мѣсте и жену висеще за уши. И рече Прѣчистаа сиа жена: что ес что ли суть грѣсы, иже тако мучетсе? И рече ей архнггелъ: сиа жена ес прислушала и клеветала, и сваду тво-рила съ суседи своими, да того раду тако мечетсе. И рече архнггль Богородици: еще неси видела великих мукъ. И рече Богородица: изидемь, да видимь тие муки. И приступише аггели и възнесоше Богородицу на запад, и виде Богородица облак простръть и постред облакъ одрове огнныи, и народ мног, мужие и жены лежаху на них, и змие плъзеху на них и пламикъ огненыи опаляше их. И рече Святаа Богородица къ архнггелу: что суть си что лимь суть грѣсе? И рече къ неи архнггелъ: слиши, мати Христова, сии сут не вѣстали въ святую неделю на утрню, нь суть лежали яко мертви, да темь тако мучетсе. И рече Богородица: да аще человѣкъ болѣнь, что будет ему? И паки рече архнггелъ: слиши Прѣчистаа дева, аще му се запалить храминя, и не можеть изыти, то не имат грех, аще ли изиде, то иматъ грѣхъ. И паки же прииде Прѣчистаа и виде на иномь мѣстѣ столи и по них мног народ седеху, мужие и жены, и огонь опаляше их. И рече Прѣчистаа ито суть что ли имь суть грѣхъ? И рече архнггелъ къ Прѣчистеи: тизи суть не вѣстали покл идуть въ церковь да того раду тако мучетсе. И паки же виде Богородица древо вѣλικое и по немь висеху и много удиць. И множество народ висеху по них: иви по езикъ, иви за уши, дру-зи же за вѣжди, мнози же за сердце. И просльзысе Прѣчиста над ними. И рече къ архнггелу: что суть си что ли имь суть грѣси? И паки рече архнггелъ: тизи суть клеветници и злотворници враждебници, и влъховници и кривопрѣтворници, право твореще криво, а криво право. И виде Богородица чело-века, висеща за нокти. И змиа его бе обвила от петы до връха. И въ уста ему плъзеше и езикъ му бе огнныи и не можаше рещи «Господи помилуй». И рече Прѣчистаа: Господи, повѣждь ми,

* В рукописи: паикиже.

да отврзет му се езикъ. Да, Господи, въпрашу что му суть грѣси. И рече архнггель: биль е игумнь. И не твораше волю Божию: нь церкви Божию разнуаше по блудницах. И рече Богородица: что ес твориль тако и да патить. И паки свезасе ему езикъ. И рече Богородица Михаилу: поидемъ да видимъ где мучетсе священницы. Изидоше и видеши вьси бо висециих за прьси. И огонь опалаше их. И рече Прѣчистаа: что су съгрѣшили? И рече архггель: егда стояху прѣд Престолом Божием и раздраблѣху прѣстола, агнць и падаху купце от них, якоже и от небьс звѣзди. И тресешес земля Того раду они жи не разумеху да того раду тако мучетсе. И паки же виде Богородица челоуѣка лѣжуща и звѣрие страшнии прихождаху к нему, напрасно тело ему истръзаху. И рече Богородица: что му суть грѣх, иже тако не можеть избежаты врага сего? И рече Михаилъ: то ес книжникъ, и твораше волю Божию. И люди учаше волю Божию, а самъ по закону не ходеше, да того раду тако мучетсе. И рече Михаилъ: поидемъ да видимъ где мучетсе калугери. И прииде Пресвятаа многие чрвьи на лица их. А месо не имеше ни мало на них. И рече Прѣчистаа: что тако мучетсе? И рече архггель: тызи калугери блуд твореще а крестъ оскверняюще. Того раду тако мечетсе. И виде Богородица жену висещу и огонь опалаше ю, и въпиаше: помилуй ме, Прѣчистаа дево Богородице! Яко мучимити ме горко паче вьсех. И рече Богородица: что и суть грѣси? И рече Михаилъ: тыя суть попадие, кои се суть женили по съмерты поповь своих. Да того раду тако мучетсе. И паки же прииде Прѣсвятаа съ архггелом на иномъ мѣсте и виде жену вь таме лежашу и главою висеще ныщъ. И езикъ име беше извлечень и по них змие двоеглави седеху по немь. И рече Богородица: что суть ей грѣси? И рече архггель: то суть девици блуд твореще прѣжде года, да того раду мучетсе. И рече архггель Михаил: пойдемъ да видимъ где мучетсе грѣшницы. И виде реку огненню и пламень исхождаше от нее. И лежаху в немь мног народ, мужие и жены. И рече Богородица: что суть сии что лим суть грѣси? И рече Михаил:

то суть блудницы и татие, и клеветницы, немилстивници и разбоиници, и протогерие и проклетие третоженцы, и четвертоженци, и кнезы немилостивни, како ви хошу помилувати, иже не творите волю Божию како хотите помиловании бытии. И рече архггелъ Богородици: почто се плачешь, о дево, еще неси видела вѣликих мук. И рече Богородица: пойдѣмь, да видимь. И приидоше и видеше езеро вѣлико смолно и огнь исхождаше от него вѣлик и народ множество беше в нем. И не можаху рещи Господи, помилуй. И рече Богородица: что суть сиа, что лим суть грѣси? То суть жидови, иже Христа пропеш. И рече святаа Богородица к архггелу: хощеш ли, Михаиле, да помолимь за род христиански. Да съвькупиши вьсе сили аггельские да се помолим за род христиански? И рече архгггелъ: Господи, яко молимь ти се день и ноць непрѣстано, и не прѣслушаи нас, Господи! Рече Богородица: молю ти, се да възнесуть ме аггели на небса да станеть прѣд невидимим Отци. И тако възнесоше Богородица прѣд невидимим Отцы. И въздвиже руце свои к прѣстолю владычному. И възупи, глаголе: помилуй, Господи Боже, творче небо и землы. И вьсемь видимим и невидимим, помилуй, владыко, мирь свои. Якоже видехь велико мучимих, и не могу их трѣпети, нь и азь да се бих мучила с ними! И прииде глас съ небес, глаголе: не имаь их помилувати вь вѣкы. Зане безакониа вѣлика суть. Речь Прѣчистаа: владыко, вь име твое крестишесе. И паки рече: о владыко, не молю ти се за поганих език, нь род христианскы! И рече Господь: како и хошу помилувати, оныи братии свою не помилуваше. И паки же рече Прѣчистаа: Господи, яко вса тварь славите! и не отвещав Господь ничесоже. И паки же рече Богородица: Где Иоань Крестител, где архггелъ Михаилъ, где ли суть пророци, где ли суть патриарси праведни, где апостолы Петр и Павль, и прочи, 72, где суть мученицы Господни? Есте петка мирска похвала, приидете вси святаы иже оправдишес от вѣка. Приидете и припадѣмь к Христу. И помолимсе за христианны. И паки же рече Господь: аще послушали суть Евангели мое и словѣса моя при-

имали суть, то их хошу помиловаты. И умлькоше все силы, тогда святаа Богородица възупии: помилуй, владыко, христиане, а законъ твои съблюдоше, и заповеди твое съхранише! И рече Господь: слыши мати моя, Богородице. Аще кто сътворить грех, и паки же покается, и азъ помилую таковыя. Воздатилие зло въ зло и въздатсе противу делом их. И тогда умлькоше все силы небесныя. И пакиже рече Богородица: где ес Гавриль, иже ми благовещенье принесль ес? И рече ми, яко зачнеши прѣвѣчнаго Бога съберетесе вси свети аггели, архгели, прѣстоли, херувими и серафими, да помолимсе за христиане! Тогда приидоше вси светы и поклонише и падоше ниць прѣ Господом, вси възупише вѣлиемъ гласомъ: помилуй, владыко, христиане! И паки же рече Господь: в гробе ме положише, азъ же приидох и ада попрах и свое изведох, а тызи святое крещенье осквернише. И христианска похвала Богородица рече: помилуй, Господи, грѣшники! За ради, рече Господь, за многие матере мое слъзи и за святых мои раду, яко умолише ме да имь ес покой. от вѣликаго четвртка до всех святых. Тогда же Святаа Богородица и вси святы аггели, архгели, апостолы и пророци, и мници вси единемъ глаголомъ възупише: слава царствию, ти, владыко, слава съмотрению твоему, едине человеколюбче! И ми же хвалим с Отцем и с Прѣсвятим и благымъ и животворещим Духом твоим, и ныня и присно и въ вѣкы вѣком. Амин.

XV век.

Опубликовано: Тихонравов Н.С. Памятники отреченной русской литературы / собраны и изданы Н. Тихонравовым. М., 1863. Т. 2. С. 30–39.

* * *

Святая Богородица хотела помолиться Господу Богу нашему на горе Елеонской, чтобы во имя Отца и Сына и Святого Духа сошел архангел Михаил и поведал о муке, небесной и

земной. И когда известили о слове этом, архангел Михаил сошел с небес, и четыреста ангелов с ним: сто с восточной стороны, сто – с западной, сто – с южной, сто – с северной. И целовали благодатную Михаил и ангелы, и сказал архангел: «Радуйся, завершение Отца, радуйся, обитель Сына, радуйся, похвала Святого Духа, радуйся, Христово... и утверждение, радуйся, Давидово пророчество, радуйся, святое поклонение, радуйся, пророками провозглашенная, радуйся, стоящая всех выше у престола Божьего».

Ответила благодатная архангелу Михаилу: «Радуйся ты, архистратиг, первый воин, служитель невидимого Отца и светильник, радуйся, Михаил, первый в воинстве, повеление Святого Духа; радуйся, архистратиг, похвала серафимам, радуйся, Михаил-архистратиг, побеждающий мучителей, а пред престолом владыки достойно стоящий. Радуйся Михаил, свет непрестанный, радуйся, архистратиг, первый воин, хотевший вострубить и разбудить мертвых от века; радуйся, Михаил, главный над всеми небесными силами, первый, кого прославили до престола Божьего все ангелы».

Богородица хотела увидеть, как мучаются души человеческие, и сказала архистратигу Михаилу: «Поведай мне обо всем, на земле сущем». И ответил ей Михаил: «Что просишь, благодатная, я все тебе расскажу». И спросила его святая Богородица: «Сколько мук, какими мучится род христианский?» И ответил ей архистратиг: «Не назвать всех мук». Попросила его благодатная: «Расскажи мне, какие они на небесах и на земле?»

Тогда архистратиг велел явиться ангелам с юга, и разверзся ад, и увидела богородица мучающихся в аду, и было тут множество мужей и жен, и вопили они. И спросила благодатная архистратига: «Кто это такие?». И ответил архистратиг: «Это те, кто не веровали в Отца и Сына и Святого Духа, забыли Бога и веровали в то, что сотворил нам Бог для трудов наших, прозвав это богами: солнце и месяц, землю и воду, и зверей, и гадов; все это те люди сделали из камней, – Траяна, Хорса, Велеса, Перуна в богов превратили, и были одержимы злым бесом, и веровали, и до сих пор во мраке злом находятся, потому здесь так мучаются».

В другом месте она увидела тьму великую, и спросила святая Богородица: «Что это за тьма такая и кто находится там?». И ответил архистратиг: «Много душ пребывает в том месте». И сказала святая Богородица: «Пусть разойдется тьма, чтобы видела я и те мучения». Ангелы, стерегущие их, отвечали: «Сказано, что не увидят они света, пока не явится твой благодатный сын, светлее, чем семь солнц». Огорчилась святая Богородица, подняла на ангела свои глаза и, взглянув на невидимый престол своего отца, сказала: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа пусть рассеется тьма сия, чтобы я видела это мучение». И распалась тьма, и показалось семь небес, и было тут множество народу, мужей и жен, и доносился вопль сильный и плач. Увидев их, пресвятая Богородица воскликнула со слезами: «Что вы сделали, несчастные, окаянные, как попали вы сюда, недостойные?» Но ни голоса, ни ответа не слышно было, и сказали ангелы, стерегущие их: «Почему не отвечаете?» Тогда мученики сказали: «О благодатная, мы никогда света не видели, не можем смотреть вверх». Святая Богородица взглянула на них и горько заплакала. И увидели мученики ее, и сказали ей: «Почему ты пришла к нам, святая Богородица? Твой сын благодатный приходил на землю и не спросил нас ни о чем, ни прадед Авраам, ни пророк Моисей, ни Иоанн Креститель, ни апостол Павел, Божией любимец, но ты, пресвятая Богородица, заступница, ты, стена роду христианскому, молишь Бога, как же ты пришла к нам, бедным?» Тогда спросила святая Богородица у архистратига Михаила: «В чем их грех?» И ответил Михаил: «Это те, кто не верил в Отца и Сына и Святого Духа, и в тебя, святая Богородица. Они не хотели проповедовать имени твоего, и что родился от тебя наш Иисус Христос, воплотился и освятил землю крещением – вот из-за этого и мучаются они там». И вновь заплакала святая Богородица, и спросила их: «Почему вы впали в соблазны, разве не знаете, что вся тварь чтит мое имя?»

Прорекла это святая Богородица, и снова застлала их тьма. Архистратиг спросил ее: «Куда хочешь теперь, благодатная? На юг или на север?» И ответила благодатная: «Пойдем к югу». Тогда повернулись херувимы и серафимы и четыреста ангелов, привели Богородицу на южную сторону, где протекала огнен-

ная река, там было множество мужей и жен, все погружены в реку – одни до пояса, другие до подмышек, третьи по шею, а иные с головой.

Увидев их, святая Богородица заплакала громким голосом и спросила архистратига: «Кто это, по пояс в огонь погруженные?» И сказал ей архистратиг: «Это те, кого прокляли отцы и матери, за это здесь, проклятые, мучаются». Снова спросила Богородица: «А кто те, что до подмышек в огне?» И ответил ей архистратиг: «Это были близкие кумовья, а меж собой враждовали, а другие блуд творили, за это здесь и мучаются». И спросила пресвятая Богородица: «А кто те, что по шею в огненном пламени?» И сказал ей архангел: «Это те, кто ел человеческое мясо, за то здесь и мучаются так». И спросила святая Богородица: «А кто те, что с головой ввержены в огонь?» И ответил ей архистратиг: «Это те, госпожа, которые, крест честной держа, ложно клялись силами честного креста, а даже ангелы при взгляде на него трепещут и со страхом поклоняются ему. Эти же люди, держа крест, клянутся на нем, не зная, какая мука их ожидает, потому-то так и мучаются».

И увидела святая Богородица мужа, висящего за ноги, поедаемого червями, и спросила ангела: «Кто это? Какой грех он совершил?» И сказал ей архистратиг: «Это человек, который получал прибыль за свое золото и серебро, за то он навеки мучается».

И увидела Богородицу жену, подвешенную за зубы, разные змеи выползали из ее рта и поедали ее. Видя это, пресвятая спросила ангела: «Что это за женщина и в чем грех ее?» И отвечал архистратиг, и сказал ей: «Эта женщина, госпожа, ходила к своим близким и к соседям, слушала, что про них говорят, и ссорилась с ними, распуская сплетни. Из-за этого и мучается». И сказала святая Богородица: «Лучше бы такому человеку не родиться». Михаил сказал ей: «Еще не видела ты, святая Богородица, великих мук». Святая сказала архистратигу: «Пойдем и увидим все муки». И сказал Михаил: «Куда ты хочешь идти, благодатная?» Святая ответила: «На север». И, повернувшись, херувимы и серафимы и четыреста ангелов вывели благодатную на север. Там расстилалось огненное облако, а посреди

него стояли раскаленные скамьи, и на них лежало множество мужей и жен. Увидев это, святая вздохнула и сказала архистратигу: «Кто это такие, в чем согрешили?» Архистратиг сказал: «Это те, кто в святое воскресение не встают на заутреню, ленятся и лежат, как мертвые, за это они мучаются». И сказала святая Богородица: «Но если кто не может встать, то какой грех сотворили они?» И ответил Михаил: «Послушай, святая, если у кого загорится дом с четырех сторон, и обойдет его огонь кругом, и сгорит этот человек, так как встать не сможет. То он не грешен».

В другом месте Богородица увидела огненные столы и горящих на них многих мужей и жен, и святая спросила архистратига: «Кто это такие, в чем грех их?» Те, кто попов не почитает, не встает им навстречу, когда они идут из церкви Божией, — из-за этого и мучаются».

И увидела святая Богородица железное дерево, с железными ветвями и сучьями, а на вершине его были железные крюки, а на них множество мужей и жен, подвешенных за языки. Увидев это, святая заплакала и спросила Михаила: «Кто это, в чем их грехи?» И сказал архистратиг: «Это клеветники и сводники, разлучившие брата с братом и мужа с женой». И сказал Михаил: «Послушай, пресвятая, что я тебе скажу о них. Если кто-то хотел креститься и покаяться в своих грехах, то эти клеветники отговаривали их и не наставляли их к спасению. За это они навек мучаются».

А в другом месте святая увидела мужа, подвешенного за ноги и за руки с четырех сторон, за края ногтей его. Он сильно исходил кровью, а язык его от огненного пламени скрутился, и не мог он ни вздохнуть, ни сказать: «Господи, помилуй меня». Глядя на него, пресвятая Богородица сказала: «Господи, помилуй» — трижды — и сотворила молитву. К ней подошел ангел, владеющий муками, чтобы освободить этому человеку язык. И говорит Пречистая: «Господи, поведай мне, да освободят ему язык. Да, Господи, спрошу его о его грехах». И сказал архангел: «Был он игуменом и не творил волю Божию, проводя жизнь свою с блудницами» И сказала Богородица: «Что заслужил, то и получает». И ангел снова связал ему язык.

И сказал архистратиг: «Пойдем, госпожа, покажу тебе, где мучаются иереи». И она увидела попов, подвешенных за края ногтей, от их голов исходил огонь и опалял их. Увидев это, пресвятая спросила: «Кто они и в чем согрешили?» И ответил Михаил: «Это те, кто служили литургию, и пред престолом Божиим предстояли, почитая себя достойными. И когда совершали проскомидию, не хранили просвиру, роняли крупинки ее, как звезды Божии, на землю. И тогда колебался страшный престол, и подножие Божие дрожало, за то они теперь так мучаются».

И увидела святая мужа и крылатого змея с тремя головами – одна голова была обращена к глазам мужа, а другая – к его губам. И сказал архистратиг: «Этот бедный человек не может отдохнуть от змея». И добавил архистратиг: «Он, госпожа, и святые книги, и Евангелие прочитал, а сам не следовал им. Учил людей, а сам не волю Божию творил, а жил в блуде и беззаконии».

И сказал предводитель Господних сил: «Пойдем, пресвятая, я покажу тебе, где мучается чин ангельский и апостольский». И святая увидела, что они лежали, объятые огненным пламенем и поедаемые червем неусыпающим. Святая спросила: «Кто это такие?» И отвечал ей Михаил: «Это те, кто имеет образ ангельский и апостольский, на земле называются славными именами патриархов и епископов, и говорили им: “Благословите, отцы святые”; но на небесах они не звались святыми, так как не сделали ничего, чтобы иметь ангельский и апостольский образ, за это и мучаются так».

И увидела пресвятая женщин, подвешенных за ногти, и пламя выходило у них изо рта и опаляло их, а змея выползала из пламени того и обвивала их. Они вопили: «Помилуйте нас, так как мы одни мучаемся тяжелее всех». И заплавав, спросила святая: «В чем их грехи?» И ответил архистратиг: «Это попадья, которые не почитали своих попов и после их смерти выходили замуж, поэтому и мучаются».

И увидела Богородица других женщин, лежащих в огне, поедаемых различными змеями, и спросила святая: «В чем их грехи?» И ответил Михаил: «Это монастырские черницы, которые тело свое предавали блуду, потому здесь они мучаются».

И сказал архистратиг: «Пойдем, пресвятая, я покажу тебе, где мучается множество грешников». И святая увидела реку огненную, и словно кровь текла в той реке, которая затопила всю землю, а посреди ее вод – многих грешников. Увидев это, Богородица прослезилась и сказала: «В чем их грехи?» Ответил архистратиг: «Это блудники и прелюбодеи, воры, тайно подслушивающие, что говорят близкие, это сводники и клеветники, и те, кто пожинали чужие нивы и срывали чужие плоды, те, кто питается чужими трудами, разлучают супругов, пьяницы, немилосердные князья, епископы и патриархи, цари, не творившие волю Божию, сребролюбцы, наживающие деньги, беззаконники». Услышав это, пречистая Богородица заплакала и сказала: «О горе грешникам!» И добавила архистратигу: «Лучше таким грешникам и не рождаться!»

И спросил ее Михаил: «Отчего плачешь, святая? Разве ты не видела великих мучений?» И ответила пресвятая: «Поведи меня, чтобы я увидела все мучения». И сказал ей Михаил: «Пойдем, благодатная, куда хочешь, на восток или на запад, в рай, направо, или налево, где великие мучения?» И ответила пресвятая: «Пойдем на левую сторону». Херувимы и серафимы и четыреста ангелов услышали пресвятой слово и, повернувшись, вывели ее от востока в левую сторону, а около той реки была глубокая тьма; там лежало много мужей и жен. И вокруг kloкотало, словно в котле и словно морские волны разбивались над грешниками, и когда волны вздымались, то погружались грешники на тысячу локтей, не в силах сказать: «Праведный судья, помилуй нас». И непрестанно ели черви, и был слышен скрежет зубовой. И увидели пресвятую сторожившие грешников ангелы, и вскричали в один голос: «Свят, свят, свят, Боже святой, и ты, Богородица, благословляем тебя и Сына Божия, родившегося у тебя, так как спокон века не видели света, а сейчас видим свет благодаря тебе, Богородица». И снова вскричали они все вместе: «Радуйся, благодатная Богородица, радуйся, сияние света вечного, радуйся, святой архистратиг Михаил, молящийся владычице за весь мир, мы же видим мучающихся грешников и сильно скорбим».

Богородица увидела, что ангелы печальны и грустны из-за грешников, расплакалась пресвятая, и вскричали все в один

голос: «Хорошо, что вы пришли в эту тьму увидеть нас и наше мучение, помолись, пресвятая, с архистратигом». И, слыша плач и крик грешников, сама зарыдала, причитая и говоря: «Господи, помилуй нас», чтобы, когда кончила молитву, утихла речная буря и огненные волны и явились грешники, словно семена горчичные. Увидев это, заплакала святая и спросила: «Что это за река и волны ее?» И ответил ей архистратиг: «Это река вся смоляная, а волны ее все огненные, а те, кто в них мучается, это евреи, которые мучили Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия; это все народы, которые крестились во имя Отца и Сына и Святого Духа и, называясь христианами, веруют в демонов и отказались от Бога и святого крещения; здесь те, кто блуд творил после святого крещения с кумами своими, с матерями своими дочерьми, и отравители, которые морят людей ядами, оружием убивают людей и удушают своих детей, за свои дела и мучаются они так». И сказала святая: «Пусть будет так по заслугам их!» И снова залила их бурная река и огненные волны, и тьма покрыла их. И сказал Михаил Богородице: «Если кто попадет в эту тьму, не будет Бог помнить его». И сказала пресвятая: «О горе, грешникам в неугасимом пламени сего огня!»

И сказал ей архистратиг: «Пойдем, пресвятая, я покажу тебе огненное озеро, где мучается род христианский». И она увидела и услышала их плач и вопль, а самих грешников не было видно, и спросила: «В чем грех тех, кто здесь находится?» И сказал ей Михаил: «Это те, что крестились и крест поминали, а творили дьявольские дела и не успевали покаяться, из-за этого они так мучаются здесь».

И сказала пресвятая архистратигу: «Единственную молитву обращаю к тебе, чтобы и я могла войти и мучиться с христианами, потому что они назвались чадами сына моего». И сказал архистратиг: «Будь в раю». И ответила пресвятая: «Молю тебя, чтобы ты позвал воинство семи небес и все воинство ангелов для того, чтобы помолиться за грешников, и пусть услышит нас Господь Бог и помилует их».

«Жив Господь Бог, имя его величественно, мы поклоняемся Господу семижды днем и семижды ночью, когда хвалу возно-

сим Владыке и за грешников просим, госпожа, но нисколько нас не слышит Владыка». И сказала пресвятая Богородица: «Молим тебя, вели ангельскому воинству вознести меня на небесную высоту и поставить перед невидимым Отцом».

И архистратиг повелел, и появились херувимы и серафимы, и вознесли благодатную на высоту небесную, и поставили ее перед невидимым Отцом у престола; Богородица воздела руки к благодатному сыну своему и сказала: «Помилуй грешников, Владыка, так как я видела и не могу переносить их мучений, пусть буду и я мучиться вместе с христианами». И раздался голос, ей говоривший: «Как я помилую их? Вижу гвозди в дланях сына моего, и не знаю, как можно их помирить». И сказала Богородица: «Владыка, я не прошу за неверных евреев, но прошу милосердия твоего для христиан». И раздался голос, говоривший: «Вижу, что братию мою не помиловали, и не могу тех помиловать». И снова сказала пресвятая: «Помилуй, Владыко, грешников, помилуй, Господи, сотворенных твоими руками, потому что они по всей земле произносят твое имя, и в мучениях, и во всех местах по всей земле, говоря: “Пресвятая госпожа Богородица, помоги нам”, и когда человек рождается, говорит: “Святая Богородица, помоги мне”». Тогда сказал ей Господь: «Послушай, пресвятая Богородица, владычица, нет того человека, кто не молился бы имени твоему, и я не оставлю их ни на небесах, ни на земле».

И сказала пресвятая Богородица: «Где пророк Моисей, где все пророки и вы, отцы, которые никогда не грешили, где Павел, Божий любимец, где воскресение, христианская похвала, где сила честного креста, которая избавила Адама и Еву от проклятия?» Тогда архистратиг Михаил и все ангелы сказали: «Помилуй, Владыко, грешных». Тогда Моисей возопил, говоря: «Помилуй, Владыко, ведь я дал им закон твой». Тогда Иоанн вскричал, говоря: «Помилуй, Владыко, я твое Евангелие им проповедовал». Тогда и Павел возопил, говоря: «Помилуй, Господи Владыка, так как я церквям дал твое послание». И сказал Господь Бог: «Послушайте вы все: если по Евангелию моему или по закону моему и если по евангельской проповеди, которую провозгласил Иоанн, по посланиям, которые принес

Павел, судить – то такой суд и примут. И имеют ангелы, за что просить, только: “Помилуй, Господи, – праведны мы”». И сказала пресвятая Богородица: «Помилуй, Владыка, грешников, так как они Евангелие приняли и закон твой сохранили». Тогда Господь сказал ей: «Послушай, пресвятая, если кто-то из них сделал зло, но не покаялся в рабстве, – а ты верно говоришь, что они закону твоему научились, – и снова они сделали зло, когда не отплатили им за зло, что говорю – уже сказано, и воздастся им по злобе их». Тогда все святые, слышавшие Владыку, говорящего это, не сумели ничего ответить.

И увидела пресвятая, что никто ничего не сказал и Господь святых не послушал, но удаляет от грешников свою милость, и сказала пресвятая: «Где архистратиг Гавриил, который возвестил мне: “Радуйся, так как ты прежде всех услышала Отца, он теперь на грешников не смотрит”»; где великий, тот, кто носит город на вершине своей и на единой земле, а земля из-за гнусных человеческих дел раскололась, и послал Господь Бог своего сына, и утвердил земной плод? Где служители престола, где Иоанн Богослов? Почему не молитесь с нами Владыке за христианских грешников? Разве вы не видите, что я плачу о грешниках? Придите все ангелы и все, кто на небесах. Придите все праведные, кого оправдал Господь, вам позволено молиться за грешников. Приди и ты, Михаил, ты – первый среди бесплотных, стоящих у престола божия, – вели всем припасть к невидимому Отцу, и не подыдемся, пока не послушает нас Бог и не помилует грешников». Тогда Михаил пал ниц пред престолом, и с ним все лики небесные и все чины бесплотных. И увидел Владыка моление святых, смилостивился ради сына своего единородного и сказал: «Сойди, Сын мой возлюбленный, посмотри на моление святых и яви лицо свое грешникам».

И сошел Господь с невидимого престола, и его увидели сидящие во тьме, и возопили в один голос, говоря: «Помилуй нас, Сын Божий, помилуй нас, царь всех времен!» И сказал Владыка: «Слушайте все. Я рай насадил и создал человека по образу своему, и сделал его хозяином рая, и дал им вечную жизнь, они же ослушались и в своем желании согрешили, и предались

смерти; я не хотел видеть, как дьявол мучает творение моих рук, сошел на землю и воплотился в деву, вознесся на крест, чтобы их освободить от рабства и от первого проклятия; просил воды, а дали мне желчи, смешанной с уксусом; руки мои создали человека, и они положили меня во гроб, и сошел я в ад, победил своего врага. Избранных своих воскресил, благословил Иордан, чтобы искупить ваше первое проклятие, а вы пренебрегли покаянием в грехах своих. Христианами вы называетесь только на словах, а заповедей моих не соблюдаете – поэтому и находитесь в огне негасимом, и не помилую вас. Теперь же ради милосердия моего Отца, который послал меня к вам, ради молитв матери моей, которая много плакала о вас, ради завета архистратига Михаила и ради многих моих мучеников, которые много страдали за вас, – я даю вам, мучающимся день и ночь, покой от Великого четверга до Троицына дня, прославьте Отца и Сына и Святого Духа». И все отвечали: «Слава милосердию твоему».

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

(Перевод Л.П. Найденовой)

ХОЖДЕНИЕ ПРЕП. ФЕОДОРЫ ПО МЫТАРСТВАМ

Въ время то умре достойнопамятнаа Феодора, иже много преподобному служивши въ днехъ своихъ. Отнюдь по ней вси печялни быша, елико же духовныа любве к преподобному имяаху, понеже имяахуть ю исходатайцу к преподобному, якоже и с любовию всѣхъ приимаше, благими словесы всѣхъ утѣшаючи, повелѣваючи всѣмъ на благое. Всегда кротка убо бѣ жена, друголюбезна же, и милостива, и христолюбива, и цѣломудрена разумомъ, и проста нравомъ, и всѣмъ угождаючи.

Якоже рекохомъ, умерши ей, помышление прекословно въздвигохъ в сердцѣ своемъ о ней: которое улучи въздание в вѣцѣ ономъ, десное или шюее. И множицею молихся преподобному, да исповѣсть ми о ней. Он же не радяше исповѣдати о ней, понеже досадихъ преподобному. И не възхотѣ мене опечялити, сего ради въ единъ от дний рече к мнѣ: «Хощеши ли видѣти Феодору?» Мнѣ же рекъшу: «Гдѣ ю хощю отселе видѣти, святыи отче? Уже отшедши ей от временныхъ к вѣчнымъ». Блаженный же рече ко мнѣ: «Узриши ю к тому и

многотрудное свое помышление оставиши». Мнѣ же дивящюся: како и гдѣ ю мню видѣти? Зѣло бо жадахъ ея, якоже и она зѣло мя любляше.

Въ ту же ночь мало уснувшю ми, видѣхъ нѣкоего юношу, глаголюща ми: «Възвѣщаетъ ти, – рече, – честный отецъ: “Прииди вскорѣ, зане ити хошю, в них же пребываетъ Феодора сущи, аще желаеши убо видѣти ю”». Мнѣ же по възвѣщенію острѣе ускорившю, видѣхъ бо, яко пришедшю ми къ преподобному, в них же сам пребывааше, и не обрѣтох его. Выпрошающю же ми о немъ, рекоша ми нѣции ту сущи: «Отшел есть, глаголюще, сестру и преже слугу видѣти». Мнѣ же ктому изумившюся, нѣкто отгуду сказа ми и путь ми показаль, по нему же ми шедшю и достигнухъ онѣх. Идушю же ми по пути, мняхъ тѣмъ путемъ ити, иже къ церкви честныа Влахѣрны, реку же, Святѣй Богородицы. Идушю же ми, обрѣтохся вънезаапу къ высокоу мѣсту идуша, преходище всечестное. И прешедшю ми то, приближихся къ вратом, та же бяхуть зѣло утвержена. Смотрих же утръ скважнею, да некли кого видѣти възмогу. Видѣхъ же зѣло двѣ женѣ краснѣ сѣдящи. Възгласихъ едину от нею скважнею, рекох к ней: «Госпоже и сестро, чий есть домъ сий?» И отвѣщавши, рече ми: «Преподобнаго отца нашего Василиа». Радому же ми убо бывшю, рекох к ней: «Здѣ ли есть, госпоже моа, преподобный отецъ нашъ Василий?» Она же рече ми: «Здѣ бысть, брате. По малѣмъ же отшествии пришед здѣ да посѣтитъ чядъ своихъ». И рекох к ней: «Убо молю ти ся, отверзи ми, да вниду, яко и азъ чядо есмь преподобнаго отца Василиа и недостоинъ есмь». И рече ми она: «Никогдаже бо ты прииде сѣмо иногда или киимъ образомъ, не знаю тебе. Како ти отверзу врата и отиду отсюдѣ? Ибо бес сѣвѣта преподобнаго или повелѣниемъ госпожа Феодоры не могу сего сѣтворити». Мнѣ же молящюся ей и з дръзновениемъ толкушю: «Отверзите врата, да вниду».

Феодора же, внутрь мятеж слышащи, къ вратомъ приближися, хотящи вину увѣдѣти, и не вѣдящи, якоже странень нѣкто у вратъ пребываетъ сварящися, рече, смотряше изоутрь, хотящи увѣдѣти, кто и откуда прииде. И якоже мя узрѣ пред враты стоаща, острѣе множицею възглашаше женамъ: «Отвръзѣте, ибо възлюбленный сынъ се есть господина моего». Они же вскорѣ отвръзоша. И възиде в срѣтение мнѣ, иже въ блаженнѣй обители пребываетъ, вся бо радостию неизреченною исполнена, яко часто видяхъ. Цѣловаше же, обиемлющи мя, и приимаше мя любезнѣ, и радовашеся, милостнѣ глаголаше: «Кто тя сѣмо присла, сладкое мое чядо, и паче от мира сего к невечернему дни сему цы уже преставилься еси, яко сѣмо прииде?» Мнѣ же чюдящюся, что есть, о нем же ми бесѣдуетъ, якоже бо не мняшет ми ся, якоже въ ужасѣ и в видѣнии вижду видѣние. Рекох к ней: «Госпоже моа, аз ти не умрох и еще бо молитвами преподобнаго отца Василиа в мирѣ сем пребываю. Тебе же ради приидох сѣмо и достигохъ, желаниемъ бо желях видѣти твое лице от того дни оставила еси нас, и не вѣдѣ, камо прешла еси, како бо пребываеши, како нужду смертную преиде, како духи лукавыа преиде, како видяше, онѣхъ злокозненное пронырство. Видяхъ бо по ряду о сихъ в малѣ нѣкоемъ преже мало възвращаа житие свое».

Она же отвѣщавши рече мнѣ: «Что ти имамъ рещи, о чядо, о сихъ? Не изумѣюся, яже по дѣломъ моимъ вся злаа ми и лютаа присрѣтоша мя. Заступлениемъ преподобнаго отца нашего Василиа тяжкаа легка ми быша, и лютаа и сопротивнаа – права, и, просто оному заступившю, сключьшаа ми ся вся злаа на благое преложишася, благодати помиловавши нас. Егда бысть ми умрети, чядо, како могу исповѣдати смертныа труды, каку бѣду имуть, каку нужду и колику горестъ от бесчисленна болѣзни и стужения лютаа. Дондеже изыдетъ душа от тѣла, толикаа болѣзни стужаетъ си умирающи: яко нѣкто обнаживъ все тѣло свое и възляжетъ на угли горяща, множество прострених на

земли, и помалу ислѣбеть огненымъ жежениемъ, и горцѣ тръпить. И тако ктому раставаяся разидется и отрѣкается душа – тако есть смерть горка, о чядо, и, свѣдѣтель Господь, паче подобныи мнѣ грѣшник. О праведницѣ же, како есть и бываетъ, не свѣдѣ и азъ бо окааннаа иже грѣхом жилище бывах.

Егда бо душу извлачях, видяхъ чистѣ множество ефиоп синихъ, окрестъ одра моего мятущаяся и мльву творяща, рыкающе, яко пси и волцы дивии, яко море горкое грозящесе и зубы скрегчюще, бѣсящесе, въпиюще, яко свинии, испытующе дѣла моа, хартию вынимающе, другое оклеветаниемъ черниломъ написавше. И сквернена, и темна лица ихъ, их же видѣние токмо бысть, яко видѣние геона огненаа, тии сквернии, сихъ убо лютыхъ не могуще зрѣти. И не доволна ми бяшетъ си горестъ смертнаа, но имяхъ сихъ бѣду, что убо будетъ. Вращаючи ми ся сѣмо и онамо и от скверненаго видѣния и инде умнаго зрѣния мечуща, не хотяхъ зрѣти ни слышати нечестивыхъ крамол.

Видѣхъ от преславнаго онога нѣкаа два юноши пришедша ко мнѣ, златы власы имуща на главѣ украшенѣ, бѣли, яко снѣгъ, краснѣ зѣло, сладцы вельми на видѣние, облечена же бяше в ризу, яко в молнию. Предста же на десное и ста ста близ мене, втайнѣ к себѣ бесѣдующе. И глагола единъ от нею к синцемъ онѣмъ: “Бесстуднии и темнии, злии, проклятии и злобнии! Коя ради вины имѣете сего по обычаю лукавнѣ нападающе на всякого человекъ житие, възстающе на мя и блядуще мятущесе, и плищюете злѣ шумяще? О губителіе дивии, безумнии и несытии, и христоненавистницы! Не вельми радующесе, здѣ бо ничтоже не будетъ вамъ, нѣсть вамъ чясти ни жребиа. Едино токмо, еже стекостесе и отидете натщсе”. Си ему глаголющю о них же, еже сътворихъ от уности моя или дѣломъ, или словомъ, или помышлениемъ, выношаахуть на среду и въскликоша, поистиннѣ, яко безумнии нѣции, яко похаби, глаголюще: “Ничтоже не имамаъ, глаголюще? А сий

грѣхъ кто сътворилъ есть от юности своя?” Сихъ и инѣхъ блядуше, ктому ждахуть смерти.

Прииде бо и то. И бысть видѣниемъ яко левъ рыкаа, другойцы же яко юноша суровъ и бѣсяся. Оружиа всякаа нося и мечя, серпы, и пилы, и секиры, рожны и теслы, и ины многи пристроа, имже казнить различными образы на единого кождо смерть на всѣхъ. Видѣвши убо убогаа душа мучителя того, страхомъ обиата бысть. Глаголють убо ему юноша оны: “Что стоиши? Разрѣши съуз, тихо приими, не убо много имать тяжкий грѣхъ”. Пришед бо с малою секирою прикоснулся ногамъ моимъ и потом к рукамъ, и вся съставы моа испроверже, и исторже ми ногти. И абие убо умрыщвени руцѣ мои и нозѣ мои. Не имяхъ ся имущи руцѣ мои и нозѣ. Аз же, чядо, от горкиа болѣзни умрыщвена быхъ. Пришед убо паки усѣче главу мою, и ктому не можахъ двинути главы моя, чюжи бо бяахъ. Потомъ же раствори в чяши не вѣдѣ что, вдавъ ми пити нуждею. И, якоже испихъ, тако бяаше горко, о чядо, якоже въздриновена бы душа нуждею страшною и отиде от тѣла. И убо уноши они краснии, отшедшеи от неа, въ одеждахъ своихъ хламидныхъ приаша ю. В сердца бо, о чядо, чловѣку вся възлежить душа и в разумѣ духъ. Якоже бо мя приимшеи они краснии, видѣхъ тѣло мое, идеже лежаше, бездушно и умрыщвено, неподвижимо и неключимо, чюдящися и дивящися, якоже нѣкто совлечетъ риз своихъ и положить на одрѣ своемъ, и той станеть, зря ихъ. И глаголахъ ти, о чядо, како истовѣ увѣдѣхъ аз, яко тако строатся убогому чловѣку.

Якоже убо ктому дръжаахуть аггели Божии, обѣступиша тѣхъ темнии они, повѣдающе прегрѣшениа ихъ. Аз же имяхъ слово въздати онею. Пытающемъ же онѣмъ ктому, или есть у мене дѣло благо. И обрѣтаахуть благодать Господню, и сиа избираахут: или коли напоихъ чяшу студены воды или вина, или коли шедши посѣтихъ больнаго, или в темницы, или страннаго в келию свою введохъ или накормихъ, или коли сътворихъ стопы к церкви идущи помолитися, или коли вѣльяхъ

масло въ кандило на посвѣтъ святыхъ и честныхъ иконъ, или коли смирихъ гнѣвъ имущаа межю собою, или когда пролиахъ слезы ко Господу Богу моему, стоащи на молитвѣ моей, или коли лаяша ми, и претръпѣхъ, или коли умыхъ нозѣ братии, яко огонь полящи и смирение ми любяще, или коли слабаго утвердихъ, или коли малодушнаго утѣшными словесы утѣсихъ, или кого когда възвратихъ от грѣхъ да не сѣгрѣшитъ, или коли страннаго введохъ суща духовна и полезна, или коли поклонихся Господеви моему покаяниемъ и паче въ дни святаго пощения и отвратихъ лице свое от всякого оклеветания, и лъжа, и оболганна, и от лъжеклятиа, или что праведно сътворихъ на томъ свѣтѣ. И събирающе же та, извѣсяхуть противу моимъ сѣгрѣшениемъ, и от кождо ихъ искупахуть ю. Сихъ онѣмъ прилежащимъ, велми мя ефиопи они клеветааху, противящимся аггеломъ Божиимъ.

И сему тако бывающю межю тѣмъ, внимаа узрѣхъ, се господинъ мой святой Божий Василие предста тѣмъ Духомъ Святымъ, рече краснымъ онѣмъ юношамъ, иже по мнѣ подвизаахуся: “Господие мои, та душа мнѣ в наслѣдие бысть, мнѣ бо поработа по вся дни и часы. Помолихся Господеви о ней, и Господь ми дарова ю. Приимете обаче сию – симъ искупит вся долги достигающи, егда миновати ей мимо мытаря”. Вынявъ из нѣдръ своихъ, вда обѣма уношама яко нѣкаку керстицу червлену, полную злата имущю, и рече к нима: “Аз благодатию Господнею богатъ сый зѣло по духу Господню бываа, сиа же от труда и пота моего искупих”. Сиа убо рекъ, въдавъ даръ и отиде. Они же убо реченнии бѣси, видѣвше, удивившася, въскорбѣвше на многъ часъ и убояшася, въплъ же всепечальный, имже не получиша, и отбѣгоша. Сим же отбѣгшемъ, се прииде господинъ мой, сосудъ масла чиста исполнена суща приносяща, повелѣша убо, и отворишася кождо сосуди они. И уноша ты възлиаша на главу мою, и быхъ исполнена масла, и очистися лице душа моя зѣло, и смотряхъ свѣтло и чисто, и радости

бысть духъ мой исполнен. Рече избранный общій отецъ нашъ Василий иже мене хотяше свести: “Господие мои, егда достойнаа на души той скончяете, на мое устроение от Господа божественаго покоа ту, и сию съхраните”. И, се рекше, отидоша от лица мене носяще. И вземше убо они краснии юноши, и отступивше ногами своими от земля, яко облакъ или корабль по морю, тако к восточному пути на въздусъ мене носяще, идяхуть на высоту невъзвратно.

Начяток первому мытарству. Усрѣтохом, еже творяхуть оболгание, их же бысть съборъ ефиоп черныхъ нѣкий. Старѣйшина от нихъ с лукавствомъ многимъ пресѣдяше. Достигшем же намъ, стахомъ. И свѣдѣтели праведнаго суда, о чядо, их же яко чловѣкъ оклеветахъ и коли и въ которомъ часѣ в мирѣ оном, обличяхуть предъ лицемъ лукавнующе. Откуда си увѣдѣвше, не вѣдѣ. Отрекшимъ бо ся намъ, онѣмъ же поистиннѣ облыгающимъ мене. Носящимъ от святаго онога одарения, еже ми отецъ мой вда, преподобный Василие, и абие минувше, и на вышнии преидохом.

Потомъ же доидохом втораго мытарства, еже бяхуть суще оклеветание. И ту же подобна быша первому мытарству: от блаженнаго дара въздавшимъ намъ, безъ бѣды и сихъ минухом.

Идущимъ намъ напред, бесѣдовааху к себѣ мене носяще: “Молитву въздати, – рекуще, – убогаа сиа душа о угодницѣ Божии Василии, яко велиа ей благаа съдѣа, понеже быхомъ нужду велику достигли, начяла и власти тмы преходяще”.

И якоже си бесѣдующе, доидохом третиаго мытарства, еже бѣ зависть. Благодатию же Господа нашего Исусъ Христа ничтоже не имущемъ суетнымъ онѣмъ оклеветати мя, ибо не помняхъ, коли кому завидѣхъ. Радующесея, и сихъ лукавыхъ минухом. И скрежетаахуть на мя они скверноличнии ефиопи, якоже мняще ми, якоже в той чяс мене и мене носящихъ яко живыхъ въ гнѣвѣ пожрети.

Еще убо намъ на высоту идущимъ, постигохомъ четвертое мытарство, еже нарицается лъживыхъ. Бяхутъ бо ту ефиопи

събрани мнози, их же лица суетна и нелѣпотна зѣло. И старѣйшина мытарства удивленъ зѣло и предсѣдѣя въ льстехъ. Видѣвше же насъ, скоро противу намъ вѣсташа. И дошедшимъ намъ до нихъ, мятяхутся проклятии, и приносяще на ны всяку лжу, и на мя нѣ с коимъ възвѣщениемъ повѣдающе име, иже коли яко от несмысленыхъ женъ сѣлгахъ. И сътворивше доволнаа иже мене водящей, и тако скверныа минухом молитвами и молениемъ, иже мою худость помиловахъ.

Еще намъ идущимъ напред, достигохомъ пятого мытарства, болий соборъ ефиопъ имуще, иже нарѣкашется ярость и гнѣвъ и съ гнѣвомъ ярость, иже окрестъ себе повелѣваашет. Онѣмъ же съ гнѣвомъ изьядающимся самѣмъ, яко пси нѣции ядовитици. Якоже убо приидохомъ к тѣмъ, развращена намъ съ гнѣвомъ и яростию отвѣщаша, да еще казни ради, или на чядо свое, или на кого иного разгнѣваахся или прогнѣвание имяхъ, то и та исповѣдають лукавнующе обличяаху, или что з гнѣвомъ и съ злопоминаниемъ гнѣваахся и прогнѣвахъ. Яко море горько и злѣ волнующеса, тако въздаахут ми, ярящеса на мя. И приношахуть по именемъ посредѣ и тѣхъ, ихже прогнѣвахъ, яко чловѣкъ, яряся на мя, и та словеса, яже тогда срекохъ, на негоже враждовахъ, и того чяса и того дни, часто представляюще. И отвѣщаючи к симъ достойнаа възлюблении они юноши, иже мя защищахуть. И отшедше оттудѣ, на високий въздухъ идяхомъ.

Идущимъ же намъ, достигохомъ шестаго мытарства, иже нарицается гордыни. И ищущимъ онѣмъ оклеветати мя зѣло, благодатию же Божиєю не обрѣтоша ничтоже. Аз бо во ономъ вѣцѣ раба худа бѣхъ, а кому ся бѣхъ хотѣла гордѣти. Преидохомъ бо и сихъ, ничтоже плативше тѣмъ.

И еще нам идущимъ, достигохомъ седмаго мытарства, еже нарѣкашется буюслобие, и срамослобие, и безстуднаа словеса. Усрѣтоша ны властели мытарства издалеча, зѣло нудяще ны въздати суд. Приближихомъ бо ся убо к нимъ, и обличяахуть мя,

еже въ уности моей блядослова съдѣхъ, елико же пояхъ срамныхъ, прикладываахуть ми, окааннии, лаанна ли или играюще срамословие, острѣ приводящи на искушение. Поистиннѣ снца бывша свѣдѣтельствующе, яко бояти ми ся, сих слышащи. Како бо сиа вѣдяхуть, окааннии? Ихъ же и сама аз по толицѣхъ лѣтѣхъ забыхъ минувшихъ. По достоинству бо симъ въздавше слово, идохомъ путемъ своимъ на выше идуще.

И достигохомъ осмага мытарства, еже нарѣкаашеся лихва и леть. Слуги убо мытарства того истинну о мнѣ испытывше, ничтоже обрѣтоша лъсти ради и, не могуще обличити, остряхуть на мя зубы. Мы же, отшедше оттуду, путь свой далний шествовахомъ въистинну далече числа человѣкъ не имущи.

Доидохомъ паки девятаго мытарства, иже нарѣкаашеся уныние, сирѣчь тщеславие. Мнѣ же к тѣмъ ничтоже не имущи испытывше, преидохомъ вскорѣ.

И доидохомъ десятаго мытарства, еже нарѣкаашеся сребролюбие. Голка бысть в мытарствѣ паче инѣхъ мытарствъ. И в семь бо всякого человѣка ловять окааннии они и, в нихже вселяющеся, нудять я се творити, и паче иже на въздухъ въ всѣхъ иже старѣйшинство имуще творять. Испытывше и ти, въ мнѣ ничтоже не обрѣтоша, гдѣ бо у мене бысть злато, да быхъ имѣла к нему любовь.

Якоже убо и ты минухом, и достигохомъ иже въ пианственое мытарство. И стоахуть слуги того мытарства отдалечя, якоже волцы хищницы, всякого хотяще пожрети, проклятцы. Онии же убо носяще мя, якоже убо вдано есть, яко пытаются душа мимоходяще от князь власти тмы въздушныа. На то мытарство приидоша, нападше убо на ны горцыи они испытницы и мытоимцы и тычяша, яже в животѣ своемъ испихъ, в число и в мѣру имяахуть, речяхуть убо ко мнѣ: “Не испила ли еси в семь мѣстѣ селико чяшь? И уписа убо в сей день и в празникъ при сихъ? – и сего нарицаючи. Не упилися, не испили селико чяшь, егда к онсии еси дошла, егда тя усрѣлъ онси?” И вся ми о томъ сотворивши, нари-

цаахуть, хотяще мя исхитити от руку носящих мя, рикающе. Елико же вѣщааху, истинна бяхуть. Множицею бо якоже посредѣ житиа сущи, и ако едина от человекъ сущи, другу нѣкоему приходящу, излиха испивахъ с нимъ купно и абие упиваахся. И что потомъ, – вѣдающе и симъ мои добрии вожди должное испкупити грѣхи моа, и изшедше, идяхомъ.

И бесѣдовааху ко мнѣ святии аггели, вѣнегда идяхом, рекуще къ мнѣ: “Видиши ли, каку бѣду имуть преити сих начяль князь темныхъ въздуха сего?” Аз же рекох: “Ей, господие мои, многи нужди и бѣды бывають. Да кто сиа възможесть преити без бѣды и без мятежа? И мню бо, господие мои, никтоже в мирѣ ономъ, отнюду же изидох, что здѣ бываееть, не вѣдают отнюдъ”. Рекоша они: “Вѣдаемъ и мы, якоже не вѣдуще, что ся здѣ дѣееть. Но аще быхъ чистѣ вѣдала о сихъ, то много ся быхъ попекла о сихъ грѣсѣхъ, паче же и о милостыни, та бо много поможеть здѣ, и ктому противилася бы противу злымъ, испупилися быша, егда умирають, и сего ради преидуть духи. Но понеже не свѣдаютъ и живут в лѣности, потомъ же приходять вся та на ня. Да горе тому, иже не имать добраа и духовна. Да крѣплии будеть на кровопицца, сиа достигаа и преходя, вѣнегда мимоидеть”.

Сиа намъ бесѣдующимъ, доидохомъ вторагонадесяте мытарства, иже нарѣкашеться зловѣспоминание. И достигшимъ намъ, и к тѣмъ проклятымъ дошедшимъ, яко лукавии разбойницы скоро пытааху, егда что обрящютъ въ своемъ лукавѣмъ свитцѣ написано о мнѣ, да възмогутъ мене обливовати. И по молитвѣ святого и преподобнаго отца нашего Василиа ничтоже не възмогоса обрѣсти и посрамишася лукавнии, ибо ласкова бяхъ въ ономъ мирѣ къ всѣмъ зѣло, любовь имущи и к малымъ, и к великимъ, яко и ты лѣплѣ свѣдаеши, о чадо. Ничтоже ми сотворши, якоже речено, ни в семь имущи мене обиати, оти-

дохъ посрѣдѣ ихъ, ничтоже от тѣхъ не приимши. И на прочее идяхом.

Идушим же намъ, въпрошаахъ ведущихъ мя: “Господие мои, молюся вамъ, ползу ми сътворите о семь словеси: о како сии вѣдаютъ сиа дѣлающе безаконие, коль далече суще, что мы, человекѣцы, въ ономъ вѣцѣ творимъ, бесчисленное удаление между собою имуще?” Рече единъ от нихъ къ мнѣ: “Не вѣси ли, якоже всякий христианинъ лукаваго аггела имѣеть с собою и въслѣдъ его послѣдующа и вся дѣла его злаа написающа? Тако же имущему благому благихъ дѣла, имже образомъ лукавнии, и тому пишущю вся. Елико же знаменаютъ лукавнующии въ ономъ мирѣ коегождо христианина грѣхы. И абие различаютъ грѣхы, кожеждо мытарства достоинство посылаетъ, да и онии же написущи я. Егда въсходитъ душа, и кожедо ихъ имѣють нѣчто в себѣ, им же възмогутъ препрѣти ихъ и възвратити а в бездну, иже не имуть дѣлъ благихъ. Егда мимоходя хочеть исповѣдатися, аще бо наша добраа дѣла умалятъ, егда по правдѣ препирають нас, вънегда та сравняются с вѣсиломъ испуающе грѣхы, и мимо идем. Ибо, якоже речено, не имущемъ намъ дѣлъ праведныхъ, къ антихристовѣ злобѣ нас исторгающе, но от рукъ нашихъ биюще, въ бездну ю посылаютъ и заключающе въ тмѣ и сѣни смертнѣй до Страшнаго онога неотрочнаго суда. И такимъ образомъ елико же творятъ сьгрѣшающе в мирѣ ономъ”.

И тако водящимъ мя бесѣдующимъ, мнѣ же дивящимся, достигохом третиаганадесять мытарства, еже нарѣкашется чародѣйство и потвори, волхование и обавникъ, и подобнии имъ. Бяху воловнии дуси, иже в томъ мытарствѣ, змиини, и змиеви, и единорогимъ образу подобящися, их же видѣние тма и поползение. Горести бо бяху всякоа исполнени. И не имущемъ имъ оболгати мя, минухом и тѣхъ, ничтоже ихъ мнѣвъше.

Паки же убо начях въпрошати водящих мя: “Господие мои, молюся вамъ, всякъ грѣхъ, иже сотворить человекъ въ мирѣ ономъ, всякому ли въздати слово отсюда отшедши, егда умереть, о тѣхъ, иже сотвори? Вижу бо, како мене и въмалѣ пытаются, и дивлюся”. Рекоша они ко мнѣ: “И всѣмъ не тако. Аще бы ты исповѣдала грѣхи своа духовному своему отцу, было ти епитемию приемши и послужила бы тѣмъ, да егда бы скончала та ти, тогда бы приала прощение от Бога и отца твоего и мытарства злаа и пагубнаа прешла бы нынѣ бес пакости, нико-муже не могущую рещи слова на тя. Егда бо исповѣсть кто во оном мирѣ грѣхи своа и ктому дасть себе на покаание, и отдасть ему Богъ, елико же будетъ согрѣшил, и ктому будетъ свободенъ, приим самъ невидимо оставление свое. Сии же в мытарствѣ бѣси, имуще сихъ безакониа в свитцѣхъ своихъ написавше, скоро отвивающе, яже написана, ничтоже ихъ бяху написали ни знамена от нихъ могуща обрѣсти, ибо Святой Духъ невидимо заглади ихъ оттудѣ. Вѣдаютъ бо иже въ мытарствѣ вси, якоже исповѣданиемъ загладишася, и скорбятъ, не улучивше. Дивно бо есть покаатися преже смерти. Аще кто не упразнится покаатися, погтааетъ прежняя своа съгрѣшения, мнится въ покаании преставъ от грѣхъ, иже не покаются, здѣ имже видиши и твоа испытана”.

И тако намъ бесѣдующим, достигохом четвертагонадесяте мытарства, иже нарицашется чревообиадение. И от того мытарства изыдоша нѣции толсти и тучни, дивии, злии суще, большии бо суще, нежели прежнии. И сии обличяхут мя, како ядях от юности моя от утра имже образомъ и свиниа, не вѣдающе о горцѣмъ семь мытарствѣ, како ядяхъ в говѣние от перваго часа, не сотворивши молитвы, якоже ядяхъ всегда вси в велицѣхъ пространствѣ, завтрокающе и обѣдующи, сирѣчь и полуднующе, и вечеряюще, объядающеся чреву обиадениемъ. Сиа вся обличяху и поносяхутъ ми, искушахутъ пожрети мя,

рекуще: “Въ крещении убо своемъ рекла еси и обѣщалася еси, отмѣтающеся сотоны и всѣхъ дѣлъ его. И како нынѣ по страшныхъ обѣщаниихъ онѣхъ и потомъ творила еси прегрѣшения?” Въдавшимъ убо намъ и тѣмъ должное и искупивше прегрѣшения моа, онихъ же препирахутъ мя, преидохомъ и то скверное мытарство.

Достигохомъ пятогонадесять мытарства, иже нарицается кумиролужение и всякоа ересе. Тѣмъ, иже с ними любовь имуще, испытахутъ тамо тако. Никакоже убо к симъ о семь възвратихом, ничтоже бо ти ко мнѣ о томъ имяхуть. Егда же в мыши и въ свиниа дивиа превращахуся, имуще величества долготу, якоже кити страшнии. И смрадъ страшныйъ сущъ окрестъ ихъ зѣло, и в сласть имяхуть смрада того, почивающе в немъ. Многи бо души, глаголахуть, привлекающе, всегда творяще тѣмъ подобнаа и умирающе, тѣмъ тамо хотящимъ преити, да поклонятся престолу благодатному, сущу позорищу идольское скверненаа и учюжденаа от всякаго благаго видѣнннн бываахут. Якоже разумѣвше, якоже женский духъ, ничтоже не имяхуть пытати. Се токмо испыташа въ мнѣ, рекуще, егда когда уна сущи, сверстницѣ своей отроковицы любовь имущи, въ единой постели нощию почивающи, яко женский ложественный грѣхъ сотвориши обою. Ничтоже в томъ тѣмъ обрѣтшимъ, и отступихомъ отгуду от скверныхъ тѣхъ.

Доидохомъ шестогонадесять мытарства, уже приближающеся къ вратомъ небеснымъ, ктому иже нарицается прелюбодѣйство испытанннн. Бѣси же скоро нас усрѣтоша, пытахуть, тщание крѣпко имуще. И еще блаженному не пришедшу к намъ, съ другомъ своимъ пребываахъ в невѣжествѣ, ничтоже намъ в томъ не имущемъ, юномъ сущемъ, прельстившиися, падохъ. Сего ради онѣмъ вельми мя препирающимъ. Водящии же мя вельми противляхуся, рекуще: “Не от иерейъ благословилася”. Сиче убо межю собою прѣвшимся, побѣдиша мои. Ничтоже имъ не вдаше, мимоидохомъ. Рекоша же они

иже в томъ мытарствѣ суще: “Аще и нас преидосте, но вышнихъ не преидете, достигшимъ блуднаго мытарства”.

Идушимъ намъ тамо, достигохом седмагонадесяте мытарства, иже нарицашется убийство. Въ нем же бѣ всякое убийство и всяки раны или биение, или ино что, въсхищение или неправда от ближняго бывши. И истязаютъ бѣси, егда мимоидуть душа. Малы преобидѣвше нас и о сихъ, якоже множицею, и еще не в смыслѣ ми сущи, вражду сотворихъ жива сущи въ уности своей или коли за власы имшися с кѣмъ.

И потомъ оттуду идохом, достигохомъ осмагонадесять мытарства, иже нарицашется татьба. Тому к намъ пришедшу, подробно пытахуть. Мало насъ истязавше, мимоидохом.

Прешедше и тѣхъ, доидохом девятагонадесяте мытарства, уже къ вратомъ небеснымъ приближающесе, и то бысть блудный. Князь же убо того мытарства в ризу бѣ оболчень, гноищемъ помазану, и кровию окропленъ, и крашашесе ризою своею по безумию своему, мняше бо нѣчто благо имѣа. Той же стоа противяшесе аггеломъ Божиимъ и с ними пряшется скверныхъ дѣлъ ради о всякомъ недостоинствѣ и о совокуплении блуднѣмъ, выну смѣшающися и в томъ пребывающе крѣпко. Слуги его вскочивъше и нас усрѣтоша, зѣло испытаахут ны о моих дѣлѣхъ, иже во уности моей, посредѣ покладааху, со мнозѣмъ дръзновениемъ обличяюще мя и поносяще. И тѣхъ мужьскихъ имена, с ними же многажды, егда бѣхъ млада отроковица и въ игрѣ, страстовах с тѣми прироки и образы, и всѣхъ исповѣдааху, възвѣщающе. И имше мя и въсхитиша, хотяше съврещи долу. Много аггеломъ глаголючимъ, якоже преста, рече, и по чину и умолчя от всякого зла. Ти же рекоша проклятии бѣси: “Якоже, – рече, – преста и умолче, вѣдаемъ. Но обаче таи, и наша съхранена быша в ней, понеже любляшеть нас и не обличяшеть дѣлъ нашихъ покааниемъ никому же на земли. Се мы обрѣтаемъ, якоже не исповѣдалася естъ, ни поработа епи-

темии, ни приа же оставления ни у единого же мниха от служебника его, иже въ свѣтлость ту облъченъ иже на очищение бесчестное. Обрѣтаемъ ту, никако же по закону покаанию прилежавши. Да уже оставите ту нам, а вы идѣте. Что вамъ помощъ, досюдѣ пришедшимъ, тоа ради и дѣль ея лукавыхъ, аще имате дѣло благо всегда?” Ангели же Господни, вдавше им равно извѣстно от добраго дѣбаниа блаженнаго избавления ради душа ея, иже бѣ той себѣ стяжалъ, яко мнѣ от нихъ с показанием оклеветаемъ, въземше мя, отидоша. Скрежетаху же они зубы своими на мя, страшнии они и сквернении, якоже избѣжавши ми ихъ, дивящимся тѣмъ, кто мя одари божественными тѣми дѣлы, ими же откупаахъ безакониа моа от нихъ и не повиновахся имъ.

Идущим же намъ, рекоша ангели Господни ко мнѣ: “Видиши ли мытарство се, иже преидохом?” Мнѣ же рекущи: “Ей, видѣхъ”. Рекоша ко мнѣ: “Мало душъ отсюда избѣгають бес пакости, зане сущо суетному оному миру любоблудному, прелюбодѣйному и грѣшному. Всяку бо душу се мытарство въ единомъ приимаетъ и низлагаетъ, им же оскверняются в нечистоты блудныа, и низлагают ю в бездну. Ту же заключаютъ ю въ тмѣ и сѣни смертнѣй до страшнаго пришествиа Господа нашего Иус Христа. Ты же благодатью дивнаго оногo старца се убѣжала еси сих. И хвалящимся бес числа, якоже “Мнѣ, – рече, – исполнити имъ геону огненую, занеже душу прилежавшую нечистотѣ и блуду и повиновшися князю тмѣ и властелю сему мытарству блудному”. И се удалѣ и симъ, и ктому не узриши зла, якоже помилова тя Господь и угодника его ради Василиа”.

Сице тѣмъ исповѣдающимъ, достигохом другаго мытарства, ему же бѣ имя немилосердие. Ту бо вси немилосердии, и вси скупии, и неблагосердии челоуѣцы горцѣ от нихъ испытываеми. Егда вся заповѣди Божиа исправиши, и будеши немилосерд

сердъ и немилостивъ, и ключить ти ся умрети, вся убо мытарства бес преткновения преидеши, аще и въ всѣхъ вреда не приимеши, то егда к сему достигнешь, абие того ту удержатъ горцыи того мытарства местницы и мытоимцы, и ако немилостива и немилосерда биють и въ мрачнѣмъ затворѣ адовѣ затворяють до общаго всѣхъ въскресения Богу, не милующю ихъ инѣхъ ради добродѣтелей. Якоже не вда убогому когда уломка хлѣба, ни мѣдницы брату нищему николи же, зане же не посѣти в болѣзни лежаща и в темницахъ и елико симъ подобнаа зане же не сотвориша, убо имуще скупость, и сребролюбие, и немилосердие, и немилостыню утѣшну показующе. Сия бо ми аггели Господни о томъ мытарствѣ ясно исповѣдаша, якоже рѣхом. И достигохом сего мытарства. Старѣйшина мытоимства того отнюдь тонокъ, и зѣло иссохшъ, и вельми грыжавъ, якоже страсть немилосердия и скупость, немилостыня тацѣмъ образомъ и тацѣмъ студомъ себе преображашетъ пагубный. Ибо немилостивии челоуѣцы, егда кто от убогихъ еже что от него испроситъ, абие грызетъ по обычаю, яко страсть имѣ, и отметається вопросу. Тацѣмъ образомъ нечествовашетъ пагубный онъ и звѣрообразный. Намъ же к мытарству дошедшимъ, слуги же его, иже ту бяху совокуплени, скоро пришедше дѣлъ ихъ взыскааху испытывающе. Ибо множество милостыня сътворивши: егда вдавши ми укрупъ убогому, овогда же мѣдницу, или воды чяшу, или вина душа моя ради спасения просто, яко сила моя можааше. Радость ми тамо въсприимши, веселящися от нихъ, и внутрь врата небеснаа внидохъ. Ничтоже бо не возможе насъ от правыхъ възбранити.

Врата же небеснаа бяхуть яко обличие крустала свѣтло свѣтящася. И окрестъ ихъ красно, яко от звѣздъ свѣтлыхъ или инога нѣкоего свѣта, яко обличие злата имущи украшена и лѣпотна. Уноши же у вратъ въ златѣ одежди, молниєю препоясани, и нозѣ ихъ украшены огнемъ непостоаннымъ свѣтломъ. И тои веселящеся и приять насъ, радуася, яко же избѣже от насъ

душа бес пакости горкихъ онѣхъ мытоимствъ тмы въздухъ, болеславляху Бога. Идущим же нам внутрь небеса вод множество, иже бяше над твердию, идущи преидохом, ибо бысть яко раступающися и бѣжащи от лиц нашихъ напред на страны, и назади же совокупляющеса.

Прошедшем же намъ тѣхъ вод, иже над твердию, приидохомъ къ въздуху нѣкоему страшному и недоумѣнному. И на томъ покровъ златъ блестящъ, страшнаа пространства ефера оного въ пространствѣ противящеса. Бяхуть бо на томъ покровѣ уноша нѣкои лѣпотны, имже не бѣ числа, огнемъ облечени, яко же блескъ солнечный, идуще на запад. И власи ихъ, яко молния, ноги ихъ бѣлы, яко млеко, лица же ихъ яко снѣгъ, и паче сторицею свѣта сладчяе зѣло свѣтящеса. И узрѣвше убо мя въ руцѣ носящихъ мя честныхъ аггель Господнихъ, идуще спутьшествоваху, осклабляющеса и веселящеса играху, радующеса о мнѣ, яко же, рече: “Приимшо ю душу въ чяс на спасение въ царство небесное”. И с нами идяху, поюще пѣние сладкое, занеже идяхом поклонитися огнеобразному престолу Божию. Идущим намъ, и облакъ, не яко облакъ поднебесный, но облакъ образомъ, яко цвѣтъ рдящъ, паче сихъ сторицею свѣтлѣе. На единой странѣ взята облакъ, якоже завѣса нѣкоа бѣла, яко свѣтъ, и та премѣнися. И се подаль дворъ златъ долѣчный ми свѣтѣя, многошарный, и в златѣ славѣ различными образы сияюща, и сладко веселиа ныня отшедши от тѣхъ. И се въздухъ огнеобразенъ, и благоухание Господне мастно и сладко.

И прешедшимъ намъ мало, узрѣхомъ, и се на высотѣ въздуха бысть бес числа зѣло престол Божий, престоль бѣлъ и многоукрашенъ, сиание блистаа паче и просвѣщаа предѣлы и препитаа вся, иже ту стояти достойни. Окрестъ бо престола Божиа златочистыа уноши высочество, яко кипариси, в качество блистание имуще лѣпотно, облечени в багряницу и въ одежду свѣтлу и страшну, их же слово чловѣчьско изрещи не можетъ.

Пришедшимъ убо предъ страшный престоль онъ, идеже бесчисленное высочество, видящимъ намъ непостоанную славу, вѣстинну правду, благодсть, трисъставно въспѣша пѣние иже со мною идуще к престолу Божию. И иже на престоль страшнѣ почивающе от невидимыхъ. Трижды абие поклонихомся Отцу и Сыну и Святому Духу и прославиша Святую Троицу, престоющую выспрѣ на огнеобразнѣ въздусѣ купно с нами, о спасении моемъ въ славѣ хваления. И се глас лѣпотень зѣло и крѣпокъ от высоты, рекущъ ко мнѣ носящимъ мя: “Ведше ю около, – рекуще, – иже къ всѣмъ душамъ, на всяком жилищѣ пребывающимъ, святымъ и к преисподним, и потомъ покойте ю, въ них же заповѣда вамъ угодникъ мой Василие”.

Отшедшимъ же намъ оттудѣ, въ жилища святыхъ идяхом. И се бесчислении, им же не бѣ числа зѣло от солнечныхъ лучъ, от виса и перфиры сианиа и лучъ и от инѣхъ многихъ ваповъ красныхъ божественыхъ бесплотныхъ, иже просвѣщаютъ просвѣщениемъ и страшнымъ сианиемъ святыхъ обители рукою Божиею несказанною. Въ нихъ же и ти доидоша на поле едемское въ благоуховную пажить, идѣже истекаше вода умнаа, вода животнаа, въ мѣстѣ покойнѣ, въ мѣстѣхъ святыхъ почивалныхъ. Си же вся бываахуть яко полаты прекрасны, жилища и храми, онии же десницею Господнею ухитришася. И другъ друга святыхъ зряще, дивяхуся от страшныа красоты не насытятся. По присну бо бяхуть апостоли, присно же пророцы, присно же мученицы, присно же святители, присно же преподобнии и праведнии. Когождо ихъ приготова жилище себѣ, иже суть в долготу и в ширину яко царьстии гради, от них же она отшла есть и в них же вселятся. Всеи же убо святии, выходящеи от своихъ жилищъ, духомъ умнымъ целоваахуть мя, веселящеся и радующеся о моемъ спасении.

И доидохомъ же до ядръ Авраамовѣхъ, и се исполнь славы нестарѣющаяся ядро его. Не телеснаа бо ядра его, но мѣсто отлучено есть. Ядро то дивѣно бывааше, исполнена воня духовныа, и вонею цвѣтною и доброуханною, и ароматы духов-

ными и небесными, и пажитьми вышними утѣшена, и възлюблена, и исполнена; их же благовъздушно видѣние и доброты, аще исповѣдаю ти, земными словесы съвершити не можемъ. Ту бо платы умныя от свѣтлыхъ лучъ с особными патриархи духовными хитростями состроены от Господа Вседержителя, умножениемъ лучъ и страшными свѣтлостями измечтана и украшена, добраа лѣпотнаа. Въ них же младенцы христианстии, елико же ихъ есть банею бытийскою, по разрѣшенію связаниа плотскаго окрестъ его славою неизреченною ликующе, реку, окрестъ Авраама, Исаака и Якова. Ибо и ти ту пребываахуть и со обѣманадесеате из нихъ же обѣнадесеате племени Израилеви на столѣхъ дивныхъ почивающе. Им же образомъ видиши солнечныя луча свѣтящася, обиати бо сихъ не можеши, тако приравнающихся души святыхъ видимыхъ убо от тѣхъ подобныхъ святыхъ душъ образомъ телеснымъ измѣнение имущи безвещественны, якоже солнечныя луча объяти плотнѣй руцѣ не могуще.

И тако, о чядо, многаа оставивше, прешедше окрестнаа раа и долнѣйшняя и сокровища адова, иже сокруши тамо Господь Богъ нашъ Исусъ Христосъ, възвратившемъ же ся намъ на западъ, идѣ же горькия муки и страсть ждуть убогихъ, таковыхъ же, якоже азъ, грѣшнии. Сиа вся показаша ми аггели Господни и рекоша ко мнѣ: “Видиши ли, от великиа бѣды избави тя Господь?” Ибо видѣхомъ сокровища темнаа она, въ нихже въ тмахъ и сѣни смертнѣй всяки душа иже от вѣка заключаются, якоже пѣсокъ, иже при краи морьстѣмъ, или паче персти земныхъ. И в забытие иже тамо суть лукавыхъ не могуще свѣта сладкаго видѣти в вѣцѣ ономъ, ини выну въпиють: “Увы мнѣ!” И беспрестани въсклицають горцѣ, алчюще разумнѣ и жаждуще питиа спасенаго, и обнажены от всякиа одежда духовныя, и скверными прегрѣшениями изыдаемы: “Охъ, охъ, увы!” Выну, о чядо, якоже прежде рекохъ, душевное просвѣщение, и не кто-

му ини плотски въпиють, и нѣсть помилующаго. Егда когда душа мимоходитъ, тамо свѣтъ суще, аггелы Господни просвѣщаютъ она, въ них же они мимоидут, показаше душа праведныхъ, иже тамо вся да видѣти иматъ, в каки тмы горки уклонихомся. И на десный путь чистѣ повелѣнием Господнимъ възвратившемся и на уньший живот.

И киимъ образомъ преходитъ? Сиа вся преходитъ в четыредесяте дний, отнѣли же отидох от убогаго моего тѣлеси и к сему покою, въ нем же мя видиши сушу, не моего, но преподобнаго отца иже въ святыхъ Василя угодника Божия, иже еще живет в мирѣ оном, душа гиблющаа зѣло и блудящаа и приведетъ Господеву Богу жертвы духовныя в воню благоухания. Ибо ины многи душа быша здѣ со мною, их же прежде мене восприят от пути безакония ихъ и очисти ихъ добрѣ и спасе о Господѣ. Ибо вѣдаю здѣ господина Иоанна духа и оспожю Елени, подружие его, иже добрѣ послужистѣ ему в мирѣ ономъ, прочихъ душа суть здѣ, от далнихъ временъ не вѣдомо здѣ. Но обаче прииди въкупѣ со мною, и въ внутреняя внидемъ, да увѣси, въ них же пребываю. Ибо господинъ нашъ избрал ны преподобный отецъ в час сей духомъ своимъ здѣ пришедъ».

Нам же пришедшим, и смотрахъ на преподобную. И се вся каплющи божественое масло, и помазана миромъ и нардою истинною многоцѣнною, и чюждахся дивяся. Пред мною идяше в бѣлу ризу, яко снѣжну, оболчена и сундарь от виса на главѣ носящу. Внидохом бо яко въ дворъ, и помость того двора златом и камениемъ блещашься и украшенъ, и скверности в немъ не бысть отнюдь. Посредѣ же златоявленныхъ камней сади процвѣтше всяцыи красни бывааху насаждени, стоаху, неизреченную имуще радость, имже на ня зрѣти хотяще весело. Въздвигшем же ся намъ на вѣстокъ двора того, видѣхъ платы свѣтлы страшно устроено во множество велики высоты суще. И еще не отшедшимъ намъ оттуду, близ же тѣхъ полать,

сирѣчь близъ вѣсход ихъ, стоаше трапеза велика, яко лакоть 30, и тако бѣ отъ каменна измарагда, лучя въспущающе свѣтлы. Наверхъ ей амигдалный садъ красен, яко же зѣло цвѣтушь, и покрывааше выше надъ трапезою до конца, и красоты трапезы тоа творяаше неизреченныа. На трапезѣ же велики мисы лежаща позлащены, яко молния видѣниемъ, каменообразны измарагды, сардонихи зелени свѣтлии суще, отъ всякого каменна, исходящаго изъ раа, зѣло измечтани, приводящеса въ высоту. Брашна же посреде ихъ лежаща, овоци страшено и ушаренни украшени, багрянообразны и млечно видѣниемъ, яко стеблие кринное и червленообразно, другое многоизмѣсны и несказаны бывааху. И цвѣти же убо различни лучышии лежааху на мисахъ, и верху цвѣтъ тѣхъ овоци неизреченни они лежаще неизглаголанни умомъ чловѣчьскимъ. Отъ овоща того свою сласть имущи въ себѣ, якоже смѣшающихъ онѣхъ воню въ единение насыщающихъ сласти ихъ ктому не восхотящеса.

Бѣ же свѣтлый блаженный Василий на столѣ чюднѣ на верху трапезы, яко господь тѣхъ, въ славу почиваа. И столъ бѣ зеленьъ страшень блистаниемъ и своа лучя имущи. Множество же на трапезѣ с нимъ свеселяхуся дивнымъ тѣмъ овощемъ и съ всекрасными цвѣты, бяху бо не яко чловѣцы плоти не имуща, но яко огненными лучами солнечными каждо ихъ въ льготѣ. Тако и бяху видѣние нечловѣчно по истовому сложению обоюду имуща не увядающа, развѣ мужска полу и женска. Елико же питаахутся на трапезѣ оной дивнѣй, наипаче умножашется царскаа она пища и чюднаа, духовнаа убо суши и мановениемъ Господнимъ ту съкровена. Ядушеи же неизреченныа радости исполняахуся и веселиа прерадованна, и бяху веселомъ лицемъ вси другъ къ другу прелетающе, и якоже сладкимъ вѣщаниемъ прекраснѣ бесѣдуше. Черпаху же имъ образомъ нѣкоимъ червленоогнено видѣниемъ зѣло свѣтло сияюще безвещественыхъ снѣжносѣянными нѣкими чашами.

Егда приимаше кто от тѣхъ чяшо испити дивныя оноа дѣтели, иже от видѣнія токмо веселие черплющихъ неизглаголанно, скоро неизреченное наслаждение Святаго Духа вси исполняхуся на многъ часъ, свѣтяшеся ему, яко свѣтъ, сластноносное лице. Ибо служащей имъ огневидны юноша прекрасны и бѣлилицы, якоже руно, и мышца ихъ, яко млеко, оболчени в червлену ризу, безвещствены, ушарены красно, и ноги ихъ яко снѣгомъ препоясаны, яко от небеснаго лука, якоже трети ряды превузами различными блещася, и наверхъ главы ихъ златыми камени и бисеромъ украшены и всяцѣми стройными вѣнцы.

Пришедши убо пред мною дивнаа она старица, с неюже аз тѣхъ видѣти приидохъ, повѣда о мнѣ блаженному. Он же, яко веселиемъ ослабився, к себѣ приити ми повелѣ. И к тому приближившю ми ся к ней, и общее поклонение сътворшемъ, рекшю ми: «Благослови чядо свое». И тихо вѣщаниемъ честный рече ко мнѣ: «Поздраву ли прииде, чядо? Господь Богъ ущедрит тя, и благословить тя, и освятить тя, и съблюдетъ тя въ благо, и просвѣтитъ лице свое на тя, и исполнить тя от всѣхъ небесныхъ и на земли добраа, и послеть ти помощь от святаго жилища своего, и от Сиона аггелы и архааггелы крѣпки и пречисты въ оружие въсхищении заступать тя». Мнѣ же на лице зрящю помоста оного, рече къ мнѣ праведный: «Се Феодора, – показа мнѣ, – о нейже бес числа моляшется, како улучи наслѣдие. Видиши ю, како стоитъ пред лицомъ твоимъ. Ныня убо никакоже не навѣдовай о ней, уже бо ти ю показахъ». Она же, честнаа человѣческаа и помилованнаа от Господа преподобнаго ради, сладкаа видѣнія смотряше на мя. «Възвеселишися, чядо, и възрадуешися, – рече, – и благословишися, якоже попечяловалься еси о мнѣ убозѣй. И Господь Богъ поспѣшил ти есть и исполнить ти желание молитвы ради господина нашего, отца и пастуха, иже много милости сътвори с нами». Сим

тако съвершившемся ту с нами, всѣхъ очи иже на трапезѣ той питающихся с нами с молчаниемъ многимъ бывааху смотряще.

Потом рече к ней преподобный: «Иди вкупѣ со мною и покажеша ему иже в раи нашихъ садовъ красоту». Поимши бо мя та, на десную страну двора того идяховѣ. И се врата дивна и златомъ создана, и стѣны ограду тому на высоту въздвижены. И отвръзъшимся вратомъ, внутрь в не внидохомъ. Бяшетъ бо въ оградѣ томъ позлашено былие, цвѣтомъ неизреченнымъ украшено, и добротѣ того дивящу ми ся. И воня благоухания исходяща от цвѣта того. Вънимахъ бо, како мя показовааша водящии мя. Видѣхъ бесчисленный сад, 70 измѣнений имуща, числа не приимающе, каждо ихъ множащюся плоду безмѣрну, якоже съкрушающемся вѣтвемъ, хотящимъ единою бо плоди и еже на трапезѣ едоми. Якоже видя разумѣхъ страшныхъ онѣхъ избытки бываахуть. Чюдящю же ми ся о красотѣ садовнѣй и о страшныхъ и дивныхъ плод тѣхъ, яко николиже толикихъ чюдес бѣхъ видѣл.

Рече ко мнѣ водящия мя: «Что симъ чюдишися? Аще поидеши ко оному раю, его же на востоцѣ Господь насади, болѣ имаша ужаснутися и изумѣтиса, яко сей ко оному стѣнь бысть и сонѣ». Глаголахъ убо азъ к ней: «Молю ти ся, кто насади раа сего? Никакоже убо азъ видѣхъ сего нигдѣ же того раа». Рече она ко мнѣ: «Како бо ты възможе видѣти в суетнѣмъ мирѣ ономъ толику правду, иже рукама Вышняго състроена? Ибо вещи сиа, яже видиши, умна суть, и мы здѣ умою преходим. Труди бо и поти божественыхъ подвиговъ преподобнаго отца нашего Василиа, их же от самоа уности его творяше, тружаашеся, потяся и бдя, на земли легаа и моляся, зной и мразь трпя въ пустыни и зелие ядый, токмо въ многа лѣта прежде въ град сей пришествиа его – сего раа приобрѣте. Иже бо что съдѣлаеть в мирѣ ономъ, симъ причястникъ будетъ въ вѣцѣ семь, труд бо плод своихъ снѣси. Якоже многажды слышахъ преподобнаго сего глаголюща». Мнѣ же ктому дивящюся,

якоже, рекши ми, умою дошедшим здѣ. Мняхъ бо тѣлеса суще здѣ, себе искахъ рукою руки осязати, есть ли въ мнѣ кость и плоть. Якоже пламень огненный видя кто и простеръ руку хочеть яти его и не възможе удрѣжати, тако себе осязаа, размышлях чистымъ чювством помышление имущи, иже тамо дивяхся духомъ. Възвратившемся намъ пред дворъ, трапезу же тцю обрѣтохом, ничегоже у неа. Мняхъ убо целовавъ приснопоминаемую ту отити от неа.

И мнѣвшю ми ся вънутрь бывшю, възбнух от сна и в себѣ размыслихъ, что ли ми исповѣда, гдѣ ли бяхъ отшел, что видѣх внутрь двора того, въшедшю ми в дивную ту и паче слова сущю. Въставъ, идохъ к блаженному, чая, ци ми что исповѣсть о сих, истинна ли си видѣние се или неистинна быша. Бывшю же ми у блаженнаго, по поклонению моему и по повелѣнию иже к нему повелѣ ми сѣсти. Сѣдшю же ми, рече ко мнѣ: «Вѣси ли, гдѣ в сию ночь пребывахом?» Мнѣ же по искушению рекшю: «И гдѣ убо бѣхомъ, господи мой? Всячески на одрѣ моемъ сладцѣ спяхъ». «Единѣмъ токмо и намъ сущимъ вѣдѣ убо, яко тѣломъ единъ спалъ еси на одрѣ, а духомъ индѣ ходилъ еси. И не вѣси ли, колии азъ показахъ в сию ночь? Не Феодоры ли еси видѣлъ? Не ко вратом ли мысленаго дому, его же доиде, и изшедши, приять тя, вѣнь же въведе тя? Потом же и о смерти ея, яко нужда преити есть, чядо, исповѣдала ти есть власть темныхъ иже на въздусѣ, злобу мытарствъ тѣхъ? Не внутрь ли еси с нею вшелъ въ дворъ? Не видѣ ли оноа чюдныа трапезы и изряднаго строения ея, и каа дѣла ея, и кии овощъ предложения ея, и како ея дивныа цвѣты, и какия уноша иже на трапезѣ духовное служение исполняаху? Не зряше издалеча стоа дивнѣхъ полатъ? Не ко мнѣ ли на трапезу преиде, егда ти показывахъ, о нейже ти желание бысть увѣдати, кую чясть получила есть? Не мнѣ ли рекшю ей, поимши тя, в рай внити? Како златовѣсходное оно стеблие въ умѣ приимаа ужасашеться, дивяся

цвѣтныхъ тѣхъ красот, видѣль еси присноцвѣтущихъ садовъ онѣхъ и плодовъ ихъ свѣтлость и неизглаголанную красоту? Не сихъ ли видѣ в сию ночь всѣхъ и оттуду прииде? Какое исповѣдаеши, якоже “Ничтоже видѣвшю ми”?»

Яко си мнѣ услышавшу, страхомъ неизреченнымъ обиать, и слезити начяхъ и мочити лице свое, въ умѣ приимаа, како великое се свѣтило бываетъ, якоже той поистиннѣ тамо бысть и, якоже тамо бысть, вся мудрѣ исповѣда. И, отвѣщавъ, рекохъ к блаженному: «Ей, святче Божий, тако быша, якоже изрече. Благодарствование пролью предъ Господемъ моимъ, якоже мя Господь Богъ сподоби познати тя, и быти под кровомъ крилу твоею, и приати толика чюдеса страшна». Блаженный же рече ко мнѣ: «Аще житие свое препроводиши в добродѣтели, о чядо, повелѣниемъ челоувѣколюбца и щедролубиваго Бога нашего примуть тя тамо, да будеши вкупѣ со мною въ бесконечныя вѣки, ибо самъ аз от челоувѣчскіа вещи отхожу. И потомъ, нѣ по колицѣхъ временѣхъ, отшед житіа сего, приидеши ко мнѣ, въспитѣнъ в дѣлѣхъ добрыхъ, якоже ми Господь обѣща. Вънимай: дондеже еси в житіи семь, да не увѣсть о сихъ никто же всѣхъ. Подобаеть бо недостойнаго житіа моего исписавше оставити в житіи семь, и буду ти о семь поспѣшник». Сіа ми преподобнаго отца нашего, пастуха, и учителя, и владыки явѣ заповѣдавши, слезами обиать быхъ, възлюбленныи мои. И дивяся духомъ, едва бо инѣмъ бесѣдовааше часто, якоже къ мнѣ недостойному.

Всегда вѣщавааше в притчяхъ бесѣдовааше, всѣмъ страшень сый и больша, в гаданиихъ зѣло хитрѣ сый, и мудрѣ, и утвержень. Многажды же бо творяше суетныа ради славы челоувѣчскіа и буйственаа на ся нанося словесы, токмо на сіа прилагаа, а ино ничтоже, якоже бо знаменіа и чюдеса творяше. И вси вѣдающе его яко единого от апостолѣ чтяху. И инии же излиха чюдяхуся о немъ, о чюдесехъ иже творяше, в нихже изволяше простотою ти Иоанна Богословца нарицааху

пришедша. Тако бо бѣ възлюбленный отецъ нашъ Василие и свѣтило еже въ святыхъ. Великий отецъ нашъ Василие чудное житие прошедъ въ святыхъ на земли, весь равенъ аггеломъ, великое прибѣжище напастнымъ абие явися.

РГБ. Ф. 212. № 27 Собран. Олонец. семин. Рукопись конца XVII – начала XVIII века.

* * *

По днех же скончася Феодора преподобная старица, иже служащая ему во глубоцѣи старости житие проводи, многими добродѣтелми украшена, и на конецъ послужения вѣнецѣ воспрियाтъ за преподобнаго немощи и усердно послуживши, азъ же много оскорбихся лишения ея ради, понеже много любляше мя, яко свое присное чадо, и часто о мнѣ ко преподобному бесѣдоваше, своиственна мя ему творяше. Бяше бо благонравна, обычаем тиха, милостива и кротка и благоувѣтлива, любящи истину, всѣми благими обычаемъ украшена. И сего ради помышляхъ, в себѣ глаголя, «которую часть получи тамо, в десных ли или в шуих? Аще воспрियाтъ мзду за ради преподобнаго послужение? И молихъ преподобнаго о неи, увѣдати хотя. Он же первие провѣда о сем, отречашеся разума. Азъ же много стужахъ ему о семь. И нѣкогда, ослабився, рече ко мнѣ: «хощеши ли, Григорие, увѣдати, Феодору?». Азъ же рехъ ему: «еи, господине, велми желаю сего». Он же рече: «узриши ю нынѣ. Яко с вѣрою просиль еси извѣстно увѣришися». Азъ же чюдяхся, в себѣ помышляхъ, како и гдѣ вижу ея, жития сего отшедшую.

В едину убо же ночь уснух на одрѣ моем, и се видѣхъ юношу нѣкоего благозрачна и светолѣпна зело пришедша ко мнѣ, глаголюща ми: «востани, зоветъ тя преподобнии отецъ Василеи, понеже поити хощетъ посѣтити Феодору, аще хощеши уведати ю, и с ним иди и узриши ю». Азъ же скоро востахъ, мнѣхся те-

кни к преподобному, и не обрѣтох его. Вопросихъ о немъ сущихъ ту. Реша ми, яко отиде посѣтити служительницу свою Феодору. Азь же о сихъ оскорбихся и рѣх, яко не пожда мя, дабы и азь желание свое исполнилъ и утѣшился бых, видѣвъ свою матеръ духовную.

И се нѣкто от сущихъ ту показа ми путь, им же поиду постигну святаго, мняхся текии в следъ его, и внезапно яко Влахернѣ обрѣтохся на нѣкоемъ пути, ведущемъ яко на гору, по стези нѣкоеи зѣло тѣснѣи и неудобъ проходнѣи, по неи же со многимъ страхомъ идохъ, и се узрѣвъ врата нѣкая заключенна твердо, приближився к нимъ, при尼кохъ скважинею хотя видѣти внутрь, егда нѣкоего узрю тамо и вопроша о святѣмъ, егда здѣ прииде, и видѣвъ тамо внутрь жену благообразну сѣдящу и ко друзѣи бесѣдующу, и пригласихъ сию убо и воспросихъ: «Госпоже, чии есть дворъ сеи?» Она же рече: «преподобнаго отца нашего Василия, иже пришелъ есть здѣ малымъ предъ тобою на посѣщение своихъ ему чадъ». Азь же, слышавъ сие, радостенъ бывъ и, дерзновение восприемъ, рѣхъ ей: «Отверзи ми, госпоже, да вниду, и азь бо есмь чадо его». И отвѣща ми: «никогда же видехъ тя приходяща здѣ с нимъ коли и како отверзу, незнаему ти сушу? Отиди отсюду, аще не повелить госпожа Феодора, и никто же входитъ здѣ». И сия рекши отиде. Азь же слышахъ Феодору, паче укрѣпихся, напрасно толкии во врата, зовахъ, отверзите ми. Феодора же, слышавши, прииде ко вратомъ и видѣвши позна мя и отверзе ми, глаголющи: «сеи есть возлюбленный сынъ господина моего Василия». И внидохъ радуясь. Облобыза мя цѣлованиемъ святымъ и глаголаху: «брате Григорие, кто своя настави приити сѣмо? Егда же разрешися от плоти и суетнаго мира отлучися и к блаженнѣи сеи жизни прииде»? Азь же почудився реченнымъ от нея и недоумѣвъся о семъ, в себѣ помышляхъ, что есть и како и что сия глагола ми, не мняхъ бо ся во изступлении быти. Глаголахъ ей: «ни, госпоже, моя мати, еще во плоти и в животѣ есмь мо-

литвами отца нашего, и тебе ради потрудихся приити zde повелѣниемъ отца нашего, яко да вижу твое честное лице, яко да вижу твою славу и что получи многиму трудыми, но молю ти ся, госпожа мати духовная, скажи ми по ряду ползы ради, а не скрый от мене ничто же». Она же рече ми: «глаголи, любимице, еже хочещи, вся ти изреку, елико помню во умѣ моемъ». Азь же рѣхъ: «како прешла еси смертную нужу, и како преми-ну воздушныя клетвенники, и како сѣмо прииде, како здѣ живеши?».

Она же рече ми: «О недоумѣемыхъ воспросиль еси, чадо ми Григорие, и како могу исповѣдати таковая, или вообразити во умѣ моемъ, понеже от страха и трепета много запаметовахъ, елико пострадахъ, и елико содѣяша ми ся, зряхъ бо образы, ихъ же николи же видѣхъ, и слышахъ гласы, ихже николи же слышах, что реку? Лютѣ убо сретоша мя дѣль моихъ ради, их же не надѣяхся, но молитвами и помощью общаго отца нашего Василия вся ми легка быша, тако ти, чадо, исповѣмъ болѣзнь тѣлесную и колику нужу и бѣду тружаютъ умирающи? Се же разумѣй, яко кто нагъ впадетъ в земныи пламень, огонь, и згорает, сиче бо есть и болѣзнь смертная и люто разлучение души и от тела, паче же подобнымъ мнѣ грѣшниковъ, азь же, егда приближился к концу жития моего, видѣхъ, се приидоша множество ефиопъ ко одру моему, молвы творяще и мятежи, яко изуворъ образнии, зѣло взирающе на мя, искривлены имуще лица и развращенны, очи кровавы и черны паче смолы, и всякими образы устрашающе мя и похитити тщася, и к себѣ приснояюще мя и многа велика бремена принесоша, написана на хартиях, и вся, яже от юности моя издѣянная мною, отвивающи готовляху харатия, яко нѣкоего одесную чающе приите. Азь же, сихъ зрящи, велми устрашихся и до конца изнемогахъ, и тако сѣхъ стражущи сѣмо и овамо смотряхъ, дабы кто отгналъ тѣхъ безчинное шатание, и не бѣ помогающаго ми. От-

вращах очи мои от нихъ, дабы не видѣла тѣхъ мрачныхъ лицъ, и велми притужахъ в сицевѣи бѣдѣ сущи, и се внезапно явишася два юноши красны зѣло во одеждахъ златыхъ, и власы на главахъ ихъ бѣлы, яко снехъ, и приближашася ко одру моему одесную мене. Азъ же, сия видѣвши, радостна быхъ и веселымъ лицомъ взирахъ на ня, они же, помрачении, видѣвше сихъ, со страхомъ отступивше доле. Рече же единъ юноша к тѣмъ мрачнымъ съ яростию: «о омраченнии и проклятии, что предваряете над умирающую и молвы творяще смущаете и устрашаете, безстуднии, не радуитесь, здѣ бо ничтоже имаете». Сицева же светоносному юноши глаголющу, они же безстуднии елико от юности моя сотворихъ словомъ или дѣломъ или помышлениемъ и вся прочая на среду приношаху и гласы безчисленными взываху, глаголюще: «ничто же ли не имат? Сия чия суть? Не она ли сотворила от юности?» и ина многа клеветуше, и се внезапно прииде смерть. Бѣ же видѣние ея, яко левъ ревыи, страшна видѣниемъ и всячески страшна, человѣческаго устройства, носящи же оружия всякия: мечи и ножи, пилы, серпы, сѣчица, оскорды, рожны, уды, стрѣлы, теслы, бритвы, и ина много незнаема, ими же козноденствуетъ различныя образы. Сию же видѣвши, смиренная моя душа устрашися велми, возгродися, рѣша же к смерти юноши: «что медлиши? разрѣши соузы, не имаетъ бо много стязания о грѣсѣхъ». Она же, приступльши ко мнѣ, взять малыи оскордецъ и начатъ отсѣкати ноги мои и потомъ руцѣ, инымъ оружиемъ вся составы, инымъ иная моя соузы телесныя и члены разслабивше и истерзаша 10 ногтей моихъ, ручных и ножных и абие умертви все тѣло мое, и оттуду ни руку, ни ногу имѣхъ, и не можахъ двинуться никако, всѣми бо оружиими козньдѣйствуемыми на мнѣ, такоже возьмъ теслу и отсѣче главу мою, и по сихъ налияше чашу, что же бѣ, не разумехъ, и дастъ ми пити, тако ми, чадо Григорие, толь бѣ горко, яко в тѣ часы яко оторѣже ми душу и скоро из-

скочи из тѣла, яко птица от сѣти ловца, и абие краснии онии юноши прияста на руку свою ризами своими, в сердцы умъ чловѣку все душевно возлежить, во умѣ же духъ. Якоже убо прияста мя краснии онии юноши, и възрѣхъ вспяты, и видехъ тело мое лежаще бездушно и недвижимо и нечувственно, яко же кто совлекъ с себе ризу свою и повержетъ ю и стоять, зря на нея, о сем почюдишися и глаголахъ: «откуда быхъ хотела увѣдаться, яко сицева на убогаго чловѣка устроена суть, якоже держаста мя святая аггела, приступиша омрачении, онии глаголющее: «грѣхи ея имама многи, отвѣщайте намъ о них». Они же искаста со испытаниемъ изыскавши благихъ дѣлъ моихъ, аще когда дахъ хлѣба убогому, или напоихъ жадна, или болящаго посѣтихъ, и в темницахъ заключенныхъ, или ходихъ со усердиемъ в церковь Божию на молитву, или странна упокоихъ в дому своемъ, или масла пролияхъ в кадила, или фимианъ дахъ в церковь Божию, или аще смирихъ кого сварящаяся, или пролияхъ слезы в молитвѣ, или досадившему претерпѣхъ, или страннымъ ноги умывъ, или утвердихъ неутверженныя, или отвратихъ кого не сотворити грѣхъ или поскорбѣхъ от чюжихъ напастѣхъ, или пострадахъ по силѣ со страждущими, или поспѣшихъ кому на дело благое, или творихъ колѣнное поклоняние, или аще постихся Бога ради и зло пострадахъ, и покорихъ плоть духови, и постихся во святую пятидесятницу и ко Христову Рождеству и святыхъ апостоль празднику и ко успешию святыя владычица наша Богородицы и всяку среду и пятокъ, или отвратихъ очи мои не смотрити неполезныхъ, или удержахъ языкъ свои от празднословия и клеветы и лжи. И вся же сия избирающи святии аггели и мѣриста на мѣрилѣхъ с моими грѣхи и единъ по единому искуповаста сия, и симъ тако бывающимъ, ефиопи же скрежетаху зубы на мя, хотяще мя исхитити от нею и свести в бездну и се тако бывающимъ, внезапно обретеса отецъ нашъ Василии ту посреди насъ и глаголаше святымъ аггеломъ: «господии мои, сия душа много ми послужила, упокоивающи немощь мою и старость, и молихся Богу о неи и

даровал ми есть ю благостыни ради Его», и дасть имъ яко нѣкии ковчежець, и рекъ сице: «егда хотите мытарства на воздухъ миновати, искуповаите сим, вземлюще от него хотяще срѣсти долги от лукавыхъ духов», мнѣ же мняшеся, яко злато чисто дасть имъ в ковчежцѣ от изобилия и от трудовъ и потовъ собранная даровавъ, и отиде. Ефиопи же, видѣвше сия, безгласни стояху на многъ часъ, и потом воскликнувшѣ велми, глаголюще: «горе нам, яко всеу трудихомся, яко и здѣ погрѣшихомъ» и вси изчезнуша, и посемъ прииде паки святои Василии, и принесе ковчеги многи различныхъ араматъ и дасть юношамъ. И отверзающе единъ по единому и вся истощища, на мя изливающеее. Вся исполнихся благоухания духовнаго и разумѣхъ, яко измѣнихся и быхъ свѣтла зѣло и глагола преподобный святымъ аггеломъ: «Господии мои, егда вся подобная о души сеи свершите, тогда в преуготованныи мнѣ домъ от Господа приведши посадите» и се рекши отиде. Поимше же мя святая аггела, абие от земля горѣ на небесе восхождаста к воздуху.

Идущим же нам, и се внезапно сrete насъ мытарство первое – оклеветание, увы, увы, како сихъ преиде душе, абие срѣте насъ мытарство первое, еже глаголется оклеветание, в нем же бяше множество ефиопъ. Единъ же от нихъ стрѣшина сѣдѣше, и ту абие страхомъ, свидѣтель ми есть Господь, чадю, ихъ же, яко человек в мирѣ живый оклеветалъ, тѣхъ лица и часы, и няже оклеветалъ кого, пред лицом моим обличаху мя ефиопи они. И откуду сия увѣдавше, окаяннии, не вѣдѣ, много же лжуще глаголахъ на мя, аще инѣмъ образом от мене глаголана быша или от любви или коим образомъ исправити хотя согрѣшившаго, они же странно глаголанная мною вся на среду приношаху, отвѣщавше же ангелы же поистиннѣ глаголана на мя, недостойная же вземше дарование господина моего Василия, положиша противу дѣломъ моимъ и приходомъ безбѣды.

Мытарство о поругании. И се превыше грядущее стрете на 2-е мытарство, еже глаголется поругании. Се же подобно первому, и ту истезани быхомъ. Святии же аггелы недостатки моя от дарования преподобнаго наполнивше и проидохомъ без бѣды, восходящимъ же намъ оттуду на воздухъ и глаголаста аггелы друг къ другу: поистиннѣ сия душа велику помощь имает от угодника Божия Василия, понеже многу нужду претерпѣти хотяше проходящее власти и начала воздуха сего.

Мытарство 3. От зависти. Якоже убо сичева глаголаста другъ къ другу, достигохомъ 3-е мытарство, еже бѣ истязания о зависти. Благодатию же Христовою ничтоже на мя имяху здѣ, ни в помышлении же имѣхъ, когда кому позавидѣти и с радостию проидохомъ от ихъ, тии же зубы скрежетаху на мя и велми яряхуса, яко живу поглотити мя хотящее.

Мытарство 4. Же о лжи превыше восходящее достигохом мытарство 4-е о лжи испытание, сущим в немъ ефиопи зѣло бяху мерзци и ненавистниц и старѣшина же у нихъ бяше свирѣпъ, сии же, видѣвше нас, изыдоша в стрѣтение намъ, творяху же мятежъ великъ зѣло проклятии, приносяще на ме лжу с показаниемъ, имена же приносяще и времена, на кого же, в он часъ солгал и лица чловѣку, к ним же лжуща глаголь и ту водящей мя, якоже и впрдних искупивше мя от дарования святого и тех проидохом невредимо.

Гневное мытарство 5-е, гнѣвное, и паки восходеще стрѣте насъ иное мытарство, гнѣвное, на нем же испытавше о гнѣвѣ и ярости, блажен человекъ, иже безгнѣвие держит, и сего мытарства старѣшина бяше сѣдяи на престолѣ, исполненъ гнѣва и ярости и горести. Съ яростию и со гнѣвомъ повелѣ сущимъ с ним истязати мя. Они же, аки псы облизяхуся, приношаху и прочитаху не токмо иже поистиннѣ съ яростию и со гнѣвом глаголанная мною кому, или досадихъ словомъ или ударихъ рукою кого, но и мановениемъ руки и помизаниемъ очеси, или яро взревѣвъ наказующи чада моя, бихъ, съ яростию, или

гнѣвомъ раздражахся. Сия вся потонку они исповѣдаша и аще гневахся на кого или со гнѣвомъ огорчихся и кого чимъ и до-садихъ и укорихъ с яростию, на средѹ вся изношаху, имена же человеком и времена и самыя тѣ глаголы и человекѣки, иже в то время обрѣтошася ту. И отвѣщавши убо о всѣхъ сихъ святая аггела и давше испукъ, и поидохомъ выше.

Мытарство 6-е гордостное. Срѣтохомъ мытарство 6-е, на нем же истезание о гордости и величании и многу поискавше, не обрѣтоша ничтоже, како погордетися хотѣхъ, раба суша убогая? И сих же преминувши, ничтоже не пострадавшее от нихъ.

Мытарство 7-е. Празднословия и сквернословия. Грядущим же намъ выше, срѣтоша насъ мытарство 6-е празднословие и сквернословие, предвариша насъ сего истезатели и нудяху ны дати ответъ о сихъ. Обличаху убо иже въ юности моеи скверно изглаголахъ. Сия слышащи, азъ итрепетахъ и елика зло гласовах, сирѣчь мирския пѣсни пѣхъ, предлагахъ вся потонку, посмѣхи и глумление и смѣхотворныя словеса, иже глумящися из глаголахъ. Азъ же рѣхъ въ себѣ: «Откуда вѣдят сия, проклятии они, ихъ же азъ забытию предахъ, многу времени мимошедшу, отнели же сия сотворихъ, и нимало помнихъ», тии же вся по ряду глаголаху, обаче и здѣ достойно давше, поидохомъ выше.

Мытарство 8-е, лихва и лести. И доидохомъ в 8-е мытарство, иже бяху лихвы и лести, предстатели же его испытно обыскавше еже о мнѣ, ничтоже обрѣтоша и скрежетяху на мя зубы, и выше от сихъ поидохомъ.

Мытарство 9-е – неправды и тщеславия. По срѣте ны мытарство 9-е неправды и тщеславия, в них же ничтоже зазириша, скоро проидохомъ.

Мытарство 10-е – сребролюбие. И посемъ срѣте ны мытарство 10-е – сребролюбное и сии многу испытавше посрамишася, и сихъ скоро минухомъ.

Мытарство 11-е – пьянственное. Лютѣ упивающимся. И грядуще же внидохом в мытарство 11-е еже глаголется пьянст-

венное, его же слуги стояху, яко волцы и хищницы. Ярящесе поглотити хотящее всякаго приходящаго к нимъ. Представиле и на мя горцыи онии истезатели и самыя тья чаши, елико испихъ во всеи жизни моеи и вся изочтены имуще, глаголюще ко мнѣ: «не селико ли еси чашъ испила в нарочитыи онъ день? И с тобою пьюще онъ сице мужъ и она сице жена? И не бѣ ли пьяна напивши паче мѣры? И толико яко онъ сице, не селико ли испи чашъ? И ту бяше оны онъ сица, и много на меня клеветяху, тщася похитити мя хотяхъ от руки аггелъ и елико глаголаху истинна бяху. Множицею бо и гостем ко мнѣ приходшимъ и пиях с ними и опивахуся. Они же явѣ сия обличаху святии аггелы, давшее от дарования святаго, искупившее пьянственная моя грѣхи, изыдохомъ выше и глаголаста святая аггела: «видиши ли, какова беда есть, егда минуетъ душа проклятая начала и власти князи тмы воздуха сего». Азь же рѣхъ: «видѣхъ и убояхся и мню, яко никто же сих вѣсть от сущихъ в мирѣ, что срящеть здѣ и что ожидает коегождо душу по смерти». И глаголаста ми: «вѣдятъ, но пища и прелесть жития сего не оставляет ихъ помнити: божественным писаниемъ вопиющимъ о сихъ, добро паче творящимъ милостиня, иже паче иныхъ добродѣтели та можетъ здѣ помощи и возмогутъ видѣти и поучатися симъ день и ночь, да избежать таковыхъ воздушныхъ мытарствъ и вѣчныхъ болезни, понеже в небрежении живутъ, яко безсмертни, чреву работающе и гордости и внезапно пришедши, смерть наведеть вся сия на ня, люте хотящему миновати здѣ, не имѣя дела блага, яко за нищету добрыхъ дель возьмутъ душу темнии князи мытарствъ сихъ и лютѣ сводятъ ю мучаще в темная сокровища адова, держатъ ю во юзахъ до пришествия Христова, якоже и ты хотѣла пострадати, аще не бы искупа прияла еси от угодника Божия Василя, иже тебѣ благо велико сотвори».

Мытарство 12-е – злопомнѣние. И сим же тако глаголемымъ мытарство 12-е – злопомнѣние, стретохомъ иное мытар-

ство, 12, еже глаголется злопомнѣние, и вскочиша сущии в немъ, яко разбоиницы, искаху испытно, яко да обрящутъ нѣчто написано на харатияхъ своихъ понеже молитвами святого отца нашего не обрѣтоша ничтоже, и рыдаху погрѣшивше. Азь бо, аще во иныхъ многихъ окаянна есмь, но обаче любовь имѣхъ ко всѣмъ, и малымъ и къ великимъ, никому же никогда же оскорбихъ мя не зло помнихъ, но отпустихъ и минухомъ и техъ бес пакости.

Вопрошение Феодорино ко святей аггелом. Также вопросихъ святыхъ аггель, водящихъ мя, глаголющи: «Молюся вам, господии мои, откуда таковая сия беззаконнии дѣлатели далече сущих, в мирѣ живущихъ прегрѣшения ихъ». И рече ми единъ от нею: «всякъ христианинъ от святаго крещения святаго аггела приемлетъ, хранящаго его невидимо и наставляюща его на всяко дѣло благо и написующа его добрая дѣла и по всей жизни своей, сице же и лукавыи аггель последуетъ ему, иже напишетъ вся грѣхи его, яже сотворитъ во временнѣмъ житии семъ и сии приходя пишутъ вся в коемждо мытарствѣ подобныи грѣхъ человека того, яко да, егда восходитъ душа на небеса, и имѣють сию у себе, ими же возможно в коем грѣсѣ възбранити еи и свести в бездну, в ней же сами живутъ, до втораго пришествия Господня, аще не имать дѣлъ благихъ, ими же возможи избавитися от руки ихъ. Сице убо свѣдутъ согрешение человеческая, еще ему живу сущу, обаче правовѣрныхъ христианинъ, вѣрующихъ во Святую Троицу приобщающихся святѣи церкви. Тѣмъ бо входъ на небеса есть. Злочестивымъ же и зловѣрнымъ еретикомъ не творять никакова же слова, сихъ, яко присвоившихся к нимъ невѣриемъ и ересию, отнюдь не брегуть, не радятъ о нихъ тѣмъ же смиряющимся с ними ни единого слова творять имъ.

Мытарство 13-е – [обаяние]. Сия же глаголющимъ имъ ко мнѣ, внидохомъ внезапно в мытарство 13, обаяние бѣяху же в немъ прискорбнии души и змиеобразнии, ихъ же таково видѣние

едина тма и соблазнъ. Ни единъ же возможе что рещи от сихъ на мя. Хрестовою благодатию сихъ проидохомъ вскорѣ.

Вопрошение Феодорино ко аггеломъ. Вопросихъ азъ водящихъ мя святыхъ аггелъ: Господие мои, всякаго ли греха, иже сотворить человекъ, еще живъ сый, безъ всякаго ли извѣта истязема бываетъ душа его, минующи здѣ? Не можетъ ли очистити ихъ? Понеже написана суть на коемждо мытарствѣ, якоже испытають мя нынѣ, вижду бо, подробно истязаютъ мя, и трепещущи ужасаюся». И рѣкша ми аггели: «не всѣхъ тако, но токмо подобныхъ тебѣ не исповѣдавшихся и в сичевыхъ умершихъ. Аще бы ты исповѣдала духовному отцу безсрамно и прияла бы прощение от него и заповѣдь и успѣла бы исправить, прешла бы и ты невозбранно вся злая сия, немогущу ни единому мытарству истязати быти, ни о единомъ же грѣсѣ, но понеже нестыдно исповѣдати духовному отцу не восхотѣ, сего ради испытующися здѣ въ сихъ, но се ти помогаетъ, еже престала еси от грѣховъ своихъ еже не творити ихъ. И аще кто живъ сый прочее прилежитъ и покаянию со усердиемъ, и оставляетъ ему Богъ грѣхи его и обрѣтается свободъ отъ всѣхъ, приемлетъ невидимое прощение, лукавии жъ дуси, иже в мытарствѣхъ, написани имуще грѣхи и вскорѣ написания своя разгнувше, ничтоже обретають в нихъ, яже написаша. Святы ибо духъ покрываетъ невидимо, и сия видя бѣси, яко исповѣдания ради загладишася вся, и скорбятъ погрешивше, аще ли человекъ живъ сый, егоже грѣси исповѣданиемъ потребишася, и тщатся лукавии дуси в тѣхъ мѣсто иныя грехи написати: тѣмъ же по исповѣдании болма стужаютъ ему страсти. Велико убо благо спасение исповѣдание еже от толикихъ золь избавляетъ человека и преминуетъ невозбранно безъ пакости мытарства сия и приходитъ к Богу, приносящи дела добродѣтельна. Аще кто упразднится на покаяние и престанетъ от золь, яже творяше, не исповѣсть духовному отцу грѣхи, яже сотворилъ прежде, надѣявся, яко довольно ему есть на спасение токмо отступление

от нихъ, то аще постыдится ихъ ради на долго время, нѣсть ему пользы, аще не исповѣдалъ будетъ, яко же подобаетъ, сицевии же добрѣ испытанъ будетъ здѣ, якоже видиши, такоже и многимъ исповѣдающимся отцемъ, еще в животѣ суще, едина убо сему другая же оному, иная овому исповѣдающе, неприемлюще завовѣди от отца своего первые восприемшаго грехи его, открывающи сия не обличая же дѣль грѣховъ своихъ, но паче стыдящися единому токмо исповѣдатися, да не увѣдѣни будутъ и обличени будутъ от нихъ: сего ради таковымъ грѣси здѣ възыщутся, и истязани будутъ, пути праваго никакоже обрящутъ».

Мытарство 14-е – объядение и чревоугодие. Грядущим же и сия же бесѣдующим намъ. Достигохомъ 14 мытарство, слуги его възлаяше на мя, яко пси, в скорѣ приношаху яже во юности моеи таиноядение чрезъ сытость и елико ядохъ изутра, яко свинья, и како ядохъ во святыя посты и прежде молитвъ, како питахся объядающися и ядохъ до обѣда и по обѣдѣ и по вечеряхъ, множицею по вечерни насыщающи утробу паче мѣры. Сия вся таковая обличая и поношаху ми и тщашеся исторгнути мя святыхъ аггелъ и живу поглотити, глаголющее: «нѣси ли обещалася от крещения своего Богу своему, глаголющи: отрицаюся сатаны и всѣхъ дѣль его и всея службы его и прочая сицевая? В таковыхъ обѣтѣхъ како сотворила еси сиа?» Святыи же аггели, давшѣ и тѣмъ должная, и поидохомъ выспрѣ.

Мытарство 15-е, еже есть идолослужение. Приидохомъ и в сие мытарство 15, еже бѣ идолослужение и всякия ереси. Тии же не испыташа нас ни о чесом и минухом ихъ скоро.

Мытарство 16-е – мужеложство. И се по сихъ иное мытарство 16, еже есть мужеложство и дѣтосквернение. Сего слуги познаша, яко жена есмь не имущѣ ничтоже на мя рещи, токмо о семь вопросиша насъ едина с подругою мужескимъ подобиемъ, похотию разжегся, грѣхъ сотворила будетъ Христовою благодатию ничего обрѣтоша и от сихъ поидохомъ выше.

Мытарство 17-е – любодѣяние. И приидохоми в мытарство 17, еже есть любодѣяние. Вскорѣ убо слуги того прискочиша испытываху со тщаниемъ дѣла моя, понеже преже, егда не работяхъ еще святому отцу нашему, имѣхъ супруга, его же предасть ми госпожа моя, и живяхъ с нимъ. Падох же ся нѣкогда от него со другими нѣкоими юношами, и сего ради тии много на мя клеветаху. Рекоша же имъ святая аггела, яко сия раба бѣ, не от иерея благословени в церкви Господни вѣнчана с мужем, его же взят, да прелюбодѣяние будутъ сицевии грѣси, но паче блудъ подобаетъ глаголати. Они же противу глаголаху: «несть ли вторый рабъ Богу стяжавый его, искупивши его серебромъ господин его? Сия убо у своего владыки сочетася с мужемъ, подобаетъ глаголати прелюбодѣяние грех ея, а не блудъ». И в сем сопрении одолѣста ихъ святая моя аггела. Ничтоже имъ давшее, отидохоми от нихъ. Они же, покиваяще главами своими, претяхъ глаголаху: «Аще и нас проидосте лукавыми своими словесы, но блуднаго истезания никакоже избѣжати можете, яко многоделательна сущи паче иныхъ».

Мытарство 18-е – разбоиническое. И выше идуще, достигнухоми мытарства 18, разбоиническаго. Бяше в немъ всяко пхание со гнѣвомъ, и всяки раны по ланитѣ и по плещамъ, и по выи ударение, жезломъ и палицею и оружиемъ биение и всяко хищение и неправда от нихъ истезаема бываетъ и на мѣрилѣ вѣсятъ. Святии же аггелы и тѣмъ мало нѣчто давшее, проидохоми бес пакости.

Мытарство 19-е – татѣбное. Приидохоми к мытарству 19, еже есть татѣбное, и ту нѣчто давшее и тѣхъ проидохоми.

Мытарство 20-е. Приидохоми к мытарству 20. Ежели есть блудное, исполнено всякаго блуда, и сего мытарства князь оболченъ в ризу смердящую и пѣною кровавою окропленъ, ея же яко царскою багрянницею красящаяся. Бѣ же сия риза сотворена ему от срамныхъ и скаредныхъ дѣяний, иже аки свиния в сквернахъ блудныхъ валяются, вскочиша убо того истезателии и дивляхуся, како достигнухоми до сихъ, на много часъ сташа за-

бывшися, и потомъ испытно истезаху яже в житии сотворенная мною. Иже не точию истинну обличаху, но и ложная много клеветаху и привожаху на свидѣтельство имена и мѣста и знамена хитрости и ремества, которое кождо от рачителии моихъ. Сия вся на среду приношаху и восхитити мя тщахуся от водящихъ мя святыхъ аггелъ, та же глаголаста о мне ко онѣмъ: «оставила еси сия на много время от сихъ грѣхи». Рѣша они: «и мы вѣмы, яко отступи от сих, но тайны наша имать сокровенны у себѣ и не обличиша дѣл нашихъ исповѣданьемъ к нѣкимъ иереомъ и мнихомъ, ни поработа заповѣдемъ ихъ, ни запрещениемъ сихъ, ни отпущения от нихъ прия, да или оставльше ю отидите или дѣлы благими искупите ю». Аггелемъ же давшима противу мѣры дѣлъ моихъ от дарования господина моего Василия, и взяста мя напред и приидохомъ выше, тии же скрежетаху зубы своими понеже нечаянно избѣшахомъ от рукъ ихъ.

И грядущемъ глаголюста ко мнѣ святая аггела: «вѣси ли, Феодора, сего мытарства мало душа минуетъ бес пакости, понеже суетный миръ от сущихъ в нихъ питании блудолюбивъ есть и сластолюбивъ, того ради множайшия от него долу оттерзаютъ и во адѣ заключаютъ, ты же дарование святаго ти отца Василия избѣжа сихъ. Се уже одолѣ прочее и не узриши зла, ибо сие хвалится князи бѣсовския мытарства сего, глаголя, яко азъ наполняю родство огненное душами человеческими от сего моего ремества».

Мытарство 21-е – немилосердие и жестосердие. Сия же глаголющимъ има ко мнѣ, и срѣте насъ мытарство 21-е. Прочее же достигохомъ до вратъ небесныхъ, еже глагошеся быти немилосердие, в немъ же суть написани немилостивии и жестоции и суровии и ненавистницы. Егда бо кто заповѣди Божия исправить, будетъ же немилосердъ неблагосердъ, и приидеть душа его доздѣ, и абие имуть ю сего мытарства истезатели, изринуть ю долу, биюще немилостивно и во мрачныхъ аду затворяють ю до общаго всѣмъ воскресения Богу немилующу ея наипаче не-

навидящу ея, понеже не подасть убогому укруха хлѣба, ни цати нищему, ни болящаго посѣти, ни немощнаго, и лишеннаго, помилова, аще не дѣлы, но словомъ утѣшителнымъ и в воздыхании с ними посѣтовати, но паче сопротивное сихъ творят, лѣньность, и сребролюбие, ненависть, и немилосердие ко ближнему. Яко убо приидохомъ к мытарству 21-му, сѣдѣше князь его зѣло жестокъ, присухъ и уныль, яко от долгия болѣзни, плача, и рыдая, и огнемъ дыхая, немилосердия, того же слуги абие обыдоша насъ, яко пчелы, испытующи и истезающи, обыскающи, яко да нѣчто обрящутъ на мя и ничтоже успѣша. Мы же радостни отидохом от нихъ ко вратомъ небеснымъ и внидохомъ радующеся, избывше горкихъ мытарствъ, идяхомъ в ня радующеся.

Избывше горкихъ мытарствъ идяхо и веселящеся бяху же врата небесная, яко хрусталь, сущии же в нихъ создания от звѣздъ пресвѣтлыхъ, и стояху у нихъ юноши во златыхъ одеждахъ блистающеся. Они же с радостію восприяша нас, видѣвше, яко избѣжа душа моя горкихъ словоположитель мытарствъ воздушныхъ идущимъ же намъ внутрь небеси веселящеся, и разступишеся вода, яже бѣ над твердию, и позади, паки собирашеся в сонмы своя. Приидохомъ же на нѣкии воздухъ страшень, на немъ же бяху юноши зѣло красни во огневидныхъ одеждахъ одѣяни и видѣша мя рукама святыхъ аггелъ носиму и стрѣтоша насъ, радующеся о мнѣ, яко сохранена бысть душа моя во царствии Божии, идяху с нами, пѣснь божественную поюще, идущимъ же нам, и се облакъ прииде на ны, и по семь другии, пошедшимъ намъ мало, видѣхъ высоту неизреченную зѣло, на ней же бѣ престоль Божии бѣль и тмами измечтанъ с пестротами, просвѣщая вся сподобльшася тамо предстояти. Окрестъ же его предстояху юноши красни блистающеся, в багръ червленъ одѣяни. Что реку, чадо Григорие? Вся тамо неизреченна и недомысленна и умъ омрачающи недоумѣниемъ и па-

мать симъ отемлющи, и забыхъ, гдѣ есмь, и нѣчто мало вспомянухся.

И пришедше водящии мя святыи аггели, приведоша мя ко престолу Божию, и падше поклонихся ту невидимому Божеству и похвалиша спѣнию госпоже Святѣи Троици, и посемь слышахъ глас свыше пришедше глаголя: «приидите с нею показующе ей вся душа праведныхъ и грѣшныхъ и вся обители святыхъ, иже в раи сущия, и в преисподнихъ аду, и по сихъ поکوите ю, идѣже рече вамъ угодникъ мой Василии».

Та же по сихъ поидохомъ отуду по неизреченному пути и приидохомъ во обитель святыхъ, и тамо сказати, недоумѣю ся, бяху же яко полаты красны различны и хитри устроении, сицевая и сицевия, ина инаковы, мню, яко рукою Божиею сотворены, якоже слышахъ нѣкогда писание глаголющее: «на мѣстѣ хладнѣ, на мѣстѣ злачнѣ, на мѣстѣ покоинѣ, на мѣстѣ утѣшения». Сия зряхъ и чудихся неизреченнѣи добротѣ, сѣхъ и вся веселія исполнихся и радостна быхъ и смотряхъ, показа ми святыи аггел: и се обители особѣ аггельская, особѣ пророческии, и другія святительскіе, иныя преподобныхъ и праведныхъ, бяху в широту и в долготу, якоже мню, каждо подобна Царюграду. И яко внидохомъ внутрь посреди красныхъ оныхъ селении, и се святіи стрѣтаху нас и обლობызаху ны духовно, радующеся о моемъ спасении, приведоша мя в нѣдра Авраамова, патриарха и всея показующе, бѣ же исполнь славы и радости духовныя благовонныхъ цвѣтець и шипокъ, и мира и араматъ. Бяху же тамо полаты различнии, неизреченны, токмо Богомъ, Духомъ Святымъ устроени, и тамо видѣхъ множество безчисленно младенецъ ликующихъ и веселящихся радостію окрестъ его. И вопросихъ водящихъ мя святыхъ аггелъ: «что есть соборъ свѣтоносныхъ сихъ младенецъ, ликующихъ окрестъ святолепнаго сего старца?» И рѣкша ми: «се есть патриархъ Авраамъ, и се слышала ли нѣдра Авраамля, и сии соборъ християнстии младенцы суть, разрѣшишася от плоти несквернии». И по сихъ показаша ми водящии мя вся окрестъ райская. Азъ же,

сихъ смотряючи, и измѣнихся разума тамо ходящи в неизреченныхъ красотахъ рая Божия, что много глаголю? Аще начну вся сия сказовати, яже тамо видѣхъ и слышахъ, постигнетъ мя страхи и трепеть о семъ повѣдающе.

По сихъ же сведоша мя в преисподнихъ земли, иде же Господь сатану связавъ, заключи, и тамо видѣхъ страшныя и неизреченныя муки, и отгуду приведоша мя на западь, и ту видѣхъ горкия и лютыя муки, иже уготованныхъ грѣшникомъ, вся же сия показаста ми святая аггела, глаголюще: «виждь, Феодоро, от коликихъ золь избавилъ ты есть Господь, умолениемъ своего угодника, сущи в мукахъ и в сѣни смертнѣи «о горѣ» к «горю» призываху друзии «лютѣ» непрестанно кричаху и рыдающе глаголют и нѣсть по милующаго ихъ. И многа неизглаголанна тамо мучения видѣхъ.

И егда проидохомъ сия вся вопроси мя единъ от водящихъ мя, глаголя: «разумѣ ли, Феодора, яко днесъ есть день в он же обычай сущимъ в мирѣ творити память 40 днии по мертвыхъ? И по тебѣ тамо сотворяетъ преподобныи Василии. Оттолѣ разумехъ, о чадо Григорие, яко за 40 днии и, отнелѣ же разлучихся от тѣлесе и в покоище приидохъ, идѣже мя днесъ видиши, еже есть преподобнаго отца Василия, ты же еще в мирѣ сый и преподобныи отецъ наш Василей многи на истинну наставляетъ, покаяниемъ и исповѣданиемъ приводитъ к Богу, обаче гряди со мною, да внидемъ во внутрення и узриши в нихъ же есмь азъ, ибо преподобныи отецъ нашъ Василии прииде здѣ малымъ пред тобою, идохъ во следъ ея, и внидохъ внутрь.

Грядущимъ же намъ, видѣхъ ю росую окроплена божественнаго масла, миромъ и нардою помазанну, бяху же и ризы ея бѣлы, яко снѣгъ, и внидохомъ во дворець, его же бяхе помясть украшенъ от злата чиста, посреди же его дресеса различна преукрашенныхъ, плодовъ исполнена, и посмотрихъ к востоку и видѣхъ полаты свѣтлы и высоки зѣло и устроены, а трапеза простерта, яко лакоть свѣтлая, и украшена камениемъ

измарагдомъ, и стояху на ней сосуди златы, прекрасны и всяческия удивление бяхъ же овощия различнии и прекраснии на блюдохъ тѣхъ. От нея ж исхожаще благоухание неизреченно. Бяше же отецъ нашъ Василии сѣдяше на престолѣ чюднѣ и злчнѣ стояше же в челѣ трапезы тоя не яко тѣло носяще человече, но яко луча солнечная испущающе образъ имуть человеческии, елико же ядаху от трапезы тоя, паче умножашеся. Тии же неизреченныя радости исполняхуся и черпающее им юноши нѣщцы краснии зѣло в невещественныхъ скляницѣхъ, бѣлы яко снѣгъ. Егда кто от сихъ взимаше чашу, яко пити хотяше, и вливаше во уста, исполняхуся Святаго Духа и сладости, яко изумѣвся сѣдяше на многъ часъ лице же ихъ, яко цвѣтъ, служащу же предстоящее сим юноши краснии зело, препоясани ремени златыми, и вѣнцы имуще на главахъ своихъ от каменія драгаго, и пришедши Феодора ко преподобному и помолился ему о мне. Он же, възрѣвъ на мя с радостию, призвавъ мя к себѣ, азъ же приближихся к нему и поклонихся ему до земли по обычаю, он же рече тихо ко мнѣ: «Богъ да помилуетъ тя и простит, чадо, и просветитъ лице Свое на тебѣ, да исполнитъ тя всѣхъ небесныхъ благъ». И воздвиже мя от земли, рече ко мнѣ: «се Феодора, юже желалъ еси видѣти, о ней же много молилъ мя еси видѣти, где есть, и которую получи часть. И се зриши ея и к тому прочее не стужай ми ея ради». Феодора же, радостно възрѣвши на мя, и рече: «Милостивъ буди Господь, брате Григорие, яко попеклся еси о мнѣ, смиреннѣи, тѣмъ же Богъ исполнилъ есть желание твое молитвами святаго отца нашего». И посемъ рече святыи Феодорѣ: «иди с нимъ и покажи ему ограды моя, да видить красоту его».

И взявши мя Феодора за десную руку, и поиде на десную страну и прииде къ стѣнѣ, в ней же бяху врата златы, и отверзоша ся намъ и внидохомъ внутрь, и видѣхъ тамо травы различнии и красны и листовие от злата имуще и цвѣты украше-

нии, исходяще из нихъ благовоние неизреченную сладости, и видѣхъ тамо множество деревьевъ прекрасныхъ безчисленно. Ветвѣи же имуихъ преклонены къ земли отъ тяжести плодовъ. Много почудихся симъ, и рече ми Феодора: «сия ли тя удивляетъ? Да аще бы видѣль ты онъ градъ, еже есть раи, еже Богъ насади на востоцѣ, что бы рекль еси, токмо страхомъ боявся бы ся еси о чудесѣхъ его сей убо противу оному сѣнь есть и сонъ». И рѣхъ азъ: «молотися, кто есть насадивыи оградъ сей? Сицеваго бо николиже азъ видѣхъ. Она же рече: «како можеша видѣти, еще живъ сыи и в тѣлеси?». Сия же иже видеши во плоти разумна суть и мы здѣ разумно ходимъ, труды же и потове преподобнаго отца нашего Василия ими же от юности даже и до старости потрудився, постяся и бдя и моляся и на земли легая и зной и мраз претерпѣвая, в пустыни былия яды на многа лѣта преже, даже не вниде в Константиноградъ на спасение многимъ, сицеваго есть ограда, его же ты днес видиши, иже бо в житии в тои временномъ и болѣзными, и скорбии. Господа ради и святыхъ его заповѣдей претерпевающихъ здѣ от Бога соблюдаются мзда и воздаяние и утѣшение в вѣки незаходимые веселящеся якоже. Давидъ рече: «труды плодовъ своихъ снѣси». Азъ же о сихъ почудихся, якоже рече – разумно ходимъ здѣ, осезахъ себе, аще во плоти есмь, испытаяхъ, и познахъ и чисто имѣхъ чюство помышлении моихъ, и дивихся духомъ тамо сущимъ видѣниемъ, и хотѣхъ возвратитися во дворець. И сице коими враты внидохомъ во оградъ, тѣми же и изыдохомъ, на трапезѣ же никогоже не обрѣтохомъ возлежащихъ, сушая же на ней вся уготована единаче. Азъ же поклонихся Феодорѣ и отидохъ отгуду.

И в себѣ пришедъ, возбнувъ и размышляхъ о видѣнии, гдѣ быхъ и что бяху видѣнная и слышанная мною и востахъ, идохъ ко блаженному, и помышляхъ, еда онъ вспомянетъ ми или исповѣсть, гдѣ бысь в сию ночь, аще ли от Бога или от бѣсовъ сие видѣние бысть, и пришед ми к нему, поклонихся по обы-

чаю до земли. Он же, благословив мя, повелѣ ми състи близъ себе и рече: «вѣси ли, чадо, гдѣ бѣ в сию ночь?». Азъ же, яко невѣдныи, отвѣщати: «нигдѣ же, отче, но почивахъ на одрѣ моемъ. И рече ми святыи: «яко тѣломъ на одрѣ почиваль еси, духомъ индѣ былъ еси и вѣси ли, колико ти показахъ в сию ночь? видѣлъ ли еси Феодору? Не ко вратом ли разумнымъ духовнаго дому, постигнути мя хотя, текии дошелъ еси? И изшедше с радостию приять тя Феодора, и внутрь тя введоша, вся ти показа, и о смерти ея, како с нужею преиде, аще не бы благодать Христова споспѣшествовала и мене грѣшнаго худое споручение начала и власти темнаго воздуха мытарствъ проити. Не внутрь ли двора вшелъ еси, мнѣ повелѣвшу? Неси ли видель чюдныя оны трапезы, и страшнаго строения ея, и которая какова бяху овощия или какова сладость и цвѣты, и какво питие, и котории ли юноши, служащей на трапезѣ съдящимъ? не стояше ли, смотряхъ онѣхъ дивныхъ полатъ красоты? Не егда ли прииде показахъ ти Феодору, о неуже мя много молилъ еси, яко да увѣси, котория славы получи? Неси ли она тебѣ по моему повелѣнью и купно в дарованныи ми оградъ от Бога видосте? Не сия ли и больша и множайша сихъ в сию ночь видѣлъ еси? Да како глаголеши – ничтоже о сихъ видѣлъ?»

И сия от святаго слышавъ и познавъ истину глаголемая и вмалѣ не оцѣпенѣхъ, безгласенъ быхъ. Азъ бо мнѣхъ, яко мечтание суще бытии видѣнное мною, и помышляхъ в себѣ, – коль великъ сеи у Бога бысть, понеже, яко во истиннѣ яко тѣлом и душею тамо пришедше, вся вѣсть. Азъ же прослезився рѣхъ: «Еи, отче святыи, вся тако бѣша, якоже реклъ еси, истинна есть, и благодарю человеколюбца владыку Христа, сподобльшаго мя сихъ видѣти и тебе познати, наставльшаго к тебѣ прибѣгнути и быти под кровомъ крилу молитвъ твоихъ и насладитися таковыхъ изрядныхъ чюдесъ». И рече святыи ко мнѣ: «аще, чадо, добрѣ управиши житие по блажественнымъ

заповѣдемъ и з добродѣтелми поидеши, по смерти воздушнии дуси онѣхъ мытарствъ ничтоже успѣють. Ти, якоже слышалъ еси от Феодоры, и ты прошедши блаженъ будеши и тамо приять будеши, идѣже азъ, грешный, надѣяхся на Господа обѣща ми благодать его домъ онъ, идѣже былъ еси. Слыши, чадо Григорие, реку ти, сохрани тайну отца твоего. Азъ бо хочу прежде тебе умрети и потомъ ты послѣдуеши ми по многихъ лѣтѣхъ, воспитанъ в дѣлѣхъ благихъ, якоже сказа ми Господу, но блюди, якоже рѣхъ ти, дондеже в животѣ есмь, да никто же увѣсть о сихъ. Ты же, аще хощеша потрудитися и мою худость не без памяти оставити, якоже обычаи есть в добродѣтелехъ подвижающихся написывати святыхъ жития, ты же, чадо, не мою худость, но Божию благодать во всемъ поспѣшающимъ и укрѣпляющую, бывшая воспомяни, почитающимъ и послужающимъ на ползу на прежде, иже аще ти здѣ хоцетъ содѣйствуетъ иже в чудесехъ богатыи Господь и сихъ не остави и вся по ряду скажи, да слышавшии прославятъ Бога во благихъ богатого, и себе соблюди от сѣти лукаваго на всякъ день и часъ, дондеже посѣтитъ тя Господь». Сия ж святому рекшу ко мнѣ, и ина многа наказателна словеса и молитвовавъ, отпусти мя.

Сам же обычаи имѣяше к нѣкимъ от духовныхъ дѣтеи отходити ползы ради. Бѣ бо врачъ изряденъ душевныя и тѣлесныя болѣзни молитвами исцѣляя, но и прозорливъ бѣ, провидя духомъ комуждо от врагъ и от злыхъ человекъ в таинѣ наводимая возвѣщаша хотящая случитися, великъ всѣмъ в бедахъ пособникъ бываше, непрестанно о нищихъ и сиротахъ и о вдовицахъ попечение имяше, и всѣмъ приходящимъ к нему утѣшитель благъ, и скорби словомъ, яко губою, от сердца отемля.

Опубликовано: Вилинский, С.Г. Житие св. Василия Нового в русской литературе: [в 2 ч.]. Одесса: тип. «Техник», 1911. Ч. 2: Тексты жития. С. 752–787.

По тех днях скончалась преподобная старица Феодора, которая служила св. Василию, дожившая до глубокой старости, многими добродетелями украшенная, в конце жизни венец приняла, поскольку долго служила преподобному. Я же скорбел о смерти ее, любившей меня, как родного сына, и часто обо мне с преподобным беседовавшая, рассказывая ему обо мне. Была она благонравной, любящей истину, тиха, милостива и кротка. И думал я про себя: «Куда попала она после смерти – на десную сторону или на левую, восприняла ли плату за то, что ухаживала за преподобным?» И часто молил преподобного сказать мне о судьбе Феодоры, он же сначала отказывал мне, но однажды, тихо улыбаясь, спросил: «Григорий, хочешь ли увидеть Феодору?» Я же ответил: «Конечно, господин мой, очень хочу этого». Он же сказал: «Поскольку с верой просил меня об этом, увидишь ее ныне». Я удивлялся, как и где могу увидеть умершую.

В ту же ночь уснул я на ложе своем и увидел прекрасного, светоносного юношу, который сказал мне: «Вставай, зовет тебя преподобный отец Василий, который собирается навестить Феодору. Если хочешь увидеть ее – иди с ним и встретишь ее». Я быстро встал, думая, что нужно идти прямо к святому, но не застал его, а бывшие там сказали мне, что он пошел навестить служебницу свою Феодору. Я огорчился, что не дождался он меня, чтобы и я увиделся с матерью своей духовной. Один из бывших там людей указал мне путь, идя которым найду святого.

Я пошел и внезапно, как во Влахерне, оказался на пути, ведущем в гору. Тропинка была узкой и труднопроходимой. Со страхом пошел я по ней. Увидел крепко запертые ворота и, приблизившись к ним, заглянул в скважину и увидев, что там есть некто, спросил о святом. Увидел благообразного вида женщину, сидевшую за воротами и беседующую с другой, и спросил ее, чей это двор. Она же отвечала: «Преподобного отца нашего Василия, который незадолго до тебя прошел здесь, собираясь посетить своих духовных чад». Услышав это, я обрадовался и, набравшись храбрости, просил ее впустить меня,

поскольку я тоже духовное чадо отца нашего Василия. Она же отвечала: «Как же я открою тебе, если никогда не видела, чтобы ты приходил сюда с ним? Отойди от ворот, поскольку без разрешения госпожи Феодоры никто не входит сюда». Я же услышал голос Феодоры, и тверже укрепился в своей решимости попасть за ворота, прося впустить меня. Феодора вышла на шум к воротам, узнала меня и открыла мне, говоря: «Это возлюбленное чадо господина моего отца Василия». Я с радостью вошел. Поцеловала она меня поцелуем своим святым и спрашивает: «Брат Григорий, кто наставил тебя на путь сей? Когда разрешился ты от земной плоти и отлучился суетного мира и пришел к блаженной жизни?» Я же дивился ее словам, не чувствуя себя иступленным, отвечал ей: «Нет, госпожа мать моя, я еще жив и пришел для того, чтобы увидеть тебя по молитве отца нашего Василия, чтобы увидеть твое честное лицо, твою славу, которую получила за многие труды свои. Но скажи мне, госпожа моя духовная мать, где я, и не скрывай ничего ради моей же духовной пользы». «Расскажу, милый мой, если хочешь, все расскажу, что помню», Я же спросил: «Как перешла ты смертную муку и как миновала воздушных стражников, как пришла и как обитаешь здесь?» Она же ответила: «О трудных делах спросил ты, чадо Григорий, не могу и вымолвить или вообразить, поскольку от страха и трепета многое забыла, как страдала и что делала, свыше это моих сил. Видела образы, ранее никогда мною не виденные и слышала гласы, которых никогда не слышала. Что говорю? Люто встретили меня из-за грехов моих, не надеялась преодолеть то, но по молитвам отца нашего общего Василия все мне было легко. Как, чадо, расскажу о телесной боли и великой муке, которую испытывают умирающие? Если кто падет в земной огонь и сгорает в нем – то и есть боль смертная. Страшно разлучение души и тела, особенно для грешников, подобных мне. Я, приближаясь к концу жизни, видела множество пришедших ко мне лукавых духов, которые кричали, шумели и смотрели на меня злобно, с искривленными лицами, кровавыми очами, а сами были черней смолы. И всячески пугали меня, пытаюсь похитить и затащить к себе. И принесли они огромные свитки, где все, содеянное

мною от юности моей, было записано, и размахивали ими, как бы отгоняя того, кто должен был появиться одесную меня. Я же, увидев этих духов, сильно испугалась и окончательно изнемогла, и смотрела по сторонам, чтобы увидеть кого-нибудь, кто защитил бы меня, и не было никого, кто пришел бы мне на помощь. Я отводила глаза, чтобы не видеть тех лиц. Долго пробыла я в такой беде. И внезапно появились два прекрасных юноши в золотых одеждах, и волосы их были белы, как снег. И приблизившись к моему одру одесную меня. Я же, заметив их, обрадовалась и с веселым лицом смотрела на них. Мрачные же, увидев их, отступили со страхом, и, обращаясь к ним, сказал один из юношей: «О омраченные и проклятые, что раньше времени подступаете к умирающей, крича, смущаете ее, бесстыдные! Здесь вы ничего не получите». Они же все, что содеяла я от юности моей, словом или делом или помыслом, все на средину вынесли и голосами бесчисленными закричали: «Ничего не получим? А это чье? Не она ли сделала это?» И многое другое кричали.

И внезапно появилась смерть. Вид ее был, как у рычащего льва, очень страшен, хотя и в человеческом облике. Несла она всякое оружие: мечи, ножи, пилы, тесла, бритвы, серпы, оскорды, уды, стрелы и много другого, незнакомого мне. Им казнит различными способами. Увидев ее, устрашилась моя душа, а юноши сказали смерти: «Что медлишь? Разрушай союзы, нет здесь много споров о грехах!» Она приступила ко мне и, взяв малый оскордец, начала отсекать ноги мои, потом руки, другим оружием – все суставы и телесные члены мои разделили и исторгла 20 ногтей моих, на руках и на ногах, и умертвила тело мое. Не имела я ни рук, ни ног и не могла пошевелиться. Все оружие использовала, чтобы умертвить меня, потом взяла тесло и отсекла мне голову. Налила нечто в чашу (что в ней было – не знаю) и велела выпить. И так мне, чадо, было горько, в тот час, когда отторгли мою душу, но скоро она выпорхнула из тела, как птица из сети ловца, и прекрасные юноши приняли ее на руки. В сердце находится ум человека, в уме же – дух. Когда приняли меня прекрасные юноши, оглянулась я и увидела тело мое, лежащее бездыханно и бесчувственно, как будто кто-то

снял одежду и стоит, глядя на нее. Удивилась я и спросила: «Хотелось бы мне узнать, как устроен бедный человек?» А пока держали меня святые ангелы, подступили лукавые духи и закричали: «Много грехов ее знаем! Отвечайте за них!» Ангелы же стали искать мои добрые дела: когда дала хлеба убогим, или напоила жаждущего, или посетила болящего или в темнице заключенного, или с усердием ходила в церковь, или странников приютила в своем доме, или подлила масла в кадило, или фимиам дала в церковь, или молилась слезною молитвою, или досаду стерпела, или странникам ноги омыла, или помирила ссорящихся, или подбодрила неустойчивых в вере, или кого-то отвратила от греха, или скорбела о чужих бедах, или по силе пострадала с кем-нибудь, или помогла кому в добром деле, или молилась коленопреклоненно, или строго пост держала и смиряла плоть духом и постилась в Святую пятидесятницу и к Рождеству Христову, и святые и апостольские праздники, и к Успенью Богородицы, и каждую среду и пятницу, или отворачивалась от греховных дел, или удержалась празднословия, клеветы и лжи. Все это собирали святые ангелы и мерили на мерилах с моими грехами. Один за один выкупали. Злые духи скрежетали зубами, глядя на меня, желая похитить и свести в бездну. В это время внезапно появился отец наш Василий и сказал святым ангелам: «Господии мои, эта душа много послужила мне, покоя немощь мою и старость. И молился я Богу о ней и даровал мне ее, благостный», и дал им какой-то ларец и сказал: «Если не удастся миновать какое-либо мытарство, искупайте этим, беря отсюда за долги от лукавых духов». Мне же показалось, что чистое золото дал им в ларце, трудами и потом собранное. И даровав это – отошел.

Лукавые же духи, увидев это, долго стояли онемевшие, а потом закричали громко: «Горе нам, всеу стараемся, и здесь не успели!» И снова появился отец наш Василий и принес сосуды, один за другим окропляя меня их содержимым. И исполнилась я вся благоухания духовного и поняла, что изменилась, стала светлой. И сказал преподобный святым ангелам: «Господии мои, когда свершится все требуемое с этой душой, приведите ее

в предуготованные мне от Бога пределы». Сказав это, исчез. Святые же ангелы подняли меня от земли и понесли по воздуху.

Идушим нам внезапно встретилось первое мытарство – клевета. В нем же было множество лукавых духов. Старший из них сидел, а тут встал. Свидетель Господь, чадо, кого человек на земле оклеветал, те лица и время перед очами встают, представляют их лукавые духи. И откуда все проведали, окаянные, не знаю. Много же и лжи излили они на меня, или мои слова перетолковывали, сказанные или от любви, или от желания исправить согрешившего, – все это вытащили они на средину, чтобы отвечали им ангелы. Ангелы же, отвечая за меня, недостойную, дали нечто из дарованного господина моего Василия, положив против дел моих, и ушли мы без беды.

Поднялись мы выше и встретили второе мытарство – поругание. Подобно первому, и тут испытывали духи мои грехи. Святые ангелы грехи мои из дарованного преподобным Василием откупили, и пошли мы далее. Восходя выше, сказали ангелы друг другу: «Воистину сия душа великую помощь имеет от угодника Божья Василия, поскольку много мучений претерпевает душа, проходящая через это мытарство».

Достигли мы третьего мытарства – зависти. Благодатью Христовой, ничего не нашли на меня лукавые духи, поскольку в помышлении у меня не было кому-то завидовать. И с радостью пошли от них. Они же скрежетали зубами, ярьась, как бы живую меня проглотить собираясь.

Выше поднявшись, достигли мы четвертого мытарства – лжи. Находящиеся в нем лукавые духи были мерзкими ненавистниками, а старейшина их был и вовсе свиреп. Увидев нас, вышли навстречу, громко крича, проклятые, показывали мне мою ложь: на кого и когда солгала, и людей, на которых лгала. И тут ведущие меня святые ангелы, как и прежде, выкупили меня дарами святого. И прошли мы невредимо.

Выше поднялись и встретило нас пятое мытарство – ярость и гнев. Это испытание проходит блаженный человек, который ни на кого не гневался. Старейшина духов, сидящий на престоле, исполнен гнева, ярости и гордости. С яростью и гневом приказал лукавым духам обличить меня. Они же, как псы об-

лизываясь, пришли и прочитали список не только тех грехов, что я совершила, когда говорила с яростью и гневом, или когда досадила кому словом, или рукой ударила, или замахнулась, или с гневом посмотрела, или била кого в ярости, или гневом раздражалась, но и не бывшие грехи показывали. И если гневалась на кого, или с гневом кого-то огорчила, или укорила с гневом, – все на средину вытащили: и имена людей, и сами слова, и тех людей, что в это время были. И отвечавшие за меня святые ангелы дали и им выкуп. Пошли мы выше.

Встретили мытарство шестое – гордость и величание. Много искали лукавые духи, но не нашли ничего. Чем мне, рабе убогой, было гордиться? И миновали их, не пострадав.

Идущее выше, встретили седьмое мытарство – празднословие и сквернословие. Встречающие там испытывают, были ли на тебе эти грехи. И обличали меня от юности моей, и затрепетала я: когда сквернословила, или злословила, или мирские песни пела, – все перечислили: насмешки, глумления, смех. Думала про себя: «Откуда знают, проклятые, если я и сама уже забыла, много времени прошло». И здесь, дав духам мзду, мимо прошли и пошли выше.

Подошли к мытарству восьмому – воровству и лести. И предстатели сего, лукавые духи, не нашли ничего обо мне, и пошли мы выше.

И подошли к мытарству девятому – неправды и тщеславия. Здесь тоже не задержались – пошли выше.

После этого поднялись до десятого мытарства – сребролюбия. Долго искали лукавые духи, но не нашли ничего, и пошли мы выше.

Поднимаясь, попали в одиннадцатое мытарство – пьянство. Слуги его стояли, как хищные волки, и звери яростные, стремящиеся поглотить каждого, кто проходил мимо них. Набросились на меня злые искатели, и все чаши, которые за жизнь выпила, все сочтены ими были. И говорили мне: «Не ты ли эти чаши выпила в такой-то день, и с тобою пили такой-то муж и такая-то жена, и не напилась ли ты сверх меры, столько-то испив чаш, а тут были он и она?» И много на меня клеветали,

стремясь похитить меня из рук святых ангелов. И то, что говорили, правда была. Много гостей ко мне приходило, и пила я с ними и упивалась допьяна. Провожатые мои дали духам от дарования святого, откупились от моих пьянственных грехов, и стали мы подниматься выше. И сказали ангелы: «Видишь ли, какая беда может быть, когда проходит душа границу власти князя тьмы мытарства этого?» Я же отвечала: «Видела и убоялась и думаю, что если те, кто живы, знали, что встретят здесь после смерти, не грешили бы». И сказали мне ангелы: «Знают, но пища и прелести жизни отвлекают их от памяти о Божественных писаниях, вопиющих об этом. Подаяние милостыни больше других добрых дел может помочь здесь и сумеют увидеть день и ночь, чтобы избежать таких воздушных мытарств и вечных болезней, но в небрежении живут, как будто бессмертны, служат чреву и гордости. И внезапно пришедшая смерть наведет все на них. Горько здесь тем, кто хочет миновать мытарства эти, если не имеют добрых дел. Из-за отсутствия добрых дел забирают душу темные князья этих мытарств и сводят в мучения темные ада и держат в узах до второго пришествия Христова, куда и ты могла бы попасть, если бы не искупил тебя угодник Божий Василий, великое благо сотворивший».

Так, беседуя, встретили мы двенадцатое мытарство – злопамятство. И вскочили лукавые духи, сидящие здесь, как разбойники. Долго они искали, не записано ли чего у них обо мне, но не найдя, молитвами святого отца нашего Василия, рыдали. Поскольку я, грешная во многом, любовь имела ко всем, малым и великим, никого никогда не обидела, ни зла не помнила. Миновали и тех без вреда.

Спросила я святых ангелов, сопровождавших меня: «Молю вас, господии мои, откуда такая сила у сих незаконных делателей над в миру живущими и знание их грехов?» И ответил мне один из ангелов: «Каждый христианин при святом крещении приемлет святого ангела, невидимо хранящего его и наставляющего на благие дела и записывающий их. Но и лукавый дух сопровождает христианина и записывает все грехи его земной жизни, и сразу заносит их в те мытарства, которые встречают душу человека здесь, дабы удержать ее у себя и свес-

ти в бездну, в которой сами живут, до второго пришествия Господня. Тем, кто не имеет дел благих, невозможно избежать рук тех лукавых духов. Еще живущему человеку, христианину, который верует во Святую Троицу и приобщился к святой церкви, открыт путь на небо. Злочестивым же и злобным еретикам препон лукавые духи не делают, поскольку считают их заранее присоединившимся к ним».

Говоря об этом, мы достигли тринадцатого мытарства – обаяния. Были в нем змееобразные духи, их ведение – тьма и соблазн. Ни один из них ничего не мог сказать про меня, Христовой благодатью, быстро их прошли. Спросила я ведущих меня святых ангелов: «Господи мои, со всяким ли грехом, совершенным человеком, когда был еще жив, его душа должна пройти через мытарства? Можно ли очиститься от грехов? Поскольку записаны все человеческие грехи, ныне вижу это и трепещу, уж очень подробно испытуют меня». И отвечали мне ангелы: «Не всех, но только подобных тебе, не исповедовавшихся перед смертью. Если бы ты поведала духовному отцу без стеснения о своих грехах и приняла бы наказание от него, и перенесла бы наказание это и прощение, то прошла бы беспрепятственно все злые силы, и не на одном из мытарств не остановили тебя. Но поскольку не захотела открыть духовному отцу все свои грехи, то и проходишь здесь испытание. Но и то тебе помогает, что оставила давно свои грехи и не творишь их больше. Тот же, кто жив еще, прочие грехи должен исповедать с покаянием, и простит ему Бог эти грехи и освободит от них. Этот человек принимает невидимое прощение, и лукавые духи мытарств ничего не обнаруживают в записях своих, ибо Святой Дух невидимо покрывает их. Если жив человек, его грехи исповедью уничтожаются, и напрасно лукавые духи их записывают. Великое благо для спасения души – исповедь. От многих зол избавляет человека и помогает беспрепятственно пройти мытарства и прийти к Богу, принеся добродетельные дела. Если же кто-то оставил грех, но не покался в грехах, совершенных прежде, в надежде, что довольно для спасения того, что отступил от греха, раскаявшись, нет ему пользы для спасения, поскольку не покаявшийся при жизни, испытан будет

здесь, как ты видишь. Также живому человеку, исповедующему один грех одному духовному отцу, а другой – другому духовному отцу, не приняв духовного наказания от первого, стыдящемуся открыть все свои грехи одному духовному отцу, придется все грехи здесь открыть, прямого и простого пути ему не будет».

Идя выше, дошли мы до четырнадцатого мытарства – объедения и чревоугодия. Слуги его залаяли на меня, точно псы. Вскоре принесли и записи на меня, когда в юности моей тайком ела, а была сыта, и когда ела с утра, до молитвы, как свинья, и когда ела в святые посты, ела до обеда и после обеда и вечерами, после вечерни, насыщая утробу выше меры. Все это предъявили мне, стараясь отнять меня у святых ангелов и живой проглотить, приговаривая: «Не ты ли обещалась при крещении Богу своему отречься от сатаны и всех дел его и всех слуг его? При таком обете такие дела творила!» Святые же ангелы дали им, что должно, и пошли мы вверх.

Пришли вскоре к мытарству пятнадцатому – идолослужению. Эти не нашли на меня ничего, и пошли мы дальше.

А потом встретило нас мытарство шестнадцатое – мужеложество и осквернение детей. Его слуги, узнав, что я – женщина, не знали, что сказать мне, только о том спросили, не творила ли я греха с подругою мужским подобием, разжигаемая похотью. Христовой благодатью, ничего не нашли, и пошли мы выше.

И пришли к мытарству семнадцатому – прелюбодеянию. Вскоре слуги его прискочили и стали испытывать меня, поскольку еще до того, как начала служить отцу нашему Василию, имела супруга, которого дала мне госпожа моя. И живя с ним, грешила с некоторыми юношами, поэтому лукавые духи пытались обвинить меня в прелюбодеянии. Святые ангелы сказали им, что поскольку с супругом я не была венчана пред алтарем, так как раба была, то грех мой – не прелюбодеяние, а блуд. Духи спорили: «Не раб ли Божий второй, откупивший ее серебром у господина его? Это прелюбодеяние, а не блуд!» И в споре этом победили святые ангелы и не дав им ничего, прошли сквозь них. Они же, покачивая головами, говорили: «Если

нас одолели своими лукавыми словесами, то блудного испытания им никак не пройти, ибо сильнее оно других».

И выше поднялись мы, до мытарства восемнадцатого – разбойного. В нем была драка во гневе и удары по лицу и плечам, и удары по шее железом, палицей и всяким оружием и всякое хищение, и все это мерилom мерилось. Святые ангелы дали слугам небольшую мзду, и пошли мы дальше.

Поднимаясь выше дошли до мытарства девятнадцатого: воровства. Но и тут ничего не дали слугам этого мытарства.

Пришли к мытарству двадцатому, блудному. Князь этого мытарства облечен в одежды смердящие, окропленные кровавою пеною, как царской багрянницей. Одежды его были сшиты из бесстыдных и срамных деяний, как из свиной кожи. Вскочили духи, удивляясь, как достигли мы этого мытарства, долго стояли как бы в забытии. А потом начали искать в жизни моей блудные грехи, и не только те, которые я совершила в юности, но и много других нашли, чтобы оклеветать меня. И называли места и имена, записанные у них. Все вытащили, пытаюсь похитить меня, мятущуюся, у моих проводников, святых ангелов. Они же говорили духам: «Оставила она грехи давно». Те же отвечали: «И мы знаем, что оставила, но не сказала о них духовному отцу на исповеди, не понесла духовного искупления и отпущения этих грехов не получила, и благими делами не искупила». Ангелы же дали им от дарованного господином нашим Василием и, взяв меня, поднялись выше. Злые же духи скрежетали зубами, что так неожиданно избежала я их рук.

Когда мы шли выше, говорили мне святые ангелы: «Знаешь ли ты, Феодора, что редкая душа минует это мытарство, поскольку блудлив суетный мир. Поэтому многие от этого мытарства низвергаются и заключаются в ад Ты же, дарованием святого отца твоего Василия, избежала такой участи, Если его преодолела, не испытываешь того зла, хоть и хвастаются князья бесовские, что поддерживают огонь душами человеческими, не миновавшими блудного мытарства».

Так, разговаривая, встретили мы мытарство двадцать первое – немилосердие и жестокосердие. Пройдя прочие, оказыва-

ешься у мытарства немилосердия, где у лукавых духов записано все немилостивое жестокое и суровое. Если кто и вознамеривается исполнять заповеди Божьи, но будет немилосерден и жестокосерд, то душа его, дойдя до этого мытарства, будет низринута слугами мытарства, избиваемая, прямо в мрачный ад до второго пришествия. Эти ненавидимы Богом, потому что краюху хлеба не подадут убогому, больного не посетят, обездоленного не утешат, если не делом, то словом не посетуют вместе с ним, но напротив, лень и жадность и немилосердие к ближнему являют. Когда приходят к двадцать первому мытарству, то видят сидящего князя его, жестокого, иссохшего и унылого, как от долгой болезни. И плача и рыдая, опалая огнем немилосердия, испытывает он и допрашивает. Слуги его, как пчелы, окружили меня, но ничего не нашли. И мы, радостные, что избыли горькие воздушные мытарства, пошли к вратам небесным.

Были те врата как хрусталь, сделанный из звезд небесных. И стояли возле них юноши в блистающих золотых одеждах. Они с радостью приняли нас, видя, что душа моя миновала горькие воздушные мытарства, и мы с радостью вошли внутрь. И расступалась вода, стоявшая над твердью, и смыкалась позади нас.

Пришли мы на облако страшное, где увидели юношей в светозарных одеяниях, и видя душу мою, несомую святыми ангелами, встретили нас радостно, потому что сохранилась душа моя для Царствия Божья, и пошли вместе с нами, поющие нам божественную песнь. И с этого облака перешли мы на другое, потом еще одно. И пройдя еще немного, увидели престол Божий на огромной высоте, освещавший все вокруг, прекрасные юноши в светозарных одеждах окружали его. Что сказать тебе, чадо Григорий? Все там неизреченно и недоступно мысли, ум помрачающее и память отнимающее. Забыла, где я, и сейчас мало помню. Сопровождающие меня святые ангелы принесли меня к престолу Божью и, пав, вознесли хвалу Святой Троице. И услышала я глас свыше: «Пойдите, покажите все души, праведные и грешные, и все обители святых в раю, и тех, кто в преисподней ада, а потом упокойте ее там, где укажет угодник мой Василий».

И пошли мы неизвестным мне путем и пришли в обитель святых. Не могу передать словами, что увидела там: как будто прекрасные дворцы удивительной красоты, все разные, как бы рукой божественной созданные, Как некогда слышала в Писании: «на месте покойном, на месте обильном, на месте утешения». И видя их, чувствовала неизреченную доброту, веселье и радость, исходившие от тех мест, и смотрела на то, что показывали мне святые ангелы – обители, отдельно апостольские, отдельно пророческие, отдельно святительские, отдельно преподобных и праведных, величиной, думаю я, каждая – подобна Царьграду. И когда вошли внутрь, все святые встречали и целовали нас духовно, радуясь моему спасению. Привели меня в недра патриарха Авраама, показывая все. И все было наполнено радостью и славой духовной, благовонных цветов и мирра ароматами. Были там палаты различные, несказанной красоты, Богом и Святым Духом устроенные, а вокруг множество ликующих и веселящихся младенцев. И спросила я сопровождающих меня ангелов, что это за светоносные младенцы, ликующие вокруг светоносного старца. И отвечали мне: «Это патриарх Авраам, а это – недра авраамовы и крещеные младенцы, освободившиеся от земной плоти, безгрешные». А потом показали мне места райские Я же, видя все эти неизреченные красоты рая Божья, лишилась разума. Что долго говорить? Если начну все тебе рассказывать, что там видела и слышала, охватит меня страх и трепет.

После рая повели меня в преисподнюю, где связанный сатана заключен, и видела там страшные, непередаваемые муки. А оттуда повели меня на запад, и тут я видела горькие, лютые муки, уготованные грешникам. Показав мне все, святые ангелы спросили: «Видишь ли, от каких страшных мук избавил тебя Господь, по молитве своего угодника?» Те, кто мучились, восклицали «О горе», другие кричали «Тяжко» и рыдали, и не было помилования для них. Много неопишуемых мучений видела я там.

Когда прошли все это, один из проводников моих спросил: «Знаешь ли, Феодора, почему на земле 40 дней поминают умерших?» Так я поняла, чадо Григорий, что 40 дней прошло, как разлучилась я со своим телом и попала туда, где ты меня

видишь. Ты же в мире живешь еще, как и преподобный Василий, многих на путь истинный наставляй, покаянием и исповедью приводи к Богу. А сейчас мы пойдем во внутренние покои и увидишь, где я сейчас пребываю, преподобный отец наш Василий недавно прошел здесь». И вошли мы внутрь.

Идя там, я увидел окропленную божественными маслами траву, помазанную миром и нардом. Одежды Феодоры стали белы, как снег, и вошли мы во дворец, вход в него был из чистого золота, посреди двора росли деревья, отяжелевшие от прекрасных плодов. Я посмотрел на восток и увидел светлые, высокие палаты, где на белой скатерти, украшенной изумрудами, была приготовлена трапеза. Там стояли золотые сосуды и всякие удивительные плоды на блюдах, от которых исходило благоухание. Отец наш Василий сидел во главе, не как человеческую плоть носящий, но как испускающий солнечные лучи, исходящие от человеческого образа. И когда вкушали от трапезы той, на ней только больше всего прибавлялось. Восседавшие за трапезой той неизреченной радости исполнялись. Подающие им в невидимых сосудах юноши были белы, как снег, и когда наливали гостям в чашу, то исполнялись они святого духа и сладости. И так проводили время, и были лица их подобны цветам. Служащие же им прекрасные юноши были препоясаны золотыми поясами, а на головах их были надеты венки из драгоценных камней. И подошла к отцу Василию Феодора, и помолилась обо мне. Он же, возрев на меня с радостью, призвал меня к себе. Я приблизился, поклонился, по обычаю, до земли, он же сказал мне тихим голосом: «Бог помилует тебя и простит, чадо, и просветит свое лицо на тебе и исполнит тебя всех небесных благ». Поднял меня с земли и сказал: «Вот и Феодора, которую ты хотел видеть и много молил меня об этом, стремясь узнать ее участь после смерти. Теперь видишь ее и не огорчай меня, ее ради». Феодора радостно посмотрела на меня и сказала, что рада милостивому моему отношению, что помнил о ней, и что потому Бог и исполнил желание мое. Святой сказал Феодоре: «Иди с ним и покажи ему пределы мои, да видит красоту места сего». Феодора взяла меня за десную руку и пошли мы вправо. Увидели прекрасные

травы и листья, отливающие золотом, и цветы удивительные. От них исходил прекрасный аромат неизреченной сладости. И видели там множество деревьев с ветвями, наклонившимися до земли под тяжестью изумительных плодов. Дивился я увиденному, а Феодора сказала: «Если ты этому дивишься, то что испытал бы ты, увидев град, созданный Богом на востоке, то есть рай, только со страхом взирал бы на красоту его. Этот по сравнению с тем – только тень и сон». И воскликнул я: «Молю тебя, скажи, кто насадил сад сей, какого я никогда не видел?» Она отвечала: «Как же ты мог видеть его, если еще жив и в бренном теле? Это – мысленный рай, и здесь мы мысленно ходим, трудами и потом отца нашего преподобного Василия, который с юности трудился, постясь, бодрствуя и молясь, и до земли преклоняясь, зной и холод претерпевая, в пустыне быльем питаюсь еще до того, как пришел в Константинополь для спасения многих. Это – его пределы. Его ты видел сейчас, потому что он жив, и в том мире людей спасает, страждущих и болеющих, Господа ради и святых его заповедей, от бога награду и воздаяние и утешение в веках незаходимых, веселящийся, как сказал Давид: “плоды от трудов своих снесете”». Я же удивился, как же мы мысленно ходим здесь, поскольку не чувствовал себя вне тела или исступленным, и ясны были мысли мои. И хотел возвратиться во дворец. Теми же воротами, что вышли, мы снова вошли, но не увидел никого на трапезе. Я поклонился Феодоре – и отошел оттуда.

Придя в себя, я наутро размышлял, пытаюсь понять, где был и что были мои видения? Встав, пошел я к блаженному, думая, что если он вспомнит или скажет, где был ночью, от Бога или от бесов видения мои. Пришел к нему, по обыкновению, поклонился до земли. Он же благословил меня, велел сесть рядом и спросил: «Скажи мне, чадо, где ты был этой ночью?» Я же притворился, что не понимаю, и ответил: «Нигде, отче, почивал на ложе своем». И сказал мне святой: «Если телом ты почивал на ложе своем, духом где был и знаешь ли, сколько тебе открылось в эту ночь? Видел ли Феодору? Не к воротам ли разумным духовного дома дойти желая, дошел? И с радостью приняла тебя Феодора и внутрь ввела, и все показала от смерти

своей? С какой болью перешла, если бы не благодать Христова споспешествовала ей да моя, грешного, слабая помощь начала и власти темный воздух мытарств? Не внутрь ли пределов вошел ты и видел меня, разве не видел ты чудной трапезы и прекрасных строений? И какие были цветы и плоды, и каково питье? И какие юноши служили возлежащим на трапезе? Не стоял ли, дивясь красоте палат? А когда пришел, не видел ли Феодору, о которой много молил меня, чтобы узнать о ее судьбе после смерти ее? Не она ли ввела тебя в ограду пределов, дарованных мне Богом? Не это ли и еще большее и множайшее открылось тебе сегодня ночью? Как же ты говоришь, что ничего не видел?»

Услышав это от святого, я понял, где был я, и оцепенел. Я думал, сколь великое открылось мне, и как велик Бог, если все виденное мной действительно существует. Прослезился я и сказал: «Воистину, святой отче, все так и было. И благодарю человеколюбца владыку Христа, сподобившего меня все это видеть и тебя познать, наставляющего меня, принявшего меня под крыло свое своей молитвой и позволившего насладиться созерцанием таких неземных чудес». Отвечал мне святой: «Если богоугодно устроишь жизнь свою по блаженным святым заповедям и добродетельно, по смерти твоей воздушные духи мытарств ничем не смогут помешать тебе, как слышал ты от Феодоры. И ты, их прошедши, блажен будешь, где и я, грешный, надеясь на Господнюю обещанную мне благодать, окажешься. Слушай, Григорий, заклинаю тебя, сохранить тайну отца твоего духовного. Я хочу раньше тебя умереть, ты последуешь за мной после долгих лет, воспитанный в благих делах, как сказал мне Господь. Но молчи, говорю тебе, всю жизнь свою, да никто не узнает об этом. Ты же, если хочешь потрудиться и не оставить мою худость в забвении, как обычай есть писать жития святых, чадо, не мою худость, но Божью благодать во всем, споспешествующем и укрепляющем тебя, бывшим с тобой, помни и напиши на пользу, но не раньше, чем содействует тебе в этом богатый на чудеса Господь. И дела этого не оставляй, все расскажи по порядку, чтобы слышавшие прославили Бога на благое богатого. И себя соблюди от сетей

лукавого в каждый день и час, пока не посетит тебя Господь». Вот что сказал мне святой, и многое другое, поучительные и направляющие словеса и молитвы, и отпустил меня.

Сам же он имел обычай ходить к некоторым своим детям духовным ради их пользы. Великий был целитель, духовные и телесные болезни молитвами исцеляя. Но и прозорлив был, провидя духом, если кому-то злые люди или враг в тайне собирались навредить. Непрестанно о нищих и сиротах, и о вдовицах попечение имел, и всем, приходящим к нему, утешитель благим или скорбящим словом, как губкой, горе от сердца отымал.

(Перевод Л.П. Найденовой)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение	7
Историография и источники	11
О русской средневековой религиозности	24
О двоеверии	24
Русская религиозность конца XV – середины XVI века	33
Любовь или страх	43
Любовь к Богу и «Страх Божий»	43
Отношение к смерти	53
Жизнь после смерти	65
«Суд Божий» – «поле»	83
Гендерные отношения в России XVI века в зеркале «покаянных книг»	91
Исповедальные тексты	91
О супружеских интимных отношениях	93
Жизнь во грехе	98
Заключение	102
Примечания	106
Список сокращений	114
Литература	115

Приложение	121
Послание Василия Новгородского Феодору Тверскому о рае	124
Послание о смерти Кассиана Босого	134
Повесть о видении Антония Галичанина	135
О святем мученице Иване иже за Христа муче во граде Ка- занне	139
[Рассказ] Святого Андрѣя о нѣкоем блудницѣ умершемъ [Смерть Василия III]	141
Диалог со смертью	143
Сказание о смерти Нѣкоего мистра великаго Сирѣч Философа	145
Отрывок из Диалога смерти с мигистром, не переведен- ный на древнерусский язык	152
De morte prologus	160
Хождение Богородицы по мукам	167
Хождение преп. Феодоры по мытарствам	184

Редактор
О.А. Пруцкова

Компьютерная верстка
Н.В. Васильевой,
Л.П. Андриановой

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН

Подписано в печать 21.11.13. Формат 60 × 84/16. Заказ № .
Тираж 300 экз. 15,5 п.л. 10,58 уч.-изд. л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.